

ИЗ КНИГ
А.И.МАРКУШЕВИЧА

Въ книгѣ Агенода

Изъ книги Агенод

ДѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ,

ИЛИ

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗГОВОРЫ

МЕЖДУ

ОДНОЮ ГОСПОЖЕЮ И ЕЯ ДѢТЬМИ,

СОЧИНЕННЫЕ
ДЛЯ ПОСПѢШЕСТВОВАНІЯ
ИСТИННОЙ ПОЛЬЗѢ
МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Печатана при ИмператорскомЪ Московском Ъ УниверситетѢ
1776 года.

Господи! устнѣ мои отверзеши и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою.

Пс: 50. ст: 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Познаніе Бога, міра и человѣка, есть неоспоримо превосходнѣйшее, но вкупѣ и полезнѣйшее и нужнѣйшее познаніе изъ всѣхъ прочихъ познаній человѣческихъ. Ибо что нужнѣе для насъ, какъ знать того, кто бытію нашему причиною и умѣть на слѣдующіе великіе вопросы отвѣтствовать: что такое мы? Откуда и отъ чего взялись? Гдѣ, въ какихъ обстоятельствахъ и за чѣмъ живемъ, и что съ нами впредь будетъ? И когда не совершенно все сіе знать: такъ по крайней мѣрѣ чтобъ не быть, въ разсужденіи сихъ пунктовъ, совсѣмъ не знающими, а имѣть хотя нѣкоторое о томъ правильное и по нуждѣ ужè достаточное понятіе? Человѣкъ, никогда о томъ не мысля-

щей и помышлять никогда не хотящей, почти недостоинъ того, чтобъ онъ носилъ на себѣ сіе имя.

Но какопо неоспоримо сіе, и какопы ни нужны сіи познанія для псѣхъ; такопожъ неоспоримо и то, что сіи познанія для молодыхъ и такихъ людей, которые начинають только пходить пъ прямую жизнь и себя разумѣть, несрапненно еще нужнѣе и полезнѣе, нежели для людей позраста сопершеннаго, и съ спѣтомъ допольно ужè ознакомипшихся. Кому неизпѣстно, коль пеликія пыгоды можетъ имѣть челопѣкъ, имѣющей о томъ отъ самой юности споей ясныя и прапильныя понятія, глубоко пъ умѣ споемъ пнечатлѣнныя; а того пеличайшія, когда пъ жизнь пойдетъ съ испрапленнымъ пъ юности еще сердцемъ, и съ оснопыпающимися на оныхъ склонностьми благородными и полезными, а не такими кои и ему предны и псему общестпу предосудительны; оснопыпающимися

псего

всего чаще на невѣжествѣ и не правильныхъ о сихъ вещахъ понятіяхъ. Не великое ли облегченіе имѣетъ чрезъ то такой человѣкъ въ снискиваніи себѣ истиннаго благополучія; и не всего ли чаще отъ таковыхъ и для всего общества проистекаютъ великія пользы.

А когда сіе справедливо: то могутъ ли когда нибудь излишними и ненадобными почесться всѣ такого рода сочиненія, которыя, молодымъ, и часто всего меньше о сихъ вещахъ знающимъ, и приличнымъ къ тому наукамъ обучаться случая не имѣющимъ людямъ, могливъ служить нѣкоторымъ руководствомъ къ симъ толь нужнымъ познаніямъ, а вкупѣ къ удобнѣйшему исправленію сердецъ ихъ? Сколькобъ ихъ ни было: но всегда они не будутъ излишними, безполезными и не надобными. Вещей касающихся до того такъ много, всѣ они такъ нужны, и способны къ сообщенію понятій объ нихъ, такъ много

различны, что никогда о томъ довольно говорено быть не можетъ.

Вотъ обстоятельство, которое побудило меня по мѣрѣ силъ, знанія и возможности моей поспѣшествовать съ сей стороны общей пользѣ, и предложеніемъ сего не большаго труда пріумножить количество имѣющихся ужѐ въ свѣтѣ сего рода сочиненій. Я не знаю и всего меньше могу знать, достигну ли я имъ до цѣли моего желанія; а знаю только то, что за великое бы себѣ щастіе, и наилучшимъ награжденіемъ моего труда почелъ, естьлибъ могъ принесть имъ хотя малому числу моихъ юныхъ согражданъ существенную пользу; а изъ прочихъ хотя нѣсколькимъ сдѣлать онымъ угожденіе.

И какъ самое сіе было наиглавнѣйшею цѣлью желаній и трудовъ моихъ: то издавая сей не большой

большой и первой опытъ нравоучительныхъ моихъ сочиненій: и прошу всѣхъ тѣхъ, кои и возрастъ и разумъ ужѐ зрѣлой и совершенной имѣютъ, не принимать сего предпріятія моего на свой щетъ, и не подумать, чтобъ я симъ сочиненіемъ своимъ собственно ихъ учить отваживался. О нѣтъ! Таковую смѣлость взять я для многихъ причинъ былъ не въ состояніи. Обстоятельства, что и долгъ званія моего того не требуетъ; и недостатокъ знанія и потребнаго къ тому искусства, о которомъ я довольно самъ въ себѣ свѣдомъ, того мнѣ не дозволяетъ; и безсомнѣнность, что имъ все нужное и безъ меня довольно и предовольно извѣстно, и что они не имѣютъ нужды въ возобновленіи таковыхъ наставленій; тѣмъ паче, что для нихъ въ разсужденіи самыхъ сихъ пунктовъ ужѐ и безъ меня съ лишкомъ много писано и говорено было въ свѣтѣ, и несравненно лучшими и такими людьми, которымъ

ледпали въ ученики могу годиться, однимъ словомъ, все сіе и множество другихъ причинъ и обстоятельствъ, могли уже удержать меня отъ такой дерзости и принудить посвятить сей трудъ свой единственно дѣтямъ, или такимъ молодымъ людямъ, кои отъ дѣтства не далеко еще удаленны. Почему не справедливо поступятъ тѣ, кои насильно принявъ нравоученіе мое на свой щетъ, меня заное яко взявшагося не за свое дѣло, обвинять похотятъ.

Но какъ самыя сіи дѣти, сіи будущіе заниматели нашихъ мѣстъ въ свѣтѣ, которымъ насъ совокупными силами помогать сама натура обязуетъ, не инному кому, какъ имъ; а между прочимъ и самымъ такимъ принадлежатъ, которые въ помянутыхъ познаніяхъ уже совершенны, и кои въ пользѣ или вредѣ, могущемъ произойти дѣтямъ ихъ отъ чтенія книгъ, имъ въ руки попадающихся, наичувствительнѣй-

тельнѣйшее соучастіе получать могутъ: то за не обходимую должность почелъ я дать имъ въ семъ предпріятіи моемъ короткой отчетъ, и въ короткихъ словахъ предъувѣдомить ихъ какъ о всемъ намѣреніи моемъ, такъ и о томъ, чего они въ семъ незнакомомъ еще имъ сочиненіи искать, и чего не искать могутъ.

Я начну съ послѣдняго, и смѣло могу всѣмъ родителямъ сказать, что они книжку сію дѣтямъ своимъ безъ всякой опасности въ руки давать или читать ихъ допускать могутъ. Нѣтъ въ ней ничего такого, чтобъ могло ихъ повредить или сдѣлать хуждшими. Нѣтъ въ ней ни малѣйшаго, ни явнаго, ни потаеннаго и сахаромъ для удобнѣйшаго проглощенія облѣпленнаго повредить ихъ могущаго яда. Не заразятся они отъ чтенія ея ни какими опасными и вредными мыслями. Не напоится сердце ихъ не чувствительно предъосудительными

ными склонностьми и тому подобное. Однимъ словомъ, буде не можно будетъ имъ ни какой пользы получить: то по крайней мѣрѣ не получатъ они ни малѣйшаго вреда и не сдѣлаются хуждшими. Съ сей стороны могутъ родители быть совершенно безопасны.

Что жъ касается до того, что въ ней хорошаго есть, и какую пользу дѣти ихъ отъ ней получить могутъ: то на сіе не могу я никакъ отвѣтствовать; ибо о томъ не мнѣ а самимъ имъ судить, и буде есть что хорошее, примѣчать слѣдуетъ. А для меня было бы слишкомъ глупо, не только выхвалять свою работу, но и быть твердо увѣрену въ томъ, чтобъ о ней что нибудь въ особливости хорошее было: но я скорѣе и чистосердечно могу признаться, что въ ней ничего такого нѣтъ, но что на противъ того вся книга множествомъ погрѣшностей наполнена, отъ которыхъ мнѣ всего труднѣе было избавиться,

ся, когда сочиненія и самыхъ лучшихъ и ученыхъ сочинителей отъ погрѣшностей рѣдко освобождены бываютъ. Почему не то скажу, что въ ней дѣйствительно есть, а то, чего желалъ я, чтобъ въ ней было и къ чему я ее назначивалъ; дабы читатель самъ могъ видѣть, сколь мало я еще въ томъ успѣлъ и не находя далеко всего того, могъ въ справедливости моего признанія удостовѣриться.

Мнѣ хотѣлось, чтобъ дѣти посредствомъ чтенія находящихся въ семъ сочиненіи простыхъ и самыхъ дѣтскихъ разговоровъ, нечувствительно могли получить, о самонужнѣйшихъ къ свѣдѣнію вещахъ, короткія но колико можно яснѣйшія и такія понятія, съ которыми иныя моглибъ навсегда оставаться и ими одними по нуждѣ довольствоваться, а другія и любопытнѣйшія получилибъ охоту къ дальнѣйшему распространенію своихъ знаній, и къ основа-

тельнѣйшему обученію тѣхъ высокихъ наукъ, изъ которыхъ здѣсь одни нужнѣйшія и доказанныя истинны, безъ всякихъ тонкихъ и глубокомысленныхъ Философическихъ изслѣдованій и доказательствъ, равно какъ одни цвѣтки для лучшаго и удобнѣйшаго понятія предлагаемы были. Нужнѣйшими къ свѣдѣнію вещами почитаю я упомянутыя выше сего главныя познанія и вопросы; и намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ стараться, колико можно, нечувствительнѣйшимъ образомъ, вопервыхъ: вперить въ дѣтей лучшія и совершеннѣйшія понятія о Богѣ и о его безконечныхъ свойствахъ и совершенствахъ, нежели каковыя имѣютъ обыкновенно взрослыя дѣти; и тѣмъ не примѣтно пріучить сердца благонравныхъ дѣтей къ лучшему сего великаго существа почтенію, и къ нему любви и страху; и чрезъ то положить твердѣйшее основаніе къ дальнѣйшимъ ученіямъ. Вовторыхъ по-

знакомить ихъ, колико можно ближе, и притомъ съ лучшей и пріятнѣйшей стороны съ устроеніемъ и распоряженіемъ міра и всѣхъ находящихся въономъ извѣстныхъ вещей и связью между оными, на тотъ конецъ; чтобъ они не чувствительно научились примѣчать изъ учрежденія всѣхъ вещей безконечную премудрость Божескую и его попеченіе о созданіяхъ, и чрезъ то побуждены были къ вящему его почтенію и къ любопытству узнать далѣе натуру; дабы потомъ въ состояніи они были въ жизнь свою пользоваться тѣмъ пріятнымъ и преполезнымъ искусствомъ, которое извѣстно подъ именемъ увеселенія красотою и порядкомъ натуры, и въ состояніи человѣку приноситъ великія выгоды. Въ третьихъ познакомить ихъ, колико можно, съ собственнымъ своимъ существомъ, то есть: самихъ съ собою, дабы они по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторое понятіе имѣли о томъ, что они такое, какъ устроены, въ какихъ

обстоятельствахъ находятся, что имъ о тѣлѣ, что о душѣ своей, и о дѣйствіи ея силъ, склонностей и желаній думать и знать надобно, и какимъ наиудобнѣйшимъ образомъ имъ самимъ собою плазѣть и себя ко всему доброму пріучать а отъ всего худого отъучать, и чрезъ то истинному своему благополучію поспѣшествовать можно. Въ четвертыхъ подать имъ правильныя понятія о нашей жизни, о должностяхъ которыми мы къ Богу, къ самимъ себѣ и къ другимъ людямъ обязаны, и о томъ, что имъ вообще въ жизнь свою дѣлать и чего не дѣлать слѣдовалось. А наконецъ научить ихъ имѣть правильныя понятія о благополучіи, и о тѣхъ средствахъ, которыми они оному съ своей стороны поспѣшествовать могутъ: и всѣмъ тѣмъ, колико можно, руководствовать и къ исправленію разума и сердецъ ихъ.

Вотъ весь планъ желанія моего и тѣ предметы, о которыхъ хотѣлось

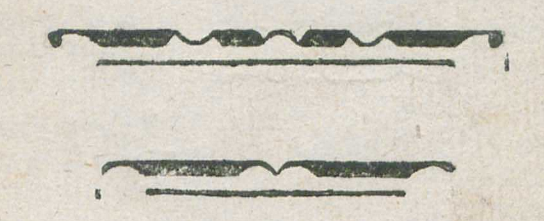
тѣлось бы мнѣ наиглавнѣйше говорить въ семъ сочиненіи. Признаюсь, что онъ великъ и обширенъ; ибо всякой легко можетъ усмотрѣть, что для достиженія всего того принуждено ужè не только входить во всю связь всей Философической и нѣкоторыхъ другихъ наукъ, и извлекать изъ всѣхъ обширныхъ ея частей, а особливо изъ Физики и Морали всѣ нужнѣйшія и приличныя къ тому истинны: но буде хотѣть, чтобъ могла произойти отъ того дѣтямъ какая нибудь польза: то снисходить къ дѣтскимъ умамъ и сообразуясь съ оными, говорить такъ просто, предлагать все такъ коротко, такъ ясно, и располагать всѣ матеріи и перемѣны онымъ, такимъ образомъ, чтобъ они дѣтямъ были, колико можно, понятны; а паче всего не скучны, но пріятны и любопытны, и таковы, чтобъ они въ дѣтяхъ не отвращеніе къ себѣ могли произвесть; но охоту къ дальнѣйшему познаванію вещей имъ нужныхъ.

ныхъ. И какъ ко всему тому не только знаніе всѣхъ оныхъ наукъ, но особливая способность и искусство потребно: то всѣ тѣ ни мало не погрѣшатъ, кои усумнятся въ томъ, чтобъ силъ моихъ къ тому было достаточно. Ибо, что касается до сего пункта: то я самъ необинуясь признаюсь, что я болѣе желаю, чтобъ такая полезная для взрослыхъ дѣтей книга, въ свѣтъ кѣмъ нибудь лучшимъ и способнѣйшимъ меня была сочинена, нежели уповаю и надѣюсь, чтобъ собственно моихъ силъ къ тому довольно достаточно было, и чтобъ я такою ихъ снабдить совершенно былъ въ состояніи. По которой причинѣ не отваживаюсь не только сіе обѣщать; но и вдругъ отяготить публику длиннѣйшимъ сочиненіемъ, а предлагаю только не большой и такой опытъ, о которомъ учинено одно почти начало и пройдена одна только матерія, касающаяся до натуральнаго познанія Бога, какъ перваго наиглавнѣйшаго и наинужнѣйшаго

нѣйшаго изъ помянутыхъ познаній, да и къ тому приступить въ такомъ только намѣреніи отважился, что естьли угоденъ будетъ сей опытъ; ежели онъ удостоится благосклонности публики, когда онъ не излишнимъ признается и безполезнымъ и хотя нѣсколько къ тому способнымъ: то продолжу труды мои, и съ охотою приступлю къ дальнѣйшему посвященію малыхъ моихъ способностей пользѣ общества. Когда же воспослѣдуетъ тому противное, то умолкну и не отважусь отягощать далѣе тѣмъ, что ей не угодно; но оставлю то другимъ меня способнѣйшимъ. Что та учинитъ, тѣмъ будетъ способнѣе, что самая сія книга такъ расположена, что въ семъ случаѣ можетъ тѣмъ и кончиться и не имѣть нужды въ продолженіи.

Для самаго сего и не отваживаюсь я ни мало просить публику о благосклонномъ принятіи сего малаго труда моего. Достоинъ будетъ

детъ онъ того: то не сомнѣваюсь, что послѣдуетъ сіе само собою, а не достоинъ, то былобъ глупо и безстыдно просить о удостоеніи того благосклонности, что онаго не достойно. Нѣтъ, сіе предамъ я на произволъ оной. А утруждаю оную одною и такою только прозьбою, которою не обинуясь могу утруждать оную, а именно: чтобъ мнѣ благосклонно отпустить всѣ погрѣшности, которыя въ сей книгѣ окажутся и самое мое предпріятіе, естьли оно будетъ не угодно, и отпустить для того, что я къ нему не инымъ чѣмъ, какъ однимъ усердіемъ къ общей пользѣ побужденъ былъ.

ДѢТСКАЯ

ДѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

РАЗГОВОРЪ I.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* ДѢТЬМИ ФЕОНОЮ и КЛЕОНОМЪ

* ФЕОНА [Пріѣхавъ изъ гостей отъ госпожи Доримены вмѣстѣ съ братомъ своимъ Клеономъ.]

Здравствуйте матушка! Отпустите намъ, что мы у тетушки ночевали и вчера по приказанію вашему домой не возвратились. Къ ней третьяго дня госпожа Бетида изъ города прі[illegible]ла, а съ нею была и Учител[illegible]

ся;

ея; а для нихъ не отпустила и насъ тетушка и приказала васъ просить, чтобъ вы за то на насъ и на ея не прогнѣвались. Она обѣщала и сестрицѣ у насъ ночевать дозволить, когда она къ намъ прiѣдетъ.

ГОСПОЖА Ц**

По этому тетка была вамъ очень рада. Однако я думаю, что вы болѣе для резвостей, нежели по теткиной прозьбѣ ночевать у ней остались.

ФЕОНА.

Нѣтъ матушка, братецъ вамъ скажетъ, что у насъ ни какихъ резвостей не было, и мы весь вечеръ на одномъ мѣстѣ просидѣли и ничего не дѣлали, какъ слушали.

Г Ц**

Да что жъ вы такое свѣты мои слушали? Ничто иное я думаю какъ скаску. Кто жъ вамъ ея сказывалъ? Конечно была она хороша, что вы такъ пристально

стально и охотно ея слушали, что о резвостяхъ позабыли.

КЛЕОНЪ.

Какую сударыня скаску! Это такая была скаска, которая сестрицу въ слёзы вогнала. И знаете ли матушка? Она всѣ скаски теперь уже проклинаетъ и никогда болѣе слушать не хочетъ.

ФЕОНА.

А и онъ матушка сударыня, только что не плакалъ, а оже и съ нимъ было что со мною.

Г. Ц**

Это удивительно. Да чтожъ такое съ вами мои любезныя дѣти было?

ФЕОНА.

Послушайте матушка, я вамъ все разскажу, о чемъ я плакала. Вчера вечеромъ были мы всѣ вмѣстѣ. Учительница госпожи Бетиды стала съ тетушкою о наукахъ разговаривать. Съ ними разговаривала и госпожа Бетида, а мы съ брат-

братцомъ и съ сестрицою резвиться было начали. Но вы знаете, что Учительница госпожи Бетиды этого не любитъ. Она стала намъ говорить, что это дурно, что мы ужè дѣти взрослыя, что резвиться намъ не годится, чтобъ мы лучше сидѣли, и когда сами неразговаривали, такъ бы другихъ слушали. А я матушка по нещастію ей сказала, что мнѣ разговоры ихъ скучны, и что ежели она сказочку скажетъ: то мы послушаемъ: но представьте сударыня себѣ, что со мною Бетида сдѣлала. Она услышавъ это, началà меня на смѣхъ поднимать, и сказывала Учительницѣ, что я до нихъ великая охотница, и что у меня одни они да резвости на умѣ; и говорила будто я ничего не знаю, ни чему не учусь, а перенимаю только уборы, и просила умышленно Учительницу, чтобъ она о чемъ нибудь меня спросила, и говорила будто я и того не знаю, что такое человѣкъ, а о Богѣ и о законѣ

конѣ будто я ни аза въ глаза́ не знаю. Однимъ словомъ, будто я росту̀ такъ сказать, совершенною дурою; или, какъ она говорила, въ совершенномъ невѣжествѣ. Легко ли это матушка слышать? Братецъ было вступился за меня и на́чалъ съ нею говорить; но она его съ по́ля согнала и такъ вопросами заметала, что принуждены были замолчать. Я чуть было еще при нихъ съ досады не заплакала.

Г. Ц**

Вотъ не правда ли моя, дѣти? Не говаривала ли я вамъ давно, что отъ резвостей отвыкать время, и что вамъ смѣяться станутъ. Когда бы вы прилѣжнѣе были и учились лучше; такъ бы вамъ смѣяться не стали, и ты бы мой свѣтъ въ такомъ стыдѣ никогда не была и не плакала. Я думаю вамъ очень стыдно было предъ Учительницею?

ФЕОНА.

Конечно стыдно сударыня, и я не знала, что мнѣ со стыда дѣлать.

лать. Но мы благодаримъ ужѐ тетушку, что она за насъ вступилась. Она оговорила самую госпожу Бетиду: и сказала ей, что и сама она худо дѣлаетъ, что другимъ смѣется, что она имѣла случай научиться, а мы нѣтъ, что мы тоже бы знали что и она, ежели бы такъ же учились. А потомъ оборотившись къ Учительницѣ: и объ васъ матушка говорила. Она сказывала ей, что вы будто учены и много знаете, и дивилась вамъ, что вы намъ ничего не сказываете, и что мы ужѐ такихъ лѣтъ, что понимать все можемъ. Потомъ говорили они съ Учительницею, какъ это нужно, молодыхъ дѣтей обучать: а особливо такимъ наукамъ, которыя человѣку всего нужнѣе въ свѣтѣ. А потомъ дошолъ и до сказокъ разговоръ. Учительница сказывала намъ про одну молодую дѣвушку исторію, которую она знала, и сказывала какъ она отъ охоты до сказокъ нещастною сдѣлалась, и какой

кой это вредЪ, ежели не только скаски слушать: но хотя какіе то романы молодымЪ людямЪ читать; и будто это оправою имЪ почесться можетЪ. Они много кой чего другаго сЪ нею говорили; но я вамЪ матушка всего пересказать такЪ не могу: но только все говорили они хорошее, и мы весь вечерЪ слушать ихЪ не успали. ПотómЪ мѢшалась и я сЪ братцомЪ вЪ ихЪ словà: и Учительницу кой о чемЪ спрашивали: и она матушка намЪ ужê не смѢялась, но чего мы не знаемЪ, намЪ сказывала: и говорила, что мы довольно понятны и смыслЪ хорошей имѢемЪ. ЖалѢла только что мы не учимся, и говорила намЪ чтобЪ мы резвости оставляли; а лучше бы учились. Раскаэывала притомЪ намЪ какЪ это хорошо быть умными и знать науки, и какую ето пользу всякому принесть можетЪ: а на противЪ того говорила она, какЪ это дурно ничего не знать, быть глупою; и будто этого о-

чень мало, ежели дѣвушка только манжеты шить; да цвѣтки дѣлать; да кружево плѣсть; да кошельки вязать умѣетъ, а изъ наукъ ничего не знаетъ какъ только писать, да читать. Она говорила матушка, будто всему надобному не трудно и учиться, ежели только охота будетъ. И вы не повѣрите, сударыня, что она въ такое смущенїе меня привела, что я съ того же часа всѣ шалости свои покидать предпрїяла: а и братецъ резвиться болѣе не хочетъ. Но вмѣстѣ со мною уговорился чтобъ васъ просить . . . .

КЛЕОНЪ

Да матушка: мы обще съ сестрицею васъ просимъ: пожалуйте намъ скажите, чему намъ учиться, и что нужнѣе всего намъ знать надобно и раскажите намъ ежели что знаете. А мы ужѐ вмѣстѣ съ сестрицею обѣщаемся все то дѣлать, что вы приказывать станете; а шалости и резвости всѣ

кинемъ

кинемЪ и васЪ прилѣжно слушать станемЪ.

Г. Ц. * *

Поцѣлуйте меня мои свѣты. Я весьма радуюсь, что вижу вЪ васЪ такое усердіе, и дай БогЪ чтобЪ эта охота вЪ васЪ продолжилась которую вы теперь кЪ наукѣ получили. Для чего мнѣ вамЪ любезныя дѣти не сказать. Я много кой чего подлинно знаю, и все вамЪ сЪ радостію раскажу, ежели только вы прилѣжно слушать, понимать и помнить станете. Я вамЪ давно хотѣла это расказывать: но вы все резвитесь, не хотите учиться и привыкнувЪ кЪ тому живучи у своей бабушки, больше шалости, нежели ученье любите: и я для того вамЪ и не расказывала, что вы слушать и ничего помнить не станете. А это такія вещи о которыхЪ надобно думать, ихЪ понимать и помнить. КЪ томужЪ не обходимо охота да прилѣжность

надобна: а принужденіемъ тутъ ничего не сдѣлаешь. А ежели вы и отъ резвостей не отстанете, такъ и то будетъ мѣшать. Тутъ резвости позабыть ужѐ должно, и то время, которое вы на шалости и игрушки теряете, надобно ужѐ на разсужденія о томъ, что я вамъ расказывать стану, употреблять. Учительница госпожи Бетиды вамъ правду говорила, что вы дѣти взрослыя и резвость къ вамъ ужѐ не пристала. Резвиться и десятилѣтнему робенку ужѐ дурно; а вы ужѐ старѣе. Тебѣ Феона пятнатцатой годъ, такъ ты ужѐ почти невѣста, а и тебѣ Клеонъ скоро четырнатцать лѣтъ будетъ, вѣдь ужѐ время къ службѣ приближается. Такъ хорошо ли ежели вы глупы будете и ничего знать не станете? Разсудите сами, по сіе время вы только писать, да читать умѣете. Этого вѣдь подлинно мало, а надобно знать гораздо больше, буде вы не щастными быть не хотите.

ФЕОНА.

ФЕОНА.

АхЪ! сударыня: мы теперь сами ужѐ видимЪ что учиться надобно: и для того просимЪ васЪ, пожалуйте матушка насЪ поучите, чтобЪ намЪ предЪ госпожею Бетидою не стыдно было. А мы право сударыня резвиться ужѐ нестанемЪ: и лучше то время наслушаніе васЪ употребимЪ, которое мы ввечеру на резвости употребляли.

Г. Ц. * *

Изрядно мои любезныя дѣти! Здержите только свое слово и будьте прилѣжны. Мы можемЪ каждой вечерь по немногу о томЪ разговаривать, что вамЪ знать нужно. ВЪ день станешь ты Феона по обыкновенію своему вЪ трудахЪ и вЪ работахЪ упражняться, а КлеонЪ писать; а около ве́чера можемЪ мы либо вЪ садЪ пойти, либо вЪ рощи, либо на поле и тамЪ станемЪ и прогуливаться и учиться.

КЛЕОНЪ.

Да какъ же намъ матушка ходя учиться?

Г. Ц. **

Для чего мой свѣтъ не учиться? Я вамъ стану расказывать, а вамъ только слушать надобно; а слушать вамъ и ходя и сидя можно.

ФЕОНА.

По этому сударыня и подлинно не трудно будетъ учиться.

Г. Ц. **

Конечно мои любезныя не трудно! Да не только никакого труда въ этой наукѣ нѣтъ: но вамъ еще она и весела будетъ. Я ручаюсь вамъ, что вы сами меня благодарить станете, а о томъ тужить, что вы давно того незнали. Подитежъ теперь мои свѣты, раздѣвайтесь. Ежели успѣемъ, такъ мы можетъ быть и сего дня еще начало тому здѣлаемъ.

КЛЕОНЪ съ Феоною вмѣстѣ цѣлуя у матери руку.

Благодарствуемъ матушка сударыня что вы насъ учить обѣщали; а мы какъ можно ужѐ будемъ стараться обѣщанïе свое исполнить.

РАЗГОВОРЪ II.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и Ея дѣтьми.*

ФЕОНА.

Вотъ матушка, мы дѣлà свои отдѣлали и пришли теперь васъ просить, чтобъ вы обѣщанïе свое напомнили.

Г. Ц. **

Я радуюсь мои любезныя что вы такъ прилѣжны сего дня были! Въ награжденïе сего сей же часъ исполню свое обѣщанïе, а и впредь даю вамъ слово что чѣмъ ранѣе вы дѣлà свои исправлять стане-

те, тѣмъ больше расказывать вамъ стану.

КЛЕОНЪ.

Гдѣжъ станете намъ матушка вы расказывать, здѣсь или куды нибудь изволите пойти съ нами?

Г. Ц. * *

Мы лучше пойдемъ въ садъ любезныя дѣти. Теперь воздухъ такой пріятной къ томужъ намъ никто мѣшать не станетъ. Тамъ мы сперва погуляемъ, а потомъ кой о чемъ и поговоримъ: а завтра ужѐ вамъ попорядку все расказывать начну.

ѲЕОНА.

Пойдемтежъ сударыня, когда вы изволите. Я нетерпѣливо желаю слышать ваше ученіе.

Пришедши въ садъ и гуляя по алеямъ.

Г. Ц. * *

Какая это пріятная погода сего дня у насъ, любезныя дѣти! Вотъ

Вотъ смотрите какой тихой, теплой и благорастворенной воздухъ! Какая тишина, какое отъ деревъ благоуханіе, какъ хорошо поютъ птицы. Пойдемтежъ мы свѣты въ лиственную бесѣдку, которая на концѣ этой алеи стоитъ и тамъ отдохнуть сядемъ; а между тѣмъ и говорить начнемъ. Птички непомѣшаютъ разговорамъ нашимъ.

ФЕОНА.

Пойдемъ сударыня. Да о чемъ же мы говорить станемъ?

Г. Ц. * *

Прежде нежели мы самое дѣло начнемъ, поговоримъ напередъ любезныя дѣти о томъ: чему вамъ всего нужнѣе учиться надобно. Къ томужъ я знаю, что хотя у васъ теперь охота и велика и вы учиться желаете: но вы можетъ быть скоро наскучите и сію охоту потеряете. И для того намѣрена я напередъ обстоятельнѣе сказать для чего вамъ учить-

ся надобно, и почему сіе ученіе вамъ нужно и полезно. Когда вы сіе станете знать, такъ всякой разъ какъ скоро на васъ любезныя дѣти скука или лѣнь нападать станетъ: о томъ вы вспоминайте и это васъ побуждать и подкрѣплять будетъ. А то я знаю каковы бываете вы дѣти. Сперва припадетъ у васъ охота велика. Вы учиться начнете хорошо; но скоро сей жаръ простынетъ и въ васъ не только вся охота невидимо исчезнетъ; но нападетъ на васъ еще скука, и до того васъ доведетъ, что вы къ наукѣ той получите омерзѣніе и ея совершенно возненавидите. И для того я боюсь чтобъ и съ вами того не здѣлалось; а труды мои напрасныбъ не были. А сверьхъ того еще и то вамъ любезныя мои дѣти сказываю, что сія наука не такая какъ прочія науки. Къ ней надобно особливое раченіе и прилѣжность, для того что она нужнѣе и важнѣе всѣхъ прочихъ наукъ:

укъ: почему и шутить ею не можно, а любое изъ двухъ дѣлать, либо понимать и въ память свою твердо затверживая никогда не забывать, либо ужѐ ея съпокоемъ оставить и до ней не дотрогиваться надобно. Къ томужъ не обходимо надобно чтобъ вы возъимѣли ко мнѣ повѣренность и ничего бы не скрывали отъ меня. И для того я напередъ учить васъ не стану, ежели вы мнѣ сего чистосердечно не обѣщаете.

ФЕОНА.

Я съ моей стороны̀ вамъ матушка даю сїе обѣщанїе.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня хоть побожиться вамъ готовъ, что ничего отъ васъ таить не стану.

Г. Ц. **

Да для чего же вамъ мои любезныя дѣти того и не дѣлать! Вы знаете, что я ваша мать, а и про то вѣдаете что васъ люблю: такъ похочу ли я вамъ худого.

Я все для вашей пользы стану дѣлать. Вы еще молоды и что вамъ полезно, не знаете: а я мои свѣты васъ старѣе и лучше знаю что для васъ хорошо, что худо: такъ надобно вамъ приказовъ и совѣтовъ и слушать и мнѣ болѣе нежели самимъ себѣ вѣрить: и на меня во всемъ полагаться. Вѣдь вы это исполните мои любезныя дѣти, и меня слушать станете? А я васъ самихъ за то больше любить буду.

ФЕОНА и КЛЕОНЪ цѣлуя у матери руку.

Какъ матушка сударыня неисполнить. Мы съ радостiю это сдѣлаемъ. И буде не вѣрите, такъ извольте намъ хотя теперь же что приказать, и вы увидите сдержимъ ли мы свое слово, или нѣтъ.

Г. Ц. * *

Я радуюсь любезныя дѣти, что вы такую охоту къ послушанiю меня являете! и буде хотите, то

то я теперьже вамъ нѣсколько совѣтовъ дамъ. А мнѣ кстати вамъ и поговорить о томъ надобно. Такъ слушайтежъ, любезныя дѣти! Наука сія важная и много такихъ вещей въ ней будетъ, которыя не скоро понять можно: а вы еще молоди и умъ вашъ къ совершенному и скорому понятію еще не способенъ. Такъ вы меня ни мало не стыдитесь: но какъ скоро чего не вспомните, или что вамъ темно и не понятно покажется, то тотчасъ меня о томъ спрашивайтесь. Я вамъ не полѣнюсь и въ другоредь, и въ третіе сказать. Сверьхъ того, ежели вамъ что на память другое придетъ, а вы не знаете, то и о томъ меня можете спрашивать. Я вамъ обо всемъ сказывать буду. Къ томужъ вамъ и то напередъ сказываю, что разговоры мои не всегда могутъ быть веселы и для васъ охотны; но временемъ о такихъ вещахъ вамъ сказывать будетъ надобно: которыя по важ-

ности своей вамъ, какъ дѣтямъ, скучноваты покажутся. И для того напоминаю вамъ, чтобъ вы при такомъ случаѣ тотчасъ мнѣ про то сказывали, а не охотно отнюдь бы не слушали. Мы лучше тогда о другомъ говорить, или перестать можемъ; нежели вамъ безъ всякой отъ разговоровъ моихъ пользы оставаться. А которой день у васъ и вовсе охоты меня слушать не будетъ: такъ и тогда не бойтесь мнѣ то открывать. Можно до другаго дня отложить, за нами никто не гонитъ; а времени всегда довольно на то будетъ.

ФЕОНА.

О матушка сударыня: намъ не только не трудно это исполнить: но мы сами еще просить хотѣли, чтобъ вы намъ про то сказывать изволили, чего мы понять не можемъ, или не разумѣемъ Я сударыня въ благодарность вамъ еще такое обѣщаніе даю, что я съ самого сего времени стану и

отъ тѣхъ шалостей себя отучать, пристально стараться, за которыя вы меня такъ часто бранить и осуждать изволите.

КЛЕОНЪ.

А и я сударыня вамъ тоже обѣщаюсь, и съ сегоднешняго жъ дни съ ребятами играть, и съ людьми резвиться, и къ нимъ бѣгать отвыкать стану.

Г. Ц. **

Поцалуйте меня мои любезныя! Я очень тому рада и васъ очень благодарить за то стану, а еще больше радоваться и васъ любить буду: ежели вы и отъ всѣхъ резвостей и худыхъ дѣлъ такимъ же образомъ отвыкать постараетесь. И ежели вы хотите мнѣ повѣренность сдѣлать, и все мнѣ открывать, что вы ни дѣлаете: то я вамъ сама въ томъ помогать стану. Знаетель вы о томъ, мои любезныя, вѣдь это самая бездѣлица и никакого труда нестоитъ: вы только не знаете какъ приняться, начать и приступить

къ

къ дѣлу; а ежели бы вамъ о томъ сказывать, то вы сами увидите что это все играючи сдѣлать можно.

ФЕОНА.

Великая бы ваша къ намъ милость матушка была, ежели бы вы намъ о томъ сказать изволили. А я сударыня вамъ чистосердечно открываю, что я часто сама на себя досадовала, что я такія дѣла всякой день дѣлаю; за которыя вы на меня гнѣваетесь, и многажды думала отъ нихъ отстать: но не зная какъ отвыкать отъ того, отстать не могла.

Г. Ц. * *

Для чего мой свѣтъ мнѣ вамъ не сказывать? Дѣлайте только все, что я приказывать стану. Но этого всего вдругъ вамъ сказать и вамъ отъ всего однимъ равомъ отвыкнуть не можно; а надобно отъ каждой вещи поособно отвыкать. И такъ можемъ

мы по одной вещи кое когда брать, и довольно бы когда бы въ каждую недѣлю вы по шалости покинули. Но теперь время намъ о томъ говорить, что я вамъ сего дня сказать обѣщала.

ѲЕОНА.

Извольте матушка сударыня, [придвигается къ ней ближе и цѣлуетъ у ней руку]. Я нарочно прилѣжнѣе стану о томъ слушать, и помнить для чего намъ учиться надобно, чтобъ мнѣ по приказу вашему того не забывать; и ежели станетъ скука или лѣнь во мнѣ появляться, ея тѣмъ отъ себя отгонять.

Г. Ц. * *

Вотъ слушайте мои любезныя дѣти, для чего вамъ учиться надобно. Каково это тебѣ, ежели люди станутъ говорить, что ты глупа, ничего не знаешь; а къ тому жъ надъ тобою смѣяться, тебя на смѣхъ поднимать станутъ,

и къ нещастїю ежели это еще при чужихъ людяхъ, и гдѣ нибудь въ большой компанїи случится? не досадно ли.

ФЕОНА.

Конечно матушка досадно: и я вамъ сказывала, что меня вчера это до слезъ довело.

Г. Ц. * *

Вотъ смотрижъ моя любезная! Это отъ того сдѣлалось, что ты ничего не знаешь и не училась. А ежели и впредь учиться не станешь, и ничего знать не будешь: то и впредь тебѣ смѣяться станутъ. А ежели бы ты училась, то бы тебѣ не смѣялись. Такъ чтожъ лучше, посмѣянїе ли вездѣ надъ собою видѣть, или отъ того быть освобожденною?

КЛЕОНЪ.

Конечно сїе послѣднее лучше матушка; а вѣдь надо мною еще больше смѣяться будутъ, нежели надъ сестрицею?

Г. Ц**

Конечно мой другъ отъ мущины всегда больше требуется нежели отъ женщины. Сестра твоя выдетъ только за мужъ, и больше дома сидѣть будетъ; а ты между народомъ въ свѣтѣ жить и обращаться долженъ: слѣдовательно тебя больше люди будутъ знать, и ежели ты ничего знать не будешь, смѣяться станутъ.

КЛЕОНЪ, КЪ ФЕОНѢ.

Такъ нѣтъ сестрица, станемъ учиться: матушка правду изволитъ говорить.

Г. Ц**

Но постойте мои дѣти, что вы еще слышали. Я спрошу васъ еще. Пріятно ли это тебѣ напримѣръ будетъ, ежелибъ тебѣ случилось гдѣ нибудь быть въ компаніи, и тутъ бы много другихъ дѣвушекъ, или мальчиковъ было, и ты бы увидѣла что они больше твоего знаютъ, и говорятъ съ

стары-

старыми и разсуждаютъ; а за то бы всѣ гости ихъ почитали и любили, называли бы ихъ умными и достойными дѣтьми; а съ вами не только никто говорить, но и смотрѣть бы на васъ не хотѣлъ: для того что вы ничего не знаете, и ни на что отвѣтствовать не умѣете. А къ томужъ, ежели бы по нещастію кому нибудь изъ гостей васъ о чемъ нибудь спросить случилось, а вы бы того не разумѣя, не знали бы что ему сказать, или что нибудь смѣшное и глупое совралибъ: то что этотъ гость объ васъ подумаетъ? Не сталъ либъ онъ вамъ смѣяться и другимъ сказывать что вы глупы, ничего не знаете, ростете дураками: а на противъ того другихъ дѣтей вездѣ хвалить, называть ихъ умными и любви достойными. Не завидно ли вамъ предъ ними будетъ?

ФЕОНА.

Конечно сударыня: я бы незнала куда мнѣ со стыда дѣваться,

ся, а на ихъ мѣстѣ очень бы охотно быть хотѣла.

Г. Ц.**

А это мой свѣтъ и часто надъ тобою случаться будетъ, ежели ты учиться не станешь. На противъ того не хорошоль было бы, и не хотѣла ли бы ты того, чтобъ тебя вездѣ хвалить, всѣ тебя любить и почитать стали? Не пріятноль было бы тебѣ слышать что тебя называютъ умною, постоянною и любви достойною дѣвицею; а прочія твои сверстницы тебѣ завидовать бы, а и старыя бы говорить стали: ахъ какая это разумная и хорошая дѣвушка! Ну естьли бы у насъ такая дочь была! А о тебѣ Клеонъ говорить бы стали: ахъ какой это драгоцѣнной мальчикъ! Ну ежели бы все такія были. Не радость ли родителямъ такихъ дѣтей имѣть, и не щастливы ли они. А это все мои любезныя только отъ того зависитъ чтобъ вы учиться стали.

ФЕ-

ФЕОНА.

Подлинная правда матушка. Вчера и Учительница госпожи Бетиды то же почти съ тетушкою говорила: и я сама слышала, какъ они умныхъ дѣвушекъ хвалили, а на противъ того осуждали дочь госпожи Филиды. Они называли ее злымъ, ни къ чему годнымъ робенкомъ, и говорили, что въ ней пути не будетъ, и что нещастной тотъ человѣкъ, кому она въ жёны достанется. Я матушка ужè тряслась, чтобъ они и про меня тогожъ не сказали. Извольте мнѣ сударыня сказать, что это такое злой, и ни къ чему годной духъ имѣть: и что мнѣ дѣлать, чтобъ меня также называть не стали.

Г. Ц. * *

Злыми и не годными дѣтьми, тѣхъ мои любезныя называютъ, которыя ни чему не хотятъ учиться, а все только резвятся; а притомъ упрямы, родителямъ своимъ не послушны, за всякую без-

дѣлицу

дѣлицу сердятся, бьютъ своихъ рабовъ; хотятъ чтобъ все такъ дѣлалось, какъ имъ хочется, пересмѣхаютъ постороннихъ, всѣхъ переговариваютъ, думаютъ только объ уборахъ да о щегольствѣ и сердятся на своихъ родителей, ежели они того не даютъ, что для ихъ прихотей надобно: не смотрятъ ни на что, чтобъ имъ говорено ни было: но все на своемъ поставить хотятъ. Такихъ дѣтей мои свѣты никто не любитъ, всѣ ихъ ненавидятъ и бѣгаютъ какъ чудовищей.

КЛЕОНЪ.

А когда они выростутъ и будутъ большими: то также матушка ихъ не будутъ любить.

Г. Ц.**

Еще больше мой другъ. Робенку еще спускается, а большаго никакъ ужѐ оправдать не можно: и тотъ человѣкъ нещастенъ, кто съ маленьку будучи злымъ, и выростетъ таковымъ.

ФЕ-

ФЕОНА.

Ахъ матушка! Куда бы я хотѣла, чтобъ сего надо мною никогда не было. Скажитежъ сударыня, чѣмъ мнѣ отъ того избавиться можно?

Г. Ц. * *

Тѣмъ же самимъ мое сердце чрезъ самую тужъ науку, о которой я вамъ говорила. Она не только научаетъ быть умными; но сверьхъ того можетъ научить, какъ вамъ добродѣтельными, и такими быть, чтобъ васъ всѣ люди любили; а сверьхъ того еще, чтобъ вы во всю свою жизнь благополучны были. Сіе все вы получите: ежели только прилѣжны будете, и хорошее раченіе употреблять станете.

КЛЕОНЪ.

Какъ матушка? И умными мы будемъ и щастливыми, ежели мы учиться станемъ?

Г. Ц. * *

Конечно, мои любезныя дѣти! Учитесь только: а то вы во всю жизнь за то благодарить меня станете. Я для того вамъ и сказывала, что сiя наука самая важная, и всего для васъ нужнѣе.

ФЕОНА.

Подлинно такъ, матушка, конечно она намъ нужна, ежели насъ щастливыми сдѣлаете. Я никогда сего сударыня не позабуду, что мнѣ для того учиться надобно, чтобъ мнѣ люди не смѣялись, чтобъ меня всѣ любили, и чтобъ щастливою и благополучною сдѣлаться.

Г. Ц. * *

Помните это всегда, мои любезныя, оно вамъ много противъ лѣни помогать станетъ. Однако сiе еще не все мои други, для чего вамъ учиться надобно. Много есть еще и другихъ причинъ, для которыхъ ученiе вамъ необходимо нужно: но я вамъ теперь объ

нихъ сказать не могу, для того, что много кой чего вамъ знать надобно прежде, нежели мнѣ вамъ ихъ расказать можно. И для того мы станемъ напередъ о томъ говорить: а тамъ вы ужѐ сами увидите, для чего вамъ ученье нужно, и какую пользу оно приноситъ. Но сїе отложимъ до завтрашняго вѐчера. Сего дня видите ужѐ поздно. Пойдемте любезныя дѣти проходимся еще нѣсколько по саду, а тамъ пойдемъ ужинать. Я думаю давно ужѐ на столѣ набрано. (встаетъ сама.)

КЛЕОНЪ съ Феоною вставая же.

Благодарствуемъ, матушка сударыня, что вы для насъ трудиться изволили. Мы все станемъ помнить, что вы ни изволили намъ сказывать. И завтра прилѣжнѣе еще севоднешняго дѣла̀ свои исправлять будемъ, для того, чтобъ вы намъ также расказать что нибудь изволили.

Г. Ц. **

Конечно, мои дорогія, раскажу, и обѣщаніе свое исполню: сдержитежъ и вы свое слово.

РАЗГОВОРЪ III.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц. ** и Ея дѣтьми.*

*

Г. Ц. ** Пришедъ въ садъ и увидя дѣтей своихъ по алеѣ ходящихъ.

Вы уже здѣсь, любезныя дѣти: а я думала что вы въ работахъ своихъ еще упражняетесь.

ФЕОНА.

Здѣсь сударыня. Мы уже съ полчаса какъ сюда пришли и васъ дожидались,

Г. Ц. **

Очень хорошо свѣты мои! Не позабыли ли же вы того, что я вчера вамъ сказывала.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сударыня, мы съ сестрицею о томъ уже здѣсь и говорили. Она говорила со мною, что ей очень бы хотѣлось, чтобъ это правда была, что мы щастливы будемъ, когда учиться станемъ: однако она въ томъ сомнѣвается, и не думаетъ чтобъ это такъ сдѣлалось.

Г. Ц. **

По этому она мнѣ не вѣритъ, мой другъ?

ФЕОНА.

Нѣтъ матушка, онъ на меня солгалъ вамъ. Я говорила только что я не знаю; почему бы насъ наука щастливыми сдѣлала, а вамъ, сударыня, какъ мнѣ не вѣрить.

КЛЕОНЪ.

Никакъ я не солгалъ: а ежели не изволите мнѣ повѣрить, то я вамъ раскажу, какъ она и говорила. Вотъ сударыня, какъ мы стали о томъ говорить, такъ сестрица

стрица сказала: хорошо, ежели бы наука меня щастливою сдѣлала, такъ бы на мнѣ женился богатой, пригожей и знатной женихъ, и я была бы братецъ богата, были бы у меня цуки да кареты, ходила бы я въ богатомъ платьѣ, всѣ бы мнѣ кланялись, всѣ почитали, однимъ словомъ: я бы знатная боярыня была. Какъ бы это хорошо было? Однако братецъ, сказала мнѣ она матушка послѣ того: Я не понимаю, какъ бы это могло сдѣлаться. Такіе женихи выбираютъ сами красавицъ, богатыхъ и знатныхъ невѣстъ, а я братецъ хотя собою не дурна; однако не богата и не знатна. Какъ же такому жениху на мнѣ жениться, а наука можетъ ли мнѣ красоты, богатства или знати прибавить? Не говорила ли ты этого сестрица?

ФЕОНА. закраснѣвшись

Ежелибъ вы матушка не изволили намъ приказать ничего отъ

себя не таить, такъ бы я заперлась въ этомъ; но теперь хотя мнѣ и стыдно; однако приказаніе ваше мнѣ дороже. Я признаюсь, что это говорила.

Г. Ц. * *

Къ чему тебѣ меня стыдиться, моя любезная. это очень хорошо, что ты признаешься. Я вижу изъ того чистосердечное ваше послушаніе и много тому радуюсь. А что ты не понимаешь, какимъ образомъ наука тебя щастливою и благополучною сдѣлаетъ, такъ это отъ того, что ты еще не знаешь, въ чемъ сія наука состоитъ, да и о щастіи и о благополучіи ты мой свѣтъ не правое мнѣніе имѣешь, и въ томъ его полагаешь, въ чемъ оно не состоитъ.

ФЕОНА.

Какъ матушка? Развѣ не состоитъ въ томъ щастіе, чтобъ выттти за богатаго, знатнаго, пригожа-

пригожаго и молодаго жениха, и знатною и богатою госпожею быть.

Г. Ц. **

Нѣтъ, моя любезная. Щасливыми такихъ только тѣ люди называютъ, которые сами ничего не знаютъ, которые глупы и разсужденїя не имѣютъ. Однимъ словомъ, простяки и подлой народъ: а разумной и разсужденїе имѣющей человѣкъ, никогда то одно щастїемъ не почитаетъ, а знаетъ, что собственно оно совсѣмъ въ другомъ состоитъ, и что можно человѣку со всѣмъ своимъ богатствомъ и знатностїю злополучнѣйшимъ человѣкомъ быть. А чтобъ ты лучше это понять могла, такъ я тебѣ мой свѣтъ живымъ примѣромъ это докажу. Помнишь ли ты, какъ ономнясь о праздникѣ у насъ двѣ госпожи въ гостяхъ были. Одна прїѣжжала цукомъ въ раззолоченной каретѣ, и со множествомъ лакеевъ и гайдуковъ, и одѣта была вся въ наидрагоцѣннѣйшемъ платьѣ, а

другая на память тебѣ съ неюжъ пріѣхала, была не такъ богато убрана, только у ней четвероместная коляска четверней, и людей не такъ много было. Это ея родная сестра была.

ФЕОНА.

А! Матушка, это конечно вы про Госпожу Фанни, да про Госпожу Луцію говорите, которыя у насъ въ то время обѣдали, и которыхъ я тогда впервые видѣла?

Г. Ц. * *

Да, мой свѣтъ, я говорю объ нихъ. Они были двѣ дочери у отца, и приданое было имъ равное. Ты видѣла, они обѣ собою хороши, а меньшая еще нѣсколько пригоже большой. Фанни полюбилась одному знатному, богатому, пригожему и молодому дворянину. Онъ сталъ свататься на ней и женился. Отъ того она такъ и богата. Мужъ ея живетъ съ нею болѣе въ городѣ, гдѣ онъ хорошей чинъ имѣетъ. По достатку своему живетъ

ветъ онъ знатно, и знакомство все съ знатными водитъ. А Луцію на противъ того выдали за другаго дворянина, которой не таковъ богатъ, не таковъ хорошъ и не таковъ знатенъ былъ. Вмѣсто того что Фанни въ городѣ и въ каменныхъ полатахъ живетъ, Луцiя съ мужемъ своимъ не въ большой и отъ го́рода удаленной деревнѣ жизнь свою провождаетъ, для того, что мужъ ея не получая жалованья; но будучи въ отставкѣ, принужденъ жить дома и одними доходами съ своихъ не большихъ деревень довольствоваться. А потому ты видѣла, что и жена его не такъ богато убрана, и не съ такимъ экипажемъ прiѣжжала, какъ сестра ея. Ну, чтожъ бы вы мои любезныя дѣти объ нихъ подумали, и которую сестру за щасливѣйшую почли?

ФЕОНА.

Конечно, большая матушка щастливѣе меньшой.

Г Ц**

Я напередъ знала, что ты такъ скажешь мой свѣтъ. Такъ-то и всѣ тѣ говорили и говорятъ, которыя хорошаго разсужденія не имѣютъ; а я тебѣ, моя любезная, скажу, что совсѣмъ тому противное. Фанни чрезъ замужство свое нещастною сдѣлалась; а Луція гораздо щастливѣе ея. Вы не повѣрите мнѣ, что бо́льшая сестра меньшой теперь завидуетъ. Хотя сперва во сто мѣръ себя она щастливѣе сестры̀ почитала. Не на память ли тебѣ, какъ ты намъ кофей тогда наливала, и у насъ разговоръ до мужей дошелъ, и не помнишь ли какъ она тогда жаловалась?

ФЕОНА:

Ахъ матушка, теперь я вспомнила. Фанни вздохнувъ сказала, что она замужствомъ нещастна, и что сестра ея гораздо щастливѣе. Я это сама слышала, и не понимала тогда, что бы это та́кое

кое значило: и хотѣла у васъ нарочно о томъ спрашивать, да позабыла.

КЛЕОНЪ къ Феонѣ.

Да помнишь ли сестрица, третьяго дни, и у тетушки за столомъ объ нихъ же никакъ рѣчь была, и Учительница сказала, что Фанни замужствомъ очень нещастнѣе сестры своей.

ФЕОНА.

Да братецъ, объ нихъ и тутъ говорено было, и мнѣ не удалось спросить объ нихъ обстоятельнѣе. Скажите намъ, матушка, ежели вы что знаете объ нихъ.

Г. Ц**

Я знаю все, мои любезныя дѣти, и вотъ какимъ образомъ это происходитъ. Еще я помню, какъ сватовство у нихъ началось, и какъ зговоръ былъ. Фанни будучи такимижъ мыслями набита, какое ты о щастіи имѣешь, ногъ подъ собою тогда не слыхала. Она

была смаленьку дурнаго нрава, своеобычлива, упряма, не послушлива и сердита. На мысляхЪ у ней только одни уборы, щегольство да вертопрашество было. О пригожствѢ своемЪ она очень много думала, и почитала себя великою красавицею и тѢмЪ очень гордилась. Сваталось за нее много хорошихЪ и достойныхЪ жениховЪ; но она обЪ нихЪ и слышать не хотѢла. Иной былЪ для нея не богатЪ, иной собою не хорошЪ, иной нынѢшняго свѢта, а иной не знатенЪ былЪ. ТакимЪ образомЪ всѢмЪ имЪ отказывала. НаконецЪ на́чалЪ свататься нынѢшней ея мужЪ за нее. Хотя обЪ немЪ и сказывали, что онЪ мотЪ, но ей до того нужды не было. Довольно что онЪ былЪ богатЪ, да пригожЪ, да знатенЪ; а больше всего что нынѢшняго свѢта. Она отЪ досады едва было не умерла, какЪ у нихЪ сватовство расходиться было на́чало: а вЪ какой радости не была она, какЪ ужѐ зговорЪ сдѢлался. Она думала, что

она

она щастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, а мыслями своими ужѐ Богъ знаетъ гдѣ не была. Денно и ночно ей уборы да щегольство представлялось. Она клала ужѐ напередъ, какое и какое платье она дѣлать, и какіе головные уборы вымышлять, какъ щеголять, какъ по гостямъ разъѣжжать она станетъ. Однимъ словомъ ничего не было, чтобъ ея желаніямъ помѣшательство учинить могло. Сіе все дѣйствительно и сдѣлалось. Не успѣла она за мужъ вытти, какъ новое модное платье, новой модной уборъ, на Фанни смотрѣть надлежало. Не было мѣсяца, чтобъ на ней платья: и не было почти дня, чтобъ на ней головнаго убора перемѣннаго не было. Однимъ словомъ, все по ея желаніямъ шло, и она щастливѣйшею себя почитала. Но вотъ, мои любезныя, какъ это все перемѣнилось. Не прошло еще двухъ лѣтъ, какъ она другимъ голосомъ заговорила. Мнимое ея щастіе,

до тѣхъ только поръ продолжалось, пока мужъ любилъ ея. Но женясь только для красоты на ней, скоро онъ къ ней привыкъ, и она ему ужè не такою красавицею казаться началась, и онъ ея не такъ любить ужè сталъ: а дурной ея нравъ помалу производилъ въ немъ къ ней отвращеніе. Пока любовь его была еще велика, до тѣхъ поръ онъ всѣмъ желаніямъ ея угождалъ. Она дѣлала что хотѣла, и онъ ей ни одного сло́ва не говорилъ, но какъ любовь его простывать стала: то на́чалъ и онъ опамятываться. Хотя за нимъ и великія деревни были; но онъ холостой, еще великой непостоянникъ, мотъ и картежной игрокъ будучи, многія деревни промоталъ; а какъ женился, то на уборы женѣ почти и послѣднія деревни заложа, деньги доставать принужденъ былъ. Но какъ жена ужè не столь нужна ему сдѣлалась, такъ на многія ея требованія и отказы начались. Фанни при-

привыкнувъ ужѐ къ щегольству, а будучи своенравна и вспыльчива, хотѣла было своимъ сердцемъ его устрашить. Но это и послѣдней конецъ его любви сдѣлало. Онъ и не поглядѣлъ на то; но привыкнувъ давно ужѐ къ шалостямъ и мотовству, опять ко всему худому возвратился. Знакомыхъ и знакомицъ у него много было, а гулять и забавляться и безъ жены есть съ кѣмъ. Что ему жена! Къ томужъ и свѣтъ нынѣ таковъ, что на сіе не смотрятъ. Изъ сего то времени началось нещастіе Фанни. Досада ея была не описанная, но напрасна. Она начала̀ мучиться ревностью: но и то не помогло. Наконецъ вздумала она мстить такимъ же образомъ. Она начала̀ искать и себѣ любовниковъ и непостоянничать. Мужъ и не смотрѣлъ на то, но еще больше надъ нею ругаться и всячески ей досаждать началъ. Но на все надобны были деньги, а для мужа и самого ихъ

мало

мало было. Покуда приданое ея длилось, до тѣхъ поръ она щеголяла, а какъ она и свое промотала, такъ принуждено было и мотовство ея остановиться. Нынѣ мужъ живетъ въ городѣ и мотаетъ; а она и то щастіемъ себѣ почитаетъ, что онъ дозволилъ ей въ своихъ деревняхъ жить, и для выѣзда карету да людей своихъ далъ: хотя и эта деревня давно ужѐ рукахъ въ двухъ заложена. Она же теперь никуда глазъ показать не смѣетъ, всѣ ей хотя не вьявь; однако стороною смѣются и пересмѣхаютъ, и она теперь жизни своей не рада; ибо ей такъ сказать и стѣнъ стыдно, и кто бы объ ней и не думалъ чего, такъ она въ томъ подозрѣваетъ ужѐ каждаго и тѣмъ мучится. И сію-то госпожу видѣли вы ономнясь въ богатомъ платьѣ. И такъ, разсудите сами, мои любезныя дѣти, щастлива ли она, и въ богатомъ ли платьѣ да въ уборахъ щастье состоитъ?

ФЕ-

ФЕОНА.

О матушка, вы меня ажно вЪ ужасЪ привели. Того-то бы я никогда не думала, и представить себѣ не могла, чтобЪ сія госпожа вЪ самомЪ дѣлѣ такЪ нещастна была, какова сЪ наружнаго виду щастлива кажется.

КЛЕОНЪ.

А что же сударыня сЪ Луціею сдѣлалось, раскажите ужѐ намЪ и обЪ ней матушка.

Г. Ц**

Луція была щастливѣе сестры̀ своей; но она того и достойна была. Я вамЪ раскажу, любезныя дѣти обЪ ней, что я знаю. Она сЪ самаго младенчества была отЪ сестры̀ своей отмѣнна. Вмѣсто того, что Фанни была вертопрашна, упряма и своебычлива. Луція тиха, скромна и гибка была. Родители ея гораздо больше любили, нежели большую свою дочь, а болѣе за то, что она была имЪ послушлива, приказаніе ихЪ всегда исполня-

исполняла, была не рѣзва; а учиться принуждать ея было совсѣмъ ненадобно. Она сама къ наукѣ великую охоту имѣла. Чрезъ короткое время читать и писать она научилась совершенно; а сверьхъ того нѣкоторую часть и Ариѳметики, Географіи и Исторіи знала. А будучи до читанія книгъ, которыхъ у отца ея довольно было, охотница, чрезъ чтеніе много кой чего и изъ другихъ наукъ научилась. До уборовъ она не такая была охотница, какъ сестра ея. Она хоть все умѣла дѣлать и одѣвалась изрядно: однако ничего излишняго на ней не было, и она не тратила понапрасну на то время. Когда сестра ея новые уборы вымышляла, или въ рѣзвостяхъ упражнялась, въ то время Луція книги читывала, или что нибудь шила и работала, а за то большая сестра ея и не любила: но часто смѣивалась ей и называла ее дурою. Но она за то не сердилась на нее; но любила чистосердечно.

дечно. Нрава была она совсѣмъ хорошаго: а хотя съ малолѣтства и была сердита и упряма: однако какъ выросла, то совсѣмъ отъ того отстала. Она читала однажды въ книгѣ, что дѣвушкѣ сердитою и своенравною быть дурно. Она и бросила то; но тихою, не злобною и скромною быть старалась. Вмѣсто того что Фанни о красотѣ своей много думала, и почти отъ зеркала не отходила: Луція хотя лучше ея лицомъ была; однако о томъ не думала, но казалось, будто она и не знала о томъ, что хороша. Она ни мало тѣмъ не гордилась, а для того не много и мысли о женихахъ ея безспокоили. Она зная что то не отъ ней, но отъ власти Божеской зависитъ, за кѣмъ ей быть за мужемъ, никогда о томъ не думала: но всегда на его волю полагалась. Почему она и сестрѣ своей не завидовала, когда ея за мужъ за богатаго выдавали. Ужѐ годъ тому прошелъ, какъ сестра ея

за

за мужъ вышла, а за нее никто еще не сватался. Всѣ женихи отъ ней для того отбѣгали, что она не нынѣшняя вертопрашка: но больше деревенская дѣвушка, а къ томужъ еще и молода была. Наконецъ пріѣхалъ нынѣшній ея мужъ изъ службы, и нѣсколько времени спустя, за нее свататься началъ. Родители любя Люцію, не хотѣли ея по неволѣ выдать; но спрашивали у ней, согласится ли она за него вытти. Она знала о томъ, что онъ не богатъ и не знатенъ, и сказывали ей, что онъ нынѣшняго свѣта, и у него каретъ и цуковъ еще не было. Однако слышала она, что онъ не мотъ, но доброй постоянной человѣкъ былъ, а доброе сердце, она болѣе знати и богатства почитала. Лицомъ онъ хотя былъ не красавецъ; однако и не дуренъ; но она знала, что къ дурному лицу привыкнуть можно, а только къ злому сердцу не привыкнетъ, а онъ хотя прелестнаго ничего не имѣлъ; однако

однако и противенЪ не былЪ. Чего ради она и не противилась родителямЪ своимЪ: но почитая это соизволенiемЪ БожескимЪ, на ихЪ волю отдалаль. ВсѢ говорили тогда, что она сестры своей нещастнѢе, и что замужство ея для ней не выгодно. Но не успѢла она вытти за этого дворянина, какЪ все другое заговорили, и ея щастливою почитать начали.

ФЕОНА.

Да чтожЪ бы тому причиною было; и почему ея матушка щастливою почитаютЪ?

Г. Ц. * *

Потому, моя любезная, что она теперь состоянiемЪ своимЪ довольна, и ни на что жаловаться не можетЪ. Умными своими поступками сдѢлала она то, что мужЪ теперь обЪ ней умираетЪ, и не только крайне любитЪ; но и почитаетЪ. А и онЪ будучи хорошаго нрава и добрыхЪ свойствЪ, любить себя ея заставилЪ. Она скоро

скоро привыкла къ нему, и теперь не меньше его любитъ какъ и онъ ея. Однимъ словомъ, они живутъ между собою такъ согласно, такъ хорошо, и такъ благополучно, что всѣ имъ теперь завидуютъ, и образцомъ супружескому житію почитаютъ.

ФЕОНА.

Ежели не въ трудъ вамъ матушка будетъ, такъ пожалуйте сударыня извольте мнѣ сказать, какъ это она сдѣлала?

Г. Ц. * *

Изволь моя радость? Тебѣ самой это годится. Ты дѣвушка ужѐ взрослая, и сама почти невѣста. Вотъ мой свѣтъ какимъ образомъ: Луція какъ скоро вышла за мужъ, такъ первое стараніе о томъ у ней было, какъ бы привесть себя въ любовь и почтеніе мужу. Она не слѣдовала примѣру тѣхъ женъ, которыя будучи собою гораздо мужей своихъ лучше, ими брезговать, или гнушаться

ся

ся начинаютЪ. Она не дѣлала этого мой свѣтЪ; но зная что это бѣды и нещастья за собою приноситЪ, никогда того себѣ не представляла, что мужЪ ея хуже. Не завидовала она и другимЪ, что у нихЪ мужья пригожіе, но говаривала еще сама себѣ: слава Богу, что я еще такого мужа имѣю, а многія и сЪ кривыми, слѣпыми и сЪ увѣчными живутЪ, да не жалуются. Для чего же мнѣ не быть довольною? МужЪ мой хотя не красавецЪ: однако у него доброе сердце, да онЪ же меня любитЪ: для чего же и мнѣ его не любить? Многія и сЪ красавцами жизнь свою проклинаютЪ, а я на мужа своего ни вЪ чемЪ жаловаться еще не могу. ОнЪ ко мнѣ таковЪ ласковЪ, таковЪ пріятенЪ, такЪ мнѣ угождаетЪ. ОнЪ знаетЪ что я его лучше: а за то онЪ такЪ и любитЪ и почитаетЪ меня. Для чего же мнѣ быть противЪ него неблагодарною? НѣтЪ, стану и я его такЪ же любить и почитать.

ОнЪ

Онъ дѣлаетъ все въ мое угожденіе, стану же и я ему угождать, и все дѣлать къ чему у него желаніе есть. Онъ меня за то еще больше любить станетъ. Для чего о томъ тужить что я не за красавцемъ: мнѣ надобно еще Бога благодарить, что онъ мнѣ такого мужа далъ, которой не пьяница, не мотъ, не игрокъ; но постоянной человѣкъ, и нравъ не суровой; но тихой и любовной имѣетъ. Лучшель бы для меня было, ежелибъ я была за красавцомъ; да онъ бы злой и ненавистной человѣкъ былъ, и нравъ здорной, упрямой и дурной имѣлъ, или всякую минуту ворчалъ и бранился, и мнѣ бы слово сказать не можно было? Чтожъ мнѣ о томъ говорить, и тѣмъ не довольствоватъся, что теперь имѣю. Я вѣть не знаю. каковъ бы другой мужъ былъ. Можетъ бы я нещастною сдѣлалась, ежелибъ за красавца, или за богатаго вышла. Такимъ образомъ она часто любезныя дѣти,

сама

сама съ собою разговаривала, и не только чрезъ то утѣшалась; но и дѣйствительно то дѣлать начала. Она сдѣлалась къ мужу своему сама ласкова. Она не упускала ни одного случая, чѣмъ бы мужу своему угодить ей можно было, и ни одной его ласки и пріятства не пропускивала, чтобъ ему равномѣрнымъ образомъ не отвѣтствовать. Не слѣдовала она ухваткамъ другихъ женъ, которыя съ первыхъ дней стараются власть надъ мужьями получить, и ихъ подъ свой нравъ подводить. Она знала, что это дурно, и читывала до сего, что никакого добра тамъ нѣтъ, гдѣ жена мужемъ владѣетъ; а для того она и нельстила себя тѣмъ; но зная что самъ Богъ то ужè узаконилъ, чтобъ женамъ во власти у мужей быть: никогда и не мыслила о томъ. А сіе помня, старалась на противъ того всѣ склонности мужа своего извѣдывать. Она примѣчала; что онъ любитъ и до чего

охотникъ. А узнавъ и сама дѣлала видъ, будто то же любитъ, и до тогожъ охотница, а современемъ и сама къ тому привыкала. Когда усматривала она, что мужу ея что нибудь надобно, такъ не допускала его до прозьбы, или приказа; но сама его въ томъ предупреждала; на противъ того хотя бы ей самой чего хотѣлось, но какъ скоро примѣтитъ, что мужу ея то не любо, или противно, такъ тотчасъ желаніе свое покидала, и казалась будто совсѣмъ то позабыла. Однимъ словомъ, она ему во всемъ угождать, и привсякомъ случаѣ съ его мысльями согласоваться старалась. Сидитъ ли онъ дома, она сидитъ съ нимъ, и не требуетъ того чтобъ куда ѣхать. Ѣдетъ ли онъ въ городъ или въ гости, и ея съ собою взять, или дома оставить хочетъ, она не упрямится, не досадуетъ, не ворчитъ и не дуется на него; но дѣлаетъ видъ будто и сама того же хочетъ. Упражняет-

сяль

сялъ онъ въ чтеніи книгъ, ибо и онъ любезныя дѣти, былъ до нихъ охотникъ: она беретъ сама книжку и ему компанію дѣлаетъ. Дѣлаетъ ли онъ или упражняется въ чемъ до домашняго и экономіи касающейся, она ему ни въ чемъ не споритъ; но сама ему еще помогать старается. Имѣя за собою не большой достакотъ, живетъ онъ умѣренно, и никакихъ излишностей не дѣлаетъ. Она сама съ нимъ согласуется, и ни какими требованіями его не безпокоитъ. Для угожденія ему многія прихоти свои она оставила, и не смотрѣла на то, что ей иногда и не безъ труда было отъ того отставать. Сими умными своими поступками, въ не многія мѣсяцы она получила то, чего другія жёны во всю жизнь свою ищутъ и не находятъ. Мужъ видя такое ея къ себѣ усердіе, любовь, ласку и пріятство, самъ противъ того безчувствительнымъ не былъ. Онъ любилъ ея

прежде за красоту; а тогда болѣе еще за доброе сердце и услужливость ея любить на́чалъ. А что всего лучше, онъ не могъ чтобъ и не почитать ея за то. Другія жены стараются насильствомъ мужей слушать себя заставить, А Луція хотя и не искала того, но прежде и скорѣе получила. Мужу ея то очень пріятно было, что она такъ слушается и во всемъ угождаетъ; а будучи уменъ, не хотѣлъ онъ и самъ быть тираномъ, и жену себѣ рабою дѣлать. Онъ не меньше и самъ ей во всемъ угождать стараться на́чалъ, и желанія жены своей сколько ему можно удовольствовать. На противъ того и она была умна, и ничего того не требовала и не хотѣла, о чемъ знала, что мужу ея то противно будетъ, или онъ не съ охотою то сдѣлаетъ. Такимъ же образомъ живутъ они теперь въ совершенной любви, и жизнь подлинно благополучную провождаютъ. Мужъ не дѣлаетъ

ничего не спросясь, или не посовѣтовавъ съ женою своею; а жена ничего безъ воли и совѣта мужнина не начинаетъ. Въ домѣ у нихъ не слышно никогда браней, крику, воплю и шуму; но все тихо смирно и хорошо. Хоть они не богати, однако ни въ чемъ недостатка не имѣютъ. Живутъ они со всѣми согласно, и добрыми своими поступками всѣхъ любить себя заставили. Всѣ сосѣди имъ, любезныя дѣти! завидуютъ, и не могутъ чтобъ ихъ не любить, не хвалить и не почитать, и я бы желала, чтобъ и ты мой свѣтъ такое же щастіе въ замуствѣ имѣла, какимъ теперь Луція наслаждается, и чтобъ Богъ далъ и тебѣ такого же мужа, какого она имѣетъ.

ФЕОНА.

О матушка, я сама бы того хотѣла, чтобъ я такъ щастлива была, какъ госпожа Луція, теперь я не стану завидовать Госпожѣ Фанни

ни. Она подлинно сестры своей нещастнѣе и я бы не хотѣла быть на ея мѣстѣ. Вы правду изволили сказать, что щастїе не въ богатствѣ и не въ знатїи; а совсѣмъ въ другомъ состоитъ, куда я матушка госпожу Луцїю полюбила; она конечно очень умна, и я бы очень желала имѣть съ нею знакомство.

КЛЕОНЪ.

А я бы матушка, сударыня, хотѣлъ, чтобъ и мнѣ Богъ такую невѣсту далъ, какъ вы про Госпожу Луцїю сказывали. Я бы самъ то же дѣлать сталъ, что теперь ея мужъ дѣлаетъ, конечно и онъ матушка умной человѣкъ.

Г. Ц. **

Ежели вы, любезныя мои дѣти, станете учиться; то можетъ и вы такое же щастїе получите, какое они получили, и не только въ разсужденїи супружества; но и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

КЛЕОНЪ

КЛЕОНЪ.

О матушка, я конечно стану учиться и васъ слушать. Но пожалуйте мнѣ скажите, въ томъ ли одномъ щастіе состоитъ, чтобъ имѣть такую жену, какова Луція?

Г. Ц. **

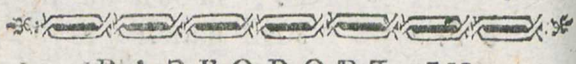
О нѣтъ мой свѣтъ! для щастія много и другаго надобно. Это хотя хорошо, чтобъ на примѣръ сестрѣ твоей такого мужа, а тебѣ такую жену имѣть; но это нѣкоторую только часть благополучія составляетъ, а для совершеннаго щастія многого еще не достаетъ. Я бы вамъ и то, мои любезныя дѣти, разсказала, но сего дня ужѐ поздно и намъ время итти ужинать. Пойдемъ-те мои свѣты, я думаю вы наскучили ужѐ сидѣвши.

ФЕОНА.

Нѣтъ матушка, я бы рада хотя до полуночи васъ слушать, и никогда бы не устала.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня не видалъ какъ и вечеръ прошелъ, такъ охотно я васъ слушалъ. И ежели всегда намъ таціи разговоры такъ пріятны будутъ какъ сего дня, я сударыня никогда о рѣзвостяхъ не подумаю; но всегда лучше съ вами, нежели съ людьми, да съ ребятами время провождать буду.

РАЗГОВОРЪ IV.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и Ея дѣтьми.*

*

КЛЕОНЪ будучи съ сестрою своею уже въ саду, увидѣвъ мать свою къ себѣ идущую.

Знаетель матушка, мы уже давно здѣсь, и у насъ съ сестрицею опять споръ сдѣлался.

Г. Ц.**

Да о чемъ же вы свѣты мои спорите?

ФЕ-

ФЕОНА.

Я вамъ сама матушка раскажу, о чемъ съ братцомъ говорила. Вчерашней вашъ разговоръ не вышелъ у меня изъ памяти, и давича какъ шила, все я отомъ думала: что вы намъ напослѣдокъ сказать изволили, будто мы такоежъ щастіе получить можетъ, какое Луція имѣла, ежели мы учиться станемъ; но я вамъ признаюсь, что мнѣ еще непонятно, какимъ образомъ это сдѣлаться можетъ; развѣ матушка и Луція чрезъ науку щастлива сдѣлалась? Но вы намъ этого не изволили сказывать. Напротивъ того думаю я, что Луція къ тому ничего не помогла, что она такого мужа получила, а это сдѣлалось нечаяннымъ образомъ. Луція сама того не знала.

Г. Ц. * *

Нѣтъ моя радость, и это не такъ какъ ты думаешь, Луція много къ тому способствовала и

это сдѣлалось не нечаянным случаемъ. А что ты еще понять не можешь, это отъ того, что вы еще не знаете, въ чемъ та наука состоитъ, о которой я вамъ говорила.

ФЕОНА.

Пожалуйтежъ матушка скажите намъ, какимъ это образомъ сдѣлалось, когда вы изволите говорить, что это не нечаянным случаемъ было. Мнѣ не терпѣливо о томъ знать хочется.

Ц. Г. • •

Я вамъ хотѣла еще вчера это сказать, любезныя дѣти! но уже поздно было, а теперь пойдемъ въ эту бесѣдку и сядемъ. Но слушайте и внимайте мои любезныя хорошенько, что я вамъ теперь сказывать стану. Это очень важно и вамъ во всю свою жизнь сіе помнить надобно.

ФЕОНА.

Извольте сударыня, мы съ радостію будемъ слушать.

[Входятъ въ бесѣдку и садятся на поставленныя въ ней канапе.]

Г. Ц. **

Что Луцію за сего жениха выдали, это сдѣлалось не нечаянно, и не по слѣпому случаю; а сдѣлалось это по волѣ божеской, и онъ это такъ сдѣлалъ, что Луцію не за другаго; но за этого жениха выдали.

ФЕОНА.

Да какъ же матушка это Богъ сдѣлалъ? Не ужè ли онъ ему, или отцу Луціину велѣлъ, чтобъ онъ на ней женился, или тотъ за него ея выдалъ.

Г. Ц. **

Нѣтъ мой свѣтъ, онъ хотя имъ и не сказывалъ; однако это его было дѣло. Послушай только напередъ, что я вамъ сказывать стану. Вамъ надобно мои любез-

ныя дѣти знать, что хотя такъ и кажется намъ, что все на свѣтѣ по слѣпому случаю нечаянно или просто дѣлается. На примѣръ: намъ кажется, что это такъ просто и по случаю сдѣлалось; что у васъ теперь отца нѣтъ; что я ваша мать, а вы мои дѣти; что мы живемъ здѣсь въ деревнѣ; что у насъ есть люди и крестьяне; они на насъ работаютъ и намъ служатъ; или что у васъ въ прошломъ году братъ умеръ, а теперь напримѣръ тетка ваша больна, дядя на войнѣ убитъ, или вотъ, что намнясь у господина Эраста домъ згорѣлъ, а брата его лошадь убила, а сынъ его въ нещастіе пришелъ. Все это намъ кажется просто и по случаю сдѣлалось. Домъ сгорѣлъ отъ того, что заронили.. Лошадь шарахнулась, на сына господина Эраста недоброхоты напали, въ дядю вашего пушечьное ядро попало, а тетка отъ простуды занемогла, на брата вашего оспа дурная пришла. Однако

нако все это не такЪ любезныя дѣти, а дѣлалось по волѣ и соизволенію или попущенію божескому, и не только это; но и все, что на свѣтѣ ни дѣлается, на все либо соизволеніе, либо попущеніе божеское есть; а само собою и слѣпымЪ случаемЪ ничего не бываетЪ, и не только сЪ нами человѣками: но то же и сЪ скотами. НапримѣрЪ прошлою осенью, у насЪ всѣ коровы померли, зимою овцы почти всѣ вымерли; намнясь бѣшеная собака мужика нашего укусила. Все сіе такЪ БогЪ изволилЪ, да не только это, но и прочее, на все соизволеніе божеское есть. НапримѣрЪ что вы думаете? Это такЪ просто, что у насЪ теперь весна; а была зима; а скоро лѣто будетЪ, или, вотЪ что солнце всходитЪ и за ходитЪ, свѣтитЪ грѣетЪ? Или что вотЪ дождь, или снѣгЪ идетЪ, вѣтерЪ вѣетЪ, морозЪ бываетЪ? Или вотЪ напримѣрЪ, что деревья и травы ростутЪ, и что на этомЪ дере-

въ яблоки, а на томъ груши, или вишни, сливы ростутъ, или на этой травѣ цвѣтки; а на этой ничего не бываетъ. Намъ кажется, что это все просто и само собою дѣлается; однако и это не просто, но по волѣ и распоряженію божескому бываетъ. Однимъ словомъ, ни одна пылинка на землю безъ воли его не упадетъ, а на все его либо соизволеніе, либо попущеніе есть.

КЛЕОНЪ.

Да почемужъ бы это матушка такъ было?

Г. Ц. **

А вотъ по тому мой свѣтъ, что этого всего прежде не было. Не было ни неба, ни земли, ни солнца, ни мѣсяца, ни людей, ни звѣрей, ни травы; а все это Богъ сдѣлалъ. Онъ сдѣлалъ небо и землю. На землѣ велѣлъ деревьямъ и травѣ рость, а потомъ сдѣлалъ звѣрей, птицъ и рыбы; а наконецъ ужѐ и людей сдѣлалъ,

и

и велѢлЪ имЪ на землѢ жить. И такЪ, знайте мои любезныя дѢти, что ничего само собою ни сдѢлалось, а все БогЪ сдѢлалЪ. А когда это все отЪ него произошло, такЪ ему все и принадлежитЪ. А онЪ мои любезныя, не только это сдѢлалЪ; но всѢмЪ и управляетЪ, и велитЪ тому или другому дѢлаться и происходить. Ибо у него все во власти, и онЪ что ни захочетЪ, все дѢлать можетЪ. На примѢрЪ: ежели надобно чтобЪ дождь пошелЪ, такЪ онЪ велитЪ дожжу итти. Ежели надобно чтобЪ ведро было, онЪ велитЪ солнцу сіять. Ежели надобно чтобЪ вѢтерЪ пересталЪ, онЪ велитЪ ему остановиться, и такЪ далѢе, и сіе то называется, что безЪ его воли ничего не сдѢлается.

КЛЕОНЪ.

Да это матушка не сЪ людьми; но напримѢрЪ сЪ вѢтромЪ, или солнцемЪ такЪ дѢлается, а сЪ людьми сударыня какЪ? Не ужѐ ли и сЪ ними то же?

Г. Ц. * *

Конечно то же моя радость, да еще больше, потому что тѣ вещи, о которыхъ я вамъ говорила, бездушныя, и такія, которыя сами собою ничего дѣлать не могутъ, и сдѣланы для человѣковъ, а человѣкъ . . . .

ФЕОНА.

Не прогнѣвайтесь матушка, что я у вась рѣчь перебью. Какъ сударыня, развѣ и солнце для человѣка сдѣлано?

Г. Ц. * *

Для человѣка моя радость, и не только солнце; но и звѣри и птицы, все это для человѣка Богомъ сотворено.

КЛЕОНЪ.

А человѣкъ-та матушка для кого сдѣланъ?

Г. Ц. * *

Ни для кого мой свѣтъ; но для себя собственно.

ФЕОНА.

ФЕОНА.

Ну матушка, извольте теперь вашу рѣчь продолжать.

Г. Ц. • •

И такъ мои любезныя дѣти, человѣкъ гораздо лучше всѣхъ сихъ вещей, и они всѣ для него сдѣланы; а когда съ ними ничего безъ воли божеской не сдѣлается; то какъ съ человѣкомъ чему сдѣлаться. Напримѣръ на васъ напалъ бы разбойникъ, и хотѣлъ бы васъ убить, но чтобъ вы думали? Убилъ либъ онъ васъ, ежелибъ Богъ того не захотѣлъ? Ни какъ, мои любезныя! Онъ вамъ ничего сдѣлать не можетъ, ежели на то попущенія божескаго не будетъ: и вы знайте, что ни одинъ волосъ съ головы вашей безъ воли божеской пропасть не можетъ; а все что съ нами ни дѣлается, на все соизволеніе божеское есть. Напримѣръ: Богъ захотѣлъ чтобъ вашъ отецъ, а мой мужъ умеръ, такъ и сдѣлалось. Онъ попустилъ, чтобъ у

госпо-

господина Эраста домъ сгорѣлъ, онъ и сгорѣлъ. А ежелибъ онъ того не хотѣлъ, такъ хотябъ нарочно зажигали, онъ бы не сгорѣлъ. И вотъ напримѣръ тетка ваша теперь больна. Ежели Богъ захочетъ, чтобъ она умерла, она умретъ, а ежели нѣтъ, такъ хотя бы всѣ ужѐ говорили, что она умретъ; однако она встанетъ. Такимъ образомъ мои любезныя дѣти и съ Госпожею Луціею было. Богъ захотѣлъ, чтобъ она за этимъ мужемъ была, для того никто за нее до того времени и не сватался; а хотя бы и много сватались, или бы она за него вытти не хотѣла; однако это сдѣлалось бы. Противъ воли божеской никто не можетъ ничего сдѣлать.

ФЕОНА.

Такъ по тому-то матушка Луція за этого жениха вышла.

Г. Ц. * *

Потому мой свѣтъ, а ежелибъ на то воли божеской не было; то

какъ

какЪ бы она или онЪ того и ни хотѢлЪ: однако никогда бы тому ни бывать: хоть бы десять лѢтЪ они сваталися; однако она бы за нимЪ не была.

ФЕОНА.

Да почему же матушка узнать, что на это воля божеская была? ВЂдь Луція сама за него захотѢла, а выдалЪ ея отецЪ. РазвѢ бы БогЪ ему сказалЪ, не выдавай за этого за мужЪ, ежели бы онЪ не захотѢлЪ того.

Г. Ц.**

ОнЪ хотя бы того и не сказалЪ мой свѢтЪ, однако бы сдѢлалЪ препятствія. Либо то либо другое, что нибудь помѢшало бы, и дѢло бы не сдѢлалось, а они хохотя бы ужё вЪ церковь пріѢхали ужё вѢнчаться; однако и тутЪ что нибудь бы воспрепятствовало. А то ихЪ сватовство хоть и старались нѢкоторые люди разбить; да и сама она не очень охотно за него шла; однако ничто

не

не успѣло, и онъ на ней женился, и по тому мои свѣты видно, что на то воля божеская была.

ФЕОНА.

А сударыня! такъ-то это дѣлается, по этому и меня матушка вы по волѣ божеской за мужъ выдадите: и мнѣ сударыня за тѣмъ быть, за кѣмъ Богъ захочетъ, чтобъ я была.

Г. Ц. **

Конечно такъ, моя радость, и не только тебѣ; но и братцу твоему на той жениться, на комъ Богъ велитъ. А ежели Богъ захочетъ, чтобъ ты за мужемъ не была: такъ хотя бы сколько жениховъ было, такъ ты ни за кого не выдешь, а Клеонъ не женится, когда Богу то не угодно будетъ.

ФЕОНА.

О матушка, такъ я стану это помнить, и ежели выду когда за мужъ, то не буду ничего говорить, каковъ мужъ у меня ни будетъ;

детъ; но всегда помнить стану, что это такъ Богъ хотѣлъ, чтобъ я за нимъ была, и ежели напримѣръ стану я хотѣть за кого нибудь за мужъ, а меня не станете отдавать, или онъ не захочетъ на мнѣ жениться: то не стану о томъ тужить, или досадовать; а говорить себѣ буду, знать того Богъ не хочетъ, чтобъ я за этимъ женихомъ была.

Г. Ц. **

Ты очень хорошее дѣло сдѣлаешь моя радость, ежели такъ поступишь. Тебѣ не только досадовать за то не годится, что тотъ или другой тебя за себя не беретъ; но не надобно тебѣ и просить у Бога, чтобъ тотъ или другой женихъ на тебѣ женился, или говорить: дай мнѣ Богъ такого и такого жениха.

ФЕОНА.

Да развѣ матушка Богъ дастъ, ежели его о чемъ нибудь просить.

Г. Ц. * *

Конечно дастъ моя радость; но съ тѣмъ только, когда мы станемъ просить его умѣючи, а ежели не такъ, такъ онъ не дастъ, а хотя и дастъ, такъ намъ невзлюбится, и мы сами о томъ тужить станемъ, что просили.

ФЕОНА.

Пожалуйтежъ сударыня намъ скажите, какъ его просить умѣючи, чтобъ онъ давалъ, о чемъ мы его просить станемъ?

Г. Ц. * *

Намъ не надобно у него ничего именно просить. Напримѣръ: ежели ты станешь просить, дай мнѣ Боже такого жениха, какого ты соизволишь, такъ онъ тебѣ дастъ, и ты будешь имъ довольна. А ежели напротивъ того станешь говорить, сдѣлай Боже, чтобъ женился на мнѣ этотъ женихъ, или дай Боже такого и такого жениха, напримѣръ богатаго, или знатнаго; такъ онъ

онЪ тебѣ не дастЪ, или хоть то и сдѣлаетЪ: но ты вЪ томЪ раскаишься, и сама послѣ о томЪ тужить будешь.

ФЕОНА.

Да для чегожЪ бы матушка это такЪ было?

Г. Ц. **

А вотЪ для чего, мои любезныя дѣти, ежели ты чего просишь, такЪ просишь ты для того, что ты того себѣ желаешь; а хочется тебѣ для того, что ты думаешь, что ежели это сдѣлается, такЪ для тебя хорошо будетЪ, и для того ты и просишь. Но знайте, любезныя дѣти, что мы никогда того сами не знаемЪ, что для насЪ худо, что хорошо, и всего больше вЪ этомЪ случаѣ обманываемся. НамЪ кажется, что для насЪ хорошо было бы, ежели бы то и то сдѣлалось; однако часто совсѣмЪ тому противное случается, и мы сами послѣ того видимЪ, что для насЪ то

вели-

великимъ нещастіемъ было, и мы напрасно и ко своему вреду того желали. Напротивъ того иное для насъ худо и нещастіемъ и вредомъ кажется; а вмѣсто того оно намъ хорошо и великую пользу сдѣлаетъ. Возьмемъ себѣ въ примѣръ тѣхъ же двухъ госпожъ, о которыхъ я съ вами такъ много говорила. Госпожа Фанни думала, что для ней то великимъ щастіемъ будетъ, ежели она за того богатаго и молодаго дворянина выдетъ; почему она такъ нетерпѣливо и желала за нимъ быть, а можетъ быть и Бога о томъ просила. Напротивъ того вы видѣли, что она обманулась. Для ней то великимъ нещастіемъ было, и тогдашнее свое желаніе она теперь проклинаетъ; но ужѐ поздно. Напротивъ того сестрѣ ея Луціи казалось, что для ней то не очень хорошо, что она такого, а не другаго мужа получаетъ; однако послѣ оказалось другое. Для ней то было великимъ щастіемъ,

и теперь она тѣмъ очень довольна; а такимъ образомъ мы и всѣ и при всякихъ случаяхъ обманываемся, и пользу свою вредомъ, а вредъ пользою почитаемъ. Или возьмемъ себѣ другой образецъ въ примѣръ. Вы знаете сосѣдку нашу Госпожу Ефимію, и слышали что она претерпѣваетъ нынѣ отъ своего сына. Бѣдную скоро во гробъ онъ вгонитъ. Намнясь до того дошло, что онъ ее схватя полѣно билъ; а за то, что она ему говорить стала, чтобъ онъ такихъ беззаконіевъ не дѣлалъ и такъ бы не беспутствовалъ. Вотъ скоро сгонятъ ее совсѣмъ со двора; ибо сынъ заложилъ ужè все свое имѣніе и ужè просрочилъ. Со всѣмъ тѣмъ этотъ сынъ у ней любимой былъ. Я помню, какъ онъ еще родился и какъ маленькой былъ. И она нѣсколько обѣщаніевъ наклала, чтобъ онъ живъ былъ. Нѣсколько разъ она съ ума почти сходила, какъ онъ боленъ бывалъ, и такъ не крайне ли

обманулась она, что просила Бога о его жизни. Теперь желаемъ тщетно, чтобъ она никогда его не рожала, и чтобъ Богъ маленькаго прибралъ.

КЛЕОНЪ.

Отъ чегожъ бы это такъ дѣлалось матушка, что мы себя обманываемъ?

Г. Ц.**

Обстоятельно о семъ вы послѣ узнаете, а теперь я вамъ только скажу, что это наиболѣе отъ того дѣлается, что мы будущаго не знаемъ. Мы видимъ только то, что теперь дѣлается, и разсуждаемъ по теперешнему; а что впредь будетъ, того мы не знаемъ и знать не можемъ; а для того въ разсужденіяхъ своихъ и ошибаемся. Напримѣръ: намъ кажется одна вещь теперь хороша, и мы представляя себѣ, что и впредь такія же обстоятельства будутъ, думаемъ, что и впредь она для насъ хороша будетъ: на-

про-

противЪ того на другой, или на третей день, или нѣсколько времени спустя, обстоятельства перемѣнятся, а по новымЪ обстоятельствамЪ та вещь ужѐ для насЪ вредительна и не годится. А иную вещь напротивЪ того мы теперъ худою почитаемЪ и жалуемся о томЪ, печалимся и тужимЪ, что такЪ сдѣлалось, и ее нещастіемЪ себѣ поставляемЪ, а вскорѣ потомЪ другое увидимЪ. Обстоятельства перемѣнившись намЪ то вЪ пользу и вЪ благополучіе обратили, и о чемЪ мы сперва говорили, о томЪ теперь радуемся, и сіе очень часто сЪ нами случается. ОднимЪ словомЪ: мы не знаемЪ ничего, что сЪ нами впредь будетЪ. БогЪ же напротивЪ того, мои любезныя, знаетЪ все. ОнЪ провидитЪ будущая.

ФЕОНА:

КакЪ матушка сударыня, БогЪ знаетЪ все, что со мною впередЪ будетЪ.

Г. Ц. * *

Знаетъ мое сердце. Онъ знаетъ не только что съ тобою завтра, или послѣ завтра, или на тотъ, или на другой годъ сдѣлается: но и то мой свѣтъ, что ты завтра, или послѣ завтра, или нѣсколько времени впередъ дѣлать, и не только дѣлать: но говорить и мыслить станешь. Онъ же не только одни твои дѣла̀, но и обо всѣхъ сколько ни есть на свѣтѣ людей, дѣлахъ онъ также знаетъ, и отъ него ничего не утаится. Сверьхъ того знаетъ онъ, какія съ нами случаи дѣлаться станутъ, въ какихъ обстоятельствахъ мы будемъ; а потому извѣстно ему, что для насъ хорошо, и что худо будетъ. И такъ, ежели для насъ что хорошо, такъ онъ сдѣлаетъ, а ежели худо, такъ нѣтъ.

ФЕОНА.

О матушка! по этому Богъ насъ любитъ?

Г. Ц. * *

Конечно мой свѣтъ любитъ, и любитъ очень много. Онъ любитъ насъ больше нежели мы сами себя любимъ, и хочетъ чтобъ и мы его любили, и обѣщаетъ тѣмъ больше насъ еще любить, чѣмъ мы его больше любить станемъ.

ФЕОНА.

Конечно сударыня, намъ надобно его любить, когда онъ насъ такъ любитъ.

Г. Ц. * *

Онъ того и хочетъ мои любезныя дѣти, и для того требуетъ, чтобъ мы всегда сіе помнили, что онъ насъ любитъ; а къ томужъ и то не забывая, что онъ лучше нашего знаетъ, и все сдѣлать можетъ, на него во всемъ полагались. А по сему растолкую я теперь и то вамъ мои свѣты, для чего намъ у него такъ просить надобно, какъ я вамъ сказала. Напримѣръ: ты Феона стала бы у

Бога просить, чтобъ на тебѣ тотъ и тотъ именно женихъ женился; или бы ты за богатаго или знатнаго вышла, но онъ знаетъ того человѣка лучше. Онъ бы вѣдалъ, что онъ дурной нравъ имѣлъ, или напередъ бы уже зналъ, что ты съ нимъ жить будешь не благополучно, что онъ тебя любить не будетъ, или къ тебѣ ревновать, тебя бить станетъ, или въ какое нещастіе самъ придетъ и тебя приведетъ, или иное что, или что ежели тебѣ богатство дать, или знатною сдѣлать, такъ ты испортишься и отъ того въ крайнее нещастіе и совершенную погибель придешь, и прочее тому подобное, и видя сіе все, напередъ онъ прозьбы твоей и не исполнитъ, для того что онъ тебя любитъ, и не хочетъ того, чтобъ ты нещастною была.

А когда ты отъ прозьбы своей отстать не похотѣлабъ; но безпрестанно бы о томъ ему докучала; такъ онъ хоть прозьбу

твою исполнитЪ, но польза ли то тебѣ? Не станешь ли ты сама послѣ о томЪ тужить и раскаяваться?

ФЕОНА.

ТакЪ, конечно такЪ, матушка сударыня.

Г. Ц***

НапротивЪ того ежели бы о томЪ же да не такЪ стала просить, такЪ бы не то вышло. Будебы ты напримѣрЪ стала говорить, когда тебѣ, Боже мой, угодно, чтобЪ я за мужемЪ была; то дай мнѣ такого жениха, какой тебѣ угоденЪ. Выбери мнѣ самЪ его. Я полагаюсь на тебя вЪ этомЪ случаѣ. Я не знаю что для меня лучше; а ты знаешь и меня любишь. Не сдѣлай меня нещастною, а впрочемЪ дѣлай то, что тебѣ угодно. ТакЪ ему это очень прiятно былобЪ. ОнЪ конечно бы твоей прозьбы втунѣ не оставилЪ. Не было еще такого человѣка, котораго бы прозьбу БогЪ презрѣлЪ,

ежели она такимъ образомъ приносима была. Онъ выбралъ бы тебѣ такого жениха, какого ты сама никогда не выбрала; а я тебѣ скажу и почему. Онъ знаетъ мой свѣтъ тебя коротко, онъ знаетъ и всѣхъ людей, такъ онъ изъ нихъ и выбралъ бы такого, какой для тебя лучше. А когда бы это такимъ образомъ сдѣлалось, такъ ты конечно ужѐ состоянiемъ своимъ былабъ довольна.

ФЕОНА.

О матушка, у меня ажно сердце бьется, какъ вы изволите рассказывать, и это конечно истинная правда.

Г. Ц. **

Я вамъ мои любезныя дѣти это только примѣромъ сказала, какимъ образомъ надобно обо всемъ и при всякомъ случаѣ Бога вамъ просить и на него полагаться. Онъ къ такимъ особливую милость оказываетъ, и отмѣнно предъ тѣми любитъ, которыя объ немъ

немЪ никогда не помышляютЪ; но все дѣлаютЪ безЪ разбору.

КЛЕОНЪ.

А я матушка сударыня, еще давича, какЪ вы расказывали, самЪ себѣ положилЪ сЪ сего времени всегда и обо всемЪ такЪ Бога просить, какЪ вы изволили сказывать, и при всякомЪ случаѣ на его волю полагатьея стану. НикакЪ матушка, и Госпожа Луцїя такЪ же у Бога обЪ женихѣ просила и на его волю погалась.

Г. Ц. **

МожетЪ быть мое сердце, она дѣвица была умная, читала книги, училась прилѣжно и конечно о томЪ вѣдала, что такЪ Бога просить надобно.

ФЕОНА.

А матушка! конечно чрезЪ самое это она и способствовала кЪ тому, что ей БогЪ такого мужа далЪ. Не на память ли вамЪ, какЪ вы давича упомянуть изволили,

 что

что она сама къ тому много помогла.

Г. Ц. * *

Помню мой свѣтъ, и ты не ошибалась въ томъ, что Луція много чрезъ то къ тому способствовала. Однако много и кромѣ того другаго есть, чрезъ что она къ тому, какъ думать надобно, съ своей стороны помогла.

ФЕОНА.

Пожалуйте матушка намъ и то уже скажите.

Г. Ц. * *

Скажу мой свѣтъ и болѣе еще для того это сдѣлаю, чтобъ вывесть тебя наконецъ изъ сомнѣнія.

ФЕОНА.

Изъ какого матушка сомнѣнія?

Г. Ц. * *

Изъ того, что ты безпрестанно сомнѣваешься, что наука можетъ тебя щастливою сдѣлать. Когда я теперь вамъ раскажу, какимъ образомъ Луція способствова-

ствовала, такъ вы то сами увидите, а притомъ не только услышите въ чемъ сія наука состоитъ, но увидите; почему вамъ ей и учиться въ сего нужнѣе и полезнѣе.

ѲЕОНА.

Нѣтъ матушка, я не сомнѣвалась; но только не понимала.

КЛЕОНЪ.

Но пожалуйте сударыня извольте только намъ сказывать, мнѣ очень хотѣлось о томъ знать, я съ своей стороны васъ о томъ прошу.

[цѣлуетъ у матери руку:]

Г. Ц. * *

Вотъ любезныя дѣти что, и какимъ это образомъ происходило. Вамъ надобно знать, что Богъ хотя насъ человѣковъ ни для кого, но собственно для насъ самихъ создалъ; однако создалъ онъ насъ не попустому и не напрасно. Помните это мои свѣты. Богу попустому и напрасно, то есть,

безъ всякаго намѣренія создать ничего не возможно. Такимъ образомъ и мы не попустому, но для чего нибудь созданы. Сіе Божеское намѣреніе, между прочимъ, состояло въ томъ, чтобъ насъ ему такими сдѣлать, чтобъ мы сами собою дѣла производить могли. Разумѣете ли и понимаете ли вы это мои свѣты? Вотъ я вамъ яснѣе и примѣромъ это скажу. Онъ не хотѣлъ насъ сдѣлать такими, чтобъ мы подобны бездушнымъ машинамъ были. И дѣла принужденныя дѣлали: но чтобъ мы сами собою и такія дѣла дѣлали, которыя собственно отъ насъ самихъ зависятъ, напримѣръ: не такъ какъ мѣльница или часы. Мѣльница по неволѣ муку мѣлетъ, когда мастеромъ такъ сдѣлана, что ежели воду пустить, колеса и жорновы вертѣться и молоть станутъ; а часы по неволѣ идутъ, когда пружина колеса вертитъ, и я не могу сказать, что мѣльница сама собою мѣлетъ; а часы

идутъ

идутъ. Ежели воды не пустить; а часы не завесть, мѣльница молоть; а часы итти не станутъ. Такими машинами Богъ не хотѣлъ насъ сдѣлать. Но онъ хотѣлъ, чтобъ мы сами собою дѣла дѣлали, но того не довольно. Онъ хотѣлъ, чтобъ дѣла мы такія дѣлали, которыя ему не противны, но пріятны были: однако онъ насъ и тутъ не сдѣлалъ принужденными. Онъ сдѣлалъ насъ такими, что мы и противныя ему дѣла дѣлать можемъ, и далъ намъ на волю дѣлать то, что мы хотимъ, доброе или худое. Доброе, мои любезныя дѣти, называется то, что согласно съ волею Божескою, или ему не противно, и тотъ человѣкъ называется добродѣтельнымъ, кто доброе дѣлаетъ; а злое и худое напротивъ того то, что несогласно съ волею Божескою и ему противно, и такой человѣкъ называется беззаконнымъ и грѣшнымъ для того, что и грѣхи тоже самое, что худыя и Богу неугод-

ныя дѣла. Богъ хотѣлъ чтобъ мы его любили, почитали, слушали и во всемъ ему угождать старались. Однимъ словомъ такъ жили и то дѣлали, что ему угодно, и за то положилъ онъ намѣреніе не только насъ нынѣ щастливыми сдѣлать: но и послѣ смерти нашей намъ гораздо еще щастливѣйшую и такую жизнь дать, которая бы никогда конца не имѣла. А ежели на противъ того мы не такъ станемъ жить, какъ ему угодно; но по своей волѣ и такія дѣла дѣлать, которыя ему противны и непріятны: то мы за то будемъ и наказаны, сдѣлаемся нещастными и въ такое состояніе придемъ, которое намъ несносно будетъ. Такимъ образомъ любезныя дѣти онъ тѣхъ гораздо больше любитъ, которые такъ живутъ, какъ ему угодно; и не только любитъ, но объ нихъ и старается, оказываетъ имъ всякія милости и дѣлаетъ ихъ щастливыми; а тѣ, которые живутъ

не-

не такъ, ему неугодны, для того что онъ не можетъ любить худое, а отъ того мой свѣтъ и Луція щастлива; а сестра ея безщастна сдѣлалась.

ФЕОНА.

Какъ матушка отъ этого, а не отъ инаго госпожа Фанни нещастна, а Луція щастлива сдѣлалась?

Г. Ц. ***

Отъ этого моя радость Фанни еще смаленьку не такъ жила, какъ Богу угодно. Она объ немъ не вспоминала, его не любила: но дѣлала только то, что ей хотѣлось, а не то, что Богъ хочетъ, а за то Богъ ее самъ не любилъ и не дѣлалъ ей милости, и попустилъ ей сдѣлаться нещастною, и ежели она не исправится; то еще больше нещастна будетъ. На противъ того Луція была смаленьку добродѣтельна, любила и почитала Бога, и старалась ему угождать и то дѣлать, что ему

угодно;

угодно; а за то ее Богъ самъ любилъ, оказалъ ей милость, сдѣлалъ ее щастливою, а ежели и впредь тоже станетъ дѣлать: то Богъ ее еще больше любить и больше милостей оказывать ей станетъ. И чрезъ то-то она мои любезныя дѣти къ благополучїю своему способствовала. А ежели и вы станете дѣлать тоже что она: то и васъ Богъ будетъ любить, и къ вамъ милостивъ будетъ. Онъ и васъ мои свѣты благополучными сдѣлаетъ.

ѲЕОНА.

О матушка, я не смѣю васъ просить, пожалуйте сударыня, ежели можно!, намъ скажите, какъ надобно намъ жить, чтобъ насъ Богъ любилъ, и что такое хочетъ онъ, чтобъ мы дѣлали, и какїя матушка дѣла худыя и добрыя, а ему прїятны и противны. Мы бы сами стали тоже дѣлать, что ему надобно; а того убѣгать и не дѣлать, что ему противно.

Г. Ц**

Поцалуй меня за это моя радость, я очень тѣмъ довольна что ты хочешь сіе дѣлать; а я вамъ мои любезныя дѣти на то скажу, что въ томъ самая та и наука состоитъ, которой я васъ учить хочу. Я вамъ хотѣла расказывать, что вамъ дѣлать надобно, чтобъ вы наконецъ благополучны и щастливы были, и чего не дѣлать, чтобъ вы безщастными не были, и какъ вамъ всю свою жизнь наилучше препровождать.

КЛЕОНЪ.

Не ужѐли въ правду въ томъ сія наука матушка состоять будетъ? О какъ вы меня сударыня обрадовали! Я было началъ ужѐ тужить, и васъ о томъ просить ужѐ хотѣлъ, чтобъ вы не другому: но этому насъ поучить изволили. Я вамъ признаюсь, что я ничего не знаю; а это надобно.

Г. Ц. **

Я сама мой свѣтъ знаю что это для васъ надобно. И вотъ не правду ли я вамъ любезныя дѣти говорила, что сія наука всего для васъ нужнѣе?

ФЕОНА.

Конечно сударыня нужнѣе, я сама теперь это вижу и не имѣю сомнѣнія болѣе, что сія наука меня щастливою сдѣлаетъ, и я тужу, что я давно этого не знала, и что вы матушка намъ того расказывать не изволили.

Г. Ц. **

Я бы вамъ давно мои любезныя дѣти это расказала: но вы были молоды, и всего понять бы не могли, а къ сей наукѣ надобна память и прилѣжность. И такъ помните мои совѣты все, что я съ вами теперь говорила. Сегодни болѣе намъ говорить нѣкогда, а завтра не буду я дома, такъ вы этого не забывайте: но вмѣсто того чтобъ резвиться, вы лучше

лучше между собою о томЪ разсуждайте; а послѣ завтра мы далѣе говорить станемЪ, пойдемЪ-те теперь мои свѣты вЪ хоромы.

КЛЕОНЪ.

БлагодарствуемЪ матушка, что вы столько сегодни трудиться изволили, о сколько хорошихЪ вещей вы намЪ сего дни не сказали! Я ихЪ сударыня конечно стану стараться не забыть, и завтра весь день о томЪ помнить, и все самЪ себѣ повторять буду, что вы намЪ ни изволили сказывать, а что мнѣ не понятно покажется, о томЪ я васЪ матушка спрошу послѣ завтра.

Г. Ц***

Спроси мой свѣтЪ пожалуй, это очень еще хорошо, когда ты обо всемЪ станешь спрашивать чего понять не можешь, я сЪ радостію тебѣ мой свѣтЪ сказывать буду.

ФЕОНА.

А мнѣ матушка сударыня давича много кой чего на умъ попадалось: но я боялась вашу рѣчь перебить, и для того у васъ и не спросила.

Г. Ц. **

Это бы нѣтъ ничего мой свѣтъ. Однако не худо ежелибъ вы только не позабывали, что вамъ на память придетъ, и меня о томъ при другомъ случаѣ спрашивали; а въ то самое время конечно нѣсколько мѣшать станете: однако иногда спрашивайте меня въ то время, а иное до другаго случая откладывайте; но пойдемъ-те мои свѣты. Вотъ слуга ужё идетъ къ намъ, сказывать что столъ набранъ.

РАЗГОВОРЪ V.

МЕЖДУ КЛЕОНОМЪ И ФЕОНОЮ а потомъ и съ Луциндою, одною старушкою.

ФЕОНА. Пришедъ послѣ обѣда въ садъ, увидѣвъ Клеона тамъ ужѐ находящагося.

Что ты братецъ здѣсь дѣлаешь?

КЛЕОНЪ.

Мнѣ сказали, что ты сестрица въ садъ пошла: такъ и я сюда пришелъ и хотѣлъ съ тобою что нибудь поговорить; однако тебя нигдѣ здѣсь не нашелъ.

ФЕОНА.

А я пошла было тебя братецъ искать, и хотѣла сама тебя сюда звать, чтобъ о вчерашнемъ по приказу матушкиному поговорить съ тобою. Но мнѣ сказали, что ты сюда ужѐ пошелъ, такъ и я пришла.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Пойдемъ же сестрица на этотъ конецъ сада, здѣсь отъ солнца очень жарко; а тамъ нашелъ я очень хорошее мѣсто, таково холодно и пріятно. Тамъ можемъ мы подъ тѣнью деревъ ходя какъ себѣ хотимъ разговаривать, никто намъ не помѣшаетъ.

ФЕОНА.

А я хотѣла въ бесѣдку тебя звать: однако я думаю что и тамъ душно. Пойдемъ въ правду туда, куда ты братецъ зовешь и тамъ въ холодку ходить станемъ.

КЛЕОНЪ.

Пришедши въ алею, которую съ боку высокія деревья отъ лучей солнечныхъ прикрываютъ.

Вотъ сестрица, не пріятной ли холодокъ здѣсь и не хорошо ли? Я давича здѣсь ужѣ былъ, и одинъ

много кое чего о вчерашнемъ нашемъ съ матушкою разговорѣ думалъ.

ФЕОНА.

Я не знаю какъ тебѣ, а мнѣ братецъ очень такіе разговоры полюбились, и я бы хотѣла чтобъ всякой день матушка такъ же расказывать изволила. Мнѣ никогда это не наскучитъ: но на противъ того я много кое чему изъ нихъ научилась, и того не думала чтобъ въ три вéчера столько я могла узнать такого, чего я прежде не знала, а къ томужъ еще такъ нужнаго. Вѣдь братецъ подлинно это для насъ надобно, и матушка правду намъ говорила.

КЛЕОНЪ.

Конечно сестрица надобно. Я самъ ужè о томъ думалъ, и мнѣ столь же теперь хочется учиться, какъ и тебѣ, и я незнаю какъ ты; а я сестрица начинаю ужè отъ рѣзвостей отставать.

Давича, какъ я дѣло свое окончалъ, такъ побѣжалъ было я въ людскую избу; но вспомня что матушка этого не приказываетъ, да и я самъ ей отъ того отвыкать обѣщалъ, остановился и самъ себѣ сказалъ: нѣтъ, не пойду я туда. Матушка мнѣ не приказываетъ, и когда она говоритъ, такъ знать въ правду это не хорошо; послѣ того и пошелъ опять въ хоромы.... Думаю я сестрица ужѐ и отъ голубей отстать и ихъ болѣе не любить. Матушка мнѣ часто о томъ говаривала. Однако спрошу я ее, почему это дурно голубей любить.

ФЕОНА.

А я тебѣ братецъ и о себѣ тоже скажу. Давича смотрѣлась я въ зеркало и думала сама себѣ, куда я какъ хороша, но вдругъ вспомнила, что матушка о госпожѣ Луціи намъ сказывала, что она не много о красотѣ своей думала, и казалась будто о томъ не

не знаетЪ, что оно хорошо, а вспомнивши это, сама себѣ сказала, стану и я тоже дѣлать, что Луція дѣлала, и тотчасЪ вЪ зеркало смотреться перестала. Куда я братецЪ эту госпожу Луцію полюбила, мнѣ хотелось бы, чтобЪ я точно все то дѣлала, что она дѣлывала.

КЛЕОНЪ.

А мнѣ сестрица ее мужЪ полюбился, и я тужу, что не спросилЪ матушку, не знаетЪ ли она, какЪ и онЪ смаленьку росЪ и что дѣлывалЪ. Я бы самЪ тоже дѣлать сталЪ.

ФЕОНА.

Молчи братецЪ! матушка вчерась сказала, что, можетЪ быть, она насЪ и познакомитЪ сЪ ними.

КЛЕОНЪ.

О! я бы очень радЪ этому былЪ, я бы сталЪ сестрица обо всемЪ у него распрашивать, и что онЪ не дѣлаетЪ, все бы сталЪ перенимать.

ФЕОНА.

А я бы госпожу Луцію стала просить, чтобъ она все мнѣ разсказала, что и какъ она дѣлала будучи еще не за мужемъ. Матушка правду сказала, что надобно знать, какъ приниматься и начинать, отъ чего нибудь ;отвыкать, а безъ того очень трудно это сдѣлать. Я тебѣ раскажу, что давичажъ со мною было. Сѣла я шить братецъ, и понадобились мнѣ ножницы. Дѣвка была тогда тутъ въ горницѣ, и я велѣла ей подать ихъ; но она негодная мнѣ не скоро ихъ подала. Я такъ на нее разсердилась, что хоть вспомнила, что матушка не велитъ драться, однако не утерпѣла; я ио вскочивъ ее ударира. А послѣ опомнилась и сама себѣ сказала, ,, за что я ее ударила? Это вѣдь дурно и мнѣ отвыкать отъ тово надобно,,. Послѣ того думала я сама себѣ, отъ чего бы это мы сердились, однако не знаешъ ли ты этова братецъ?

КЛЕОНЪ.

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ! сестрица не знаю, я вѣдь и самъ сударыня часто ребятъ бью, и самъ тоже намнясь думалъ, и хочу когда нибудь спросить о томъ матушку.

ФЕОНА.

Спросимъ братецъ! она намъ скажетъ, какимъ образомъ и отвыкать отъ того. Она намъ вѣрно скажетъ.

КЛЕОНЪ.

Какъ не сказать! но знать сестрица это очень дурно, что матушка такъ часто за то на насъ бранится, однако я не знаю, по чему бы это худо было.

ФЕОНА.

Я думала ужѐ о томъ братецъ и не понимала, однако давича вспомнилось мнѣ, что матушка намъ вчера сказала, что худо называется все то, что противно Бугу, или что не согласно съ Его волею, такъ я сама ужѐ въ себѣ мыслила, ужъ не для тоголь и это

худо, и не для тоголь и матушка намъ сердиться и драться не велитъ? Что это Богу противно.

КЛЕОНЪ.

О сестрица! ты меня теперь на разумъ наставила. Конечно сударыня такъ, и въ этомъ сомнѣваться нѣчего. Помнишь ли сестрица? Какъ она о Луціи говорила. Она сказывала намъ, что Луція того не дѣлала, что Богу противно. А Луція, на память тебѣ, никогда не серживалась и не дралась: такъ знать она для того этова не дѣлала? Что Богу противно. Да что болѣе о томъ говорить? Я теперь болѣе не сумнѣваюсь въ томъ.

ФЕОНА.

О! такъ конечно я сердиться и драться перестану. Я сама теперь ето помню, и дѣломъ же я сама на себя досадовала.

КЛЕОНЪ.

Не стану же и я сестрица съ сего времени ни сердиться ни драться. Матушка изволила говорить,

рить, что Богъ тѣхъ не любитъ, которые не то дѣлаютъ, что Ему угодно, и ихъ дѣлаетъ нещастными, такъ я не хочу, чтобъ мнѣ не щастнымъ быть.

ФЕОНА.

Да братецъ! это правда, и я стану о томъ помнить и какъ скоро розсержусь, то тотчасъ вспоминать стану, что это Богу противно, и для того не только драться но и сердиться не стану.

КЛЕОНЪ.

Хорошо бы такъ сестрица! и я бы тоже дѣлать сталъ: но такая бѣда, не утерпишъ. Я часто такъ разсерживался, что самъ себя не вспомню, и радъ бы не вѣдомо что съ собою сдѣлать, однако спросимъ о томъ сестрица у матушки.

ФЕОНА.

Да братецъ! завтра же это сдѣлаемъ, только чтобъ не позабыть намъ, а теперь вспомнилось мнѣ еще изъ вчерашняго на-

шего разговора, о чемъ я тебя спросить хочу.

КЛЕОНЪ.

Чтобы это такое было сестрица?

ФЕОНА.

А вотъ что братецъ! матушка, я думаю, ты помнишь, говорила вчера, будто Богъ все знаетъ, что съ тобою или со мною завтра, или нѣсколько времени спустя сдѣлается, и не только объ насъ, но что будто и со всѣми людьми что будетъ, Онъ знаетъ. Но хотѣла бы я вѣдать, знаетъ ли Онъ, что дѣлается теперь съ нами. Матушка говорила про будущее, и что Богъ знаетъ, что въ передъ съ нами будетъ, а про тепершнее она не сказывала.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сестрица! она и о томъ упомянула. Мнѣ думается, какъ ему того не знать, что теперь дѣлается: когда Онъ ужѐ знаетъ, что въ передъ будетъ.

ФЕОНА.

ФЕОНА.

А я напротивъ того въ этомъ сумнѣваюсь. Когда Онъ знаетъ, что теперь дѣлается, такъ Онъ по этому ужѐ знаетъ, что мы теперь съ тобою въ саду, что мы говоримъ объ немъ, и что я тебя спрашиваю. Вѣдь этому ужѐ такъ быть надобно.

КЛЕОНЪ.

Да сестрица! я самъ думаю, что такъ. Да для чегожъ бы ты въ етомъ сумнѣвалась?

ФЕОНА.

Какъ ты этова братецъ не разсудитъ? Но почемужъ бы Ему это знать, что мы съ тобою здѣсь по алеѣ теперь ходимъ и что говоримъ? Вѣдь Ево здѣсь нѣтъ, и мы здѣсь одни съ тобою ходимъ?

КЛЕОНЪ.

Да гдѣжъ бы Онъ сестрица былъ? Я право незнаю.

ФЕОНА.

Я слыхала, что Онъ на небѣ

КЛЕОНЪ.

А когда на небѣ сестрица! такъ Онъ насъ оттуда видитъ, а потому и знаетъ, что мы здѣсь.

ФЕОНА.

И братецъ! какъ тебѣ не стыдно. Ну хорошо, что мы теперь здѣсь въ саду, и надъ нами ничего нѣтъ, а ежели бы мы были въ хоромахъ или въ палатахъ, такъ какъ же Ему насъ съ неба видѣть? Да и кромѣ того пускай бы Онъ насъ здѣсь видѣлъ, какимъ же образомъ Ему знать то, о чемъ мы теперь говоримъ съ тобою? Не ужъ ли Онъ оттуда съ неба слышать можетъ?

КЛЕОНЪ.

Можетъ быть и слышитъ сестрица! по чему мы это знаемъ.

ФЕОНА.

И! вотъ ты опять ужè братецъ говоришъ не складное. Но добро пускай на твоемъ будетъ, что Онъ слышитъ. Но скажи ты мнѣ, по чемужъ бы Онъ знать могъ, о

о чемЪ я или ты теперь думаешЪ? ВѢдь ОнЪ у насЪ на мысляхЪ не былЪ. Тогда говорилЪ ты, что ОнЪ насЪ и видитЪ и слышитЪ; но скажи теперь пожалуй, видитЪ чтоль, или слышитЪ ОнЪ мысли наши? Что бы ты мнѢ на это сказать изволилЪ?

КЛЕОНЪ задумавшись.

Да сестрица! я теперь ужѐ самЪ не знаю, что вамЪ на это сказать. Ты меня сЪ пути сбила, и я признаюсь, что я самЪ этова не понимаю.

ФЕОНА.

ТакЪ спросимЪ же мы братецЪ и обЪ этомЪ матушку! Мы оба знать того не знаемЪ, пускай она насЪ разберетЪ сЪ тобою.

КЛЕОНЪ.

Да сестрица! конечно намЪ обЪ етомЪ спросить надобно. Да постой, вотЪ мнѢ что теперь еще на умЪ вспало. Говорили мы теперь сестрица сЪ тобою, что какЪ Богу сЪ неба насЪ слышать можно, и

ты спорила, что ему нельзя: такъ скажи же ты мнѣ, какимъ же образомъ Онъ слышитъ? Когда мы ево о чемъ нибудь просить станемъ. Теперь ты на матушку сослаться не можешъ, ты сама помнишъ, она вѣдь вчера изволила говорить, что Богъ слышитъ, и еще сама насъ учила, какъ намъ Его просить надобно.

ФЕОНА ударивъ, издѣваяся, брата тихонько по щекѣ

Смотри какой ты воръ! ты вѣдь это нарочно въ насмешку выдумалъ.

КЛЕОНЪ.

Да не шутитѣ сударыня! Я васъ безъ шутки спрашиваю.

ФЕОНА.

Нѣчего шутить братецъ! Я право сама этова не знаю, и намъ надобно и объ этомъ матушку спрашивать.

КЛЕОНЪ.

КЛЕОНЪ.

Такъ сестрица! мы многова еще не знаемъ и матушкѣ много намъ разсказывать надобно, а особливо я стану просить, чтобъ она это хорошенько растолковала:- мнѣ кажется это очень нужно намъ вѣдать.

ФЕОНА.

Да братецъ! отъ этова много зависитъ. Ежели мы станемъ сумнѣваться въ этомъ, такъ будетъ намъ и въ томъ сумнѣніе, что Онъ насъ щастливыми и благополучными сдѣлаетъ, ежели мы станемъ такъ жить, какъ ему угодно. Разсуди самъ. Ему вѣдь надобно напередъ о томъ знать, что мы какъ жить станемъ, а мы еще и того достовѣрно не вѣдаемъ, точно ли Онъ знаетъ все, что мы дѣлаемъ.

КЛЕОНЪ.

Вы правду говорите сестрица! но теперь солнце ужѐ ниско,

пойдемъ отсюда. Становится ужѐ не такъ жарко, и намъ ходить ужѐ и по всему саду можно.

ФЕОНА.

Пойдемъ братецъ! Я сама хотѣла тебя звать. Я въ сихъ куртинахъ давно не была, пойдемъ туда братецъ! поглядимъ многоли унасъ будетъ яблокъ и грушъ.

Когда они ходили, то увидѣвъ Феона, что Клеонъ часто останавливаясь, то на небо, то на деревья, то на землю смотрелъ и задумывался, спросила его.

О чемъ ты братецъ задумываешся? Конечно ты опять въ чемъ нибудь сомнѣніе находишъ.

КЛЕОНЪ.

И не одно сестрица! и оченъ много я не понятнаго нахожу.

ФЕОНА.

Чтожъ братецъ тебѣ еще не понятно кажется?

КЛЕОНЪ.

Мнѣ вспомнилось сестрица! что матушка вчерась намъ сказывала, будто все, что ни есть на свѣтѣ, для человѣка Богъ создалъ; но давича увидѣлъ я большова червяка на яблонѣ; не ужѣ ли и онъ сестрица для человѣка сдѣланъ? Мнѣ кажется, онъ намъ еще убытокъ дѣлаетъ, и яблони у насъ портитъ. По чемужъ бы онъ для насъ былъ сдѣланъ? Напротивъ того думаю я, что для насъ еще лучше было, когда бы червяковъ этихъ никогда не родилось.

ФЕОНА.

Да братецъ! а меня давича какая-та казявка укусила, и я тоже думала, что ты.

КЛЕОНЪ.

Ещежъ сестрица давича взглянулъ я на небо и увидѣлъ солнце, облака и самъ себѣ подумалъ, хотѣлось бы мнѣ знать, какъ это Богъ дѣлалъ? Вѣдь солнце сестрица не блиско отсюда? Развѣ Богъ

туда ходилъ? Да и небо, посмотри сестрица! какое большое: какъ это Онъ могъ его такое большое сдѣлать?

ФЕОНА задумавшись.

Ты меня самое въ сомнѣнiе привѣлъ братецъ! я конечно не понимаю и сама этова: а сверьхъ того много еще и другова, мнѣ не понятно теперь кажется: на примѣръ: вода вѣдь у насъ на землѣ братецъ? Ктожъ ее на небо поднимаетъ, что отъ туда она къ намъ дождемъ идетъ? А зимою снѣгъ какимъ образомъ дѣлается?

КЛЕОНЪ.

О сестрица много! много мы по этому еще не знаемъ.

ФЕОНА.

Постой братецъ! мнѣ теперь мудреное на умъ вспало. Хотимъ мы знать, какъ Богъ-то и то сдѣлалъ, или какимъ образомъ Онъ слышитъ или знаетъ? Но знаемъ ли мы еще то напередъ братецъ,

тецЪ, что такое БогЪ и какой ОнЪ такой?

КЛЕОНЪ.

АхЪ! голубушка сестрица, вѣдь я право вЪ самомЪ дѣлѣ не знаю: а знаю только по наслышкѣ. Не знаешь ли ты сестрица?

ФЕОНА.

Хороши же мы сЪ тобою братецЪ! я столько же обЪ НемЪ знаю, сколько ты, и не глупы ли мы сЪ тобою братецЪ? Что не зная Его о томЪ, знать хотимЪ, какЪ ОнЪ небо и землю или другое что дѣлалЪ:

КЛЕОНЪ.

Помолчи сестрица! мнѣ послышалось, что нѣкто насЪ кличетЪ.

ФЕОНА.

КличетЪ братецЪ! только я не знаю кто. Досадно мнѣ, что намЪ помѣшаютЪ. Но незамай братецЪ! они сами кЪ намЪ придутЪ, а мы между тѣмЪ еще поговоримЪ.

И такъ братецъ скажу я тебѣ, что мнѣ очень хочется знать, что такое Богъ, и я думаю завтре же матушку просить, чтобъ она объ Немъ намъ расказала.

КЛЕОНЪ.

А и я сестрица о томъ же тебѣ только сказать хотѣлъ! ..... Вотъ сударыня кто насъ кликалъ, это госпожа Луцінда наша бабушка старушка, вотъ она къ намъ идетъ.

ФЕОНА.

И братецъ! что мнѣ теперь вздумалось, спросимъ-ка мы ее, не знаетъ ли она, что такое Богъ.

ЛУЦИНДА запыхавшись.

О дѣти!.... замучили вы меня..... Куда это вы зашли?... Ужъ я васъ искала, искала и на силу теперь сюда добрела ... Сказали мнѣ, что вы пошли въ рощу... Я тамъ была. Оттуда на пруды ходила, но васъ нигдѣ не нашла... Да спасибо ужè этой дѣвушкѣ, она меня сюда проводила.

ФЕОНА.

ФЕОНА съ КЛЕОНОМЪ.

подбѣжавши къ ней и ее цѣлуя.

Здраствуйте бабушка! что вы сударыня у насъ такъ давно не бывали? Матушка и вчерась объ васъ говорить изволила.

ЛУЦИНДА.

Не досужно было мои свѣты! А то бы я давно къ вамъ притащилась, а сево дни услышала, что матушка поѣхала въ гости, и вы одни дома...

ФЕОНА.

Благодарствуемъ сударыня! что вы насъ напомнили. Пожалуйте бабушка въ хоромы.

ЛУЦИНДА.

И! нѣтъ мой свѣтъ, я и сюда на силу добрела, куды мнѣ теперь иттить далѣе.

ФЕОНА.

Такъ не изволите ли бабушка въ эту бесѣдку отдохнуть пожаловать? [къ дѣвкѣ] А ты поди вели намъ между тѣмъ чаю приготовить.

ЛУЦИНДА.

пришедши въ бесѣдку.

Чтожъ вы мои свѣты безъ матушки дѣлали?... Теперь вамъ воля, и вы небось всѣ рѣзвитесь.. а Клеонушка ужè разъ съ десять на голубятнѣ побывалъ.

ФЕОНА.

Нѣтъ бабушка! мы не рѣзвимся. Вы того сударыня не знаете, что мы съ братцомъ всѣ рѣзвости ужè бросили.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня ужè и на голубятню почти не хожу? и сево дни ни однажды еще тамъ не былъ.

ЛУЦИНДА.

Что такое мои свѣты? Нельзя етому статься, чтобъ вы рѣзвости бросили.

ФЕОНА.

Да такъ сударыня! мы съ братцомъ для того здѣсь и въ саду были, что рѣзвиться не хотимъ.

ЛУЦИНДА.

ЛУЦИНДА.

Чтожъ вы здѣсь дѣлали, здѣсь еще лучше вамъ бѣгать и рѣзвиться?

ФЕОНА.

Нѣтъ бабушка! мы съ братцомъ разговаривали.

ЛУЦИНДА.

Да о чемъ же такомъ вы мои свѣты разговаривали? О рѣзвостяхъ, я думаю.

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ сударыня! мы съ сестрицею говорили о дѣлѣ и такомъ бабушка дѣлѣ! которое намъ очень нужно.

ЛУЦИНДА.

О! о! не въ правду ли о дѣлѣ? Ужè и дѣло я думаю подлинно нужное. Небось, какъ вамъ къ матери подольститься и новое себѣ платье выпросить?

ФЕОНА.

Никакъ сударыня! о платьѣ у насъ и на умѣ не было, а мы говорили

ворили съ братцомъ, какъ намъ учиться.

ЛУЦИНДА.

Да развѣ вы еще не выучились мои свѣты? А я думала, что вы давно ужѐ грамотѣ умѣете.

ФЕОНА.

Грамотѣ мы сударыня ужѐ давно умѣемъ! да етова бабушка очень мало, намъ многому еще учиться надобно.

ЛУЦИНДА.

И! и! мои свѣты! я и грамотѣ не умѣю, да вѣкъ прожила, а когда вы грамотѣ умѣете, такъ на что вамъ болѣе учиться?... Дитетки! Чѣмъ больше будете знать: тѣмъ скорѣе состареетесь.

ФЕОНА взглянувъ на брата своего и усмѣхнувшись.

И! Бабушка сударыня, какъ это вы изволите говорить, что намъ учиться не надобно. Вамъ бы насъ къ тому побуждать еще

над-

надлежало. Учиться вамъ сударыня теперь не надобно для того, что вы ужѐ стары, а мы только жить начинаемъ, и не хотимъ быть нещастными.

ЛУЦИНДА.

И! мои други, я много видала и такихъ нещастными, которыя многимъ наукамъ умѣли. Это все не по тому мои свѣты.

ФЕОНА.

Нѣтъ бабушка по тому! о которыхъ вы знаете, можетъ быть не такимъ наукамъ учились. Наука наукѣ не указываетъ, а мы сударыня такой наукѣ учиться хотимъ, которая насъ научитъ щастливыми быть.

ЛУЦИНДА.

Это бы хорошо мой свѣтъ! Я бы сама хотѣла, чтобъ съ маленьку этой наукѣ научилась: такъ бы я мой другъ въ жизнь мою такъ нещастна не была. Однако не слыхала, чтобъ такая наука была, и мнѣ кажется это все пустое:

стое. Кому щастливымЪ быть, тотЪ будетЪ щастливЪ, а кто ужѐ на нещастье зародился, тотЪ всю жизнь горе свое мыкать станетЪ.

ФЕОНА.

А мнѢ бы думалось, бабушка! это не по тому, а мы сами тому причиною, что щастливы, или не щастливы.

ЛУЦИНДА.

И мой свѢтЪ! это не правда, а я слыхала что лучше молиться Богу прилѢжнѢе, чтобы и я вамЪ совѢтовала лучше, нежели учиться.

КЛЕОНЪ.

МнѢ бабушка сказывала, что вы превеликія охотницы Богу молиться, скажите намЪ сударыня, какЪ вы молитеся, такЪ бы и мы также бы дѢлать стали?

ЛУЦИНДА.

И дитетко! я ужѐ стара, и вамЪ гдѢ такЪ молиться и вставать

вать къ завтренямъ. Кладите только земныхъ поклоновъ по больше.

КЛЕОНЪ.

Когда вы бабушка такъ много молитесь? И какъ сказываютъ, ни завтрени ни обѣдни ни вечерни не пропускаете; но все въ церковь ходите: такъ я думаю, вы сударыня вѣрно знаете, что такое и Богъ?

ЛУЦИНДА.

И мой свѣтъ! не ужъ ли ты осю пору этова не знаешъ?

КЛЕОНЪ.

Не знаю бабушка! скажите намъ, ежели вы знать изволите.

ЛУЦИНДА.

Какъ мнѣ не знать мой свѣтъ! Ужѐ Бога не знать! Но развѣ ты въ церквѣ никогда не бывалъ.

КЛЕОНЪ.

Я бывалъ бабушка въ церквѣ, но я ево тамъ не видывалъ.

ЛУЦИНДА.

ЛУЦИНДА.

И глупенькой! и образовъ ты не видалъ.

КЛЕОНЪ.

Образа̀ я видѣлъ бабушка! Ихъ унасъ и дома много. Но вѣдь ето не Богъ?

ЛУЦИНДА.

О дурачокъ! Что это ты говоришъ, это Его святой ликъ: а предъ нимъ ты и молись.

КЛЕОНЪ.

Сударыня! я слыхалъ самъ, что етоево ликъ; но я бабушка васъ спрашиваю, не знаете ли вы, что такое самъ Богъ?

ЛУЦИНДА.

Глупенькой! какъ ты это спрашиваешъ, что Богъ. Онъ Богъ. Чего тебѣ болѣе хочется?

ФЕОНА.

Бабушка сударыня! братецъ не того спрашиваетъ: онъ не знаетъ гдѣ Богъ и какой Онъ.

ЛУЦИН-

ЛУЦИНДА.

И! ты дурочька! что ты это говоришЪ, какЪ этова ты не знаешЪ?

ФЕОНА.

Воля ваша бабушка! а мы право не знаемЪ.

ЛУЦИНДА.

ТакЪ вы оба еще глупы, не осердитесь на меня. БогЪ на небѢ. КакЪ вы этова по сю пору не знаете.

КЛЕОНЪ.

Мы это слыхали бабушка, что ОнЪ на небѢ, да мы не знаемЪ какой ОнЪ.

ЛУЦИНДА.

Опять уже за тожЪ! ты право какЪ малой рабенокЪ: не видалЪ ли ты, какЪ ОнЪ на образахЪ пишется?

КЛЕОНЪ.

Это я видалЪ бабушка! на образахЪ всѢ люди написаны.

ЛУЦИНДА.

Ну! чегожъ ты больше хочешъ? Богъ знать таковъ и есть, какимъ пишется.

ФЕОНА.

Мы это ужѐ и сами бабушка думали, что Онъ такой, какъ на образахъ пишется, тутъ Онъ написанъ человѣкомъ; но потому намъ это и не понятно, вѣдь бабушка землю, небо и все, что ни есть на свѣтѣ, Богъ создалъ?

ЛУЦИНДА.

Богъ дитѣтко!

ФЕОНА.

Ну! какимъ же образомъ Онъ солнце, небо и землю дѣлалъ, когда Онъ такой, какъ человѣкъ, и какъ Онъ съ неба насъ услышитъ, когда мы ему молимся? Тово-то мы не знаемъ.

ЛУЦИНДА.

И! Дѣти! гдѣ вамъ это знать, перестанте и говорить о томъ. Богъ убьетъ, когда вы такъ про Него

Него говорить станете. Молитесь только ему.

ФЕОНА.

И! бабушка сударыня! за что Ему насъ убить, Онъ насъ любитъ: а мы же не худое говоримъ. Развѣ это сударыня худо? Когда мы хотимъ знать, что Онъ такое, къ томужъ какъ намъ Ему молиться? Когда мы Его еще и не знаемъ.

ЛУЦИНДА.

Эхъ дѣти! вы истинно завретесь. Я не знаю, чего вамъ хочется и что вамъ это попалось? Вѣдь вамъ не въ попахъ быть и не въ духовномъ чинѣ? Ну на чтожъ это вамъ знать?

КЛЕОНЪ.

Да развѣ сударыня однимъ попамъ это знать надобно? Мнѣ кажется, и всякому человѣку знать бы это не худо.

ЛУЦИНДА.

Эхъ! всѣ вы не то говорите, я ужè сказала вамъ, что лутче

не умничать, а молиться прилѣжнѣе Богу.

КЛЕОНЪ.

Сударыня! да мы то-то хотимъ, и для того-та васъ и спрашиваемъ о Богѣ, чтобъ намъ Ему усерднѣе молиться было можно; а то я признаюсь бабушка, что я по сіе время былъ очень лѣнивъ, и мнѣ всего скучнѣе, какъ бывало покойная наша бабушка, у которой мы прошлаго года жили, заставитъ молиться Богу и читать каноны.

ЛУЦИНДА.

Ну! такъ вотъ самъ ты еще грамотникъ. Самъ умѣешъ читать каноны, и ихъ много читывалъ, а говоришъ, что не знаешъ и меня старуху спрашиваешъ, не ужъ ли ты въ нихъ не нашелъ ничего о Богѣ?

КЛЕОНЪ.

Сударыня! это я помню, что въ нихъ много о Богѣ упоминается; но ей ей вамъ признаюсь, что я

я и сотой доли того не разумѣю, что въ нихъ читывалъ, да и всего меньше о томъ думалъ, а старался всегда только о томъ, какъ бы скорѣе ихъ промолоть и уйти рѣзвиться.

ЛУЦИНДА.

Ну! такъ вотъ самъ же ты признаешся: а когдабъ ты читалъ прилѣжнѣе, такъ бы ты и нашелъ все... О! когдабъ я грѣшница умѣла ихъ читать, я бы денно и ночно читала всѣ акафисты и каноны, и тогда-то бы я могла тебѣ всѣ и все расказать.

КЛЕОНЪ.

А нынѣ вы развѣ сами не знаете бабушка; а мы ей ей не сомнѣвались въ томъ, что вы знаете. Да какъ бы кажется уже не знать Бога такому старому человѣку какъ вы, которой уже столько лѣтъ на свѣтѣ живетъ. Уже Бога вамъ не знать?.... Да какъ же вы ему молитесь?

ЛУЦИНДА.

И! фу! батька мой я вѣдь не босурманка! Ужѐ мнѣ Бога не знать, чтобъ я была за дура? Господи помилуй! [сама креститея] какъ мнѣ Его не знать? Я всегда Ему свѣту нашему молюсь. [увидѣвъ, что Клеонъ усмѣхнулся, разсердилась] Изрядно! ей ей изрядно! Вы меня ужѐ и на смѣхъ поднимаете! ну! ужѐ босурманкою сдѣлали: смотри пожалуй.

ФЕОНА.

О бабушка сударыня! братецъ и не почитаетъ васъ такою. Вы конечно слова̀ его не такъ разумѣли. Какъ онъ, такъ и я ни мало въ томъ не сомнѣваемся и довольно знаемъ, что вы не только православная Христіанка, но и великая богомольница.

КЛЕОНЪ.

Конечно я всегда это скажу, и самъ много разъ видывалъ, какъ вы бывая иногда у насъ, по утрамъ и по вечерамъ молитесь и кладете не вѣдомо сколько земныхъ поклоновъ;

клоновъ; и потому мнѣ и знать хочется, какъ по крайнѣй мѣрѣ вы тогда себѣ Бога-то представляете, какъ вы Ему молитесь.

ЛУЦИНДА. часъ отъ часу болѣе въ сердце приходя.

Нѣтъ! нѣтъ дѣтки! рано бы вамъ надо мною такъ издѣваться и меня старого человѣка поднимать на смѣхъ. Вы бы вспомнили, что я вамъ не чужая: смѣяться бы право вамъ еще не годилось.

ФЕОНА.

Ахъ бабушка сударыня! мы вамъ ей ей не смѣемся, и у насъ всего меньше на умѣ васъ поднимать на смѣхъ.

ЛУЦИНДА.

Что ты мнѣ моя радость сказываешъ? Я вѣдь сама видѣла, какъ твой вертопрашной братецъ усмѣхался. Будто вправду Богъ у него на умѣ. Ничего не бывало, а ему захотѣлось надо мною только пошутить. Не сдѣлайся тка онъ

лутче самъ босурманомъ: какъ нынѣ ужѐ сказываютъ, многія такія есть. Вотъ дайка ему только по босурмански болтать научиться, такъ скоро ужѐ посты не посты, образа не образа будутъ, да и самого-та ужѐ Бога не вѣдомо чѣмъ почтутъ; а промать-то бѣдную ужѐ и не говори.

КЛЕОНЪ.

Воля ваша бабушка! хоть вы на меня и гнѣваетесь; только я ей ей не виноватъ, усмѣхнулся проста и безъ всякова умысла, да и спрашиваю я болѣе для того, что такимъ босурманомъ мнѣ быть не хочется, о какихъ вы говорите.

ЛУЦИНДА.

Добро! добро мой другъ! ты сталъ нынѣ, вижу я, умникъ и постоянница; однако пожалуй оставь меня съ покоемъ. Пускай я не знаю ничего, пускай я дура, спрашивай, кого хочешъ, и кто умнѣе

меня.

меня. Иной оттолкнетъ ужè тебя отъ себя.

ѲЕОНА увидѣвъ идущаго еще къ нимъ гостя, живущаго въ одной деревнѣ съ госпожею Луциндою не богатого и пожилаго дворянина.

Ахъ! вотъ и господинъ Граматѣевъ.

ЛУЦИНДА.

Вотъ и вправду онъ ужè пріѣхалъ, ну сла́ва Богу! а-то-было я ужè его заждалась. Я вамъ и позабыла сказать, что онъ хотѣлъ за мною заѣхать, и что мы вмѣстѣ съ нимъ смолвились ѣхать сево дни къ вашей тетушкѣ Дуременѣ.. [къ Граматееву] Подика! подика батька мой! ужè я тебя свѣта моего заждалась. Увѣзи ты меня отсюда. Съ пути меня этотъ молодецъ согналъ, [указывала на Клеона лехко ли! босурманкою ужè сдѣлалъ: хоть бы ты ужè куманекъ дорогой

гой за куму свою вступился и ее защитилъ.

Г. ГРАМОТѢЕВЪ поздаровавшись съ дѣтьми:

Умилосердитесь! что у васъ такое, споръ чтоль и о чемъ такомъ?

КЛЕОНЪ.

Ахъ! нѣтъ ничего батюшка! мы такъ между собою разговаривали.

ЛУЦИНДА.

Какое ничего? .. Теперь знать трусу праздновать--- Это вѣдь не со мною, поговорика вотъ съ нимъ. Ево позабудешъ ужѐ на смѣхъ поднимать, а-то-быть тебѣ надо мною надъ старымъ человѣкомъ смѣяться.

КЛЕОНЪ.

Сударыня! я ни какъ надъ вами не смѣялся, такъ и теперь ни мало не трушу; а готовъ и господина Грамотѣева о томъ спрашивать и просить мнѣ то же растолковать: ежели ему не будетъ то противно.

Г.

Г. ГРАМОТѢЕВЪ.

Да умилосердитесь! скажите пожалуйте, что это такое, и о чемъ такомъ у васъ былъ газговоръ. Ежели что знаю, для чего мнѣ не сказать. Съ радостiю моею готовъ васъ въ томъ удовольствовать и споръ вашъ рѣшить.

ЛУЦИНДА.

Чево кумъ дорогой! таки житья мнѣ этотъ молодецъ не далъ. Сказывай я ему что такое Богъ, да гдѣ Онъ, да какой Онъ, да какъ Онъ слышитъ, когда мы молимся и такъ далѣе. Свое ли истинно затѣваетъ.

Г. ГРАМОТѢЕВЪ.

Да чтожъ! это всѣ вопросы, кажется, не дурныя, и дѣло-то все въ томъ только состоитъ.

ФЕОНА.

Ни въ чемъ иномъ батюшка братецъ! очень любопытенъ это знать, и вздумалъ спросить о томъ госпожу Луцинду: а ей по

казалась, что онъ смѣется и она на него разсердиться изволила.

ЛУЦИНДА.

Нелги! нелги мать моя на живова человѣка. Се́рдца у меня не было. Я ево всегда люблю: а мнѣ досадно было, что онъ не свое затѣваетъ. Теперь сла́ва Богу! вотъ пускай говоритъ съ кумомъ. Онъ читывалъ книги и сказать ему все можетъ.

КЛЕОНЪ.

О! я бы за великое одолженiе себѣ почелъ: ежелибы мнѣ то господинъ Грамотѣевъ сказать изволилъ.

ГРАМОТѢЕВЪ.

О батюшка! это дѣло великое и высокое; однако я самъ сколько знаю, раскажу.

КЛЕОНЪ.

Пожалуй батюшка! одолжите насъ тѣмъ, а намъ невѣдомо какъ хочется знать, что такое Богъ.

ГРАМО-

ГРАМОТѢЕВЪ.

Изволь батюшка! *Богъ есть существо не повинно и вина всяческимъ: сиречь всесиленъ, всемогій и всякія вины и естества пре-естественъ.*

КЛЕОНЪ. которой съ великимъ вниманіемъ сіи слова слушалъ.

Какъ батюшка какъ?

ГРАМОТѢЕВЪ.

Вотъ я раскажу вамъ и въ другой разъ, *повторяеть тожъ только не такого скоро.*

КЛЕОНЪ. задумавшись.

Воля ваша батюшка! извините меня, что я скажу, что я изъ всѣхъ вашихъ словъ ни одного непонялъ, и хоть вы мнѣ два раза пересказали, ничего не разумѣлъ, и не знаю что это такое: [къ сестрѣ] не понелаль ты сестрица?

ФЕОНА.

Нѣтъ братецъ! какъ-то и мнѣ это не понятно.

ЛУЦИНДА. къ дѣтямъ

О! о вотъ эта не бабушка старушка! Тутъ то понимайте: къ] Трамалѣеву] ай кумъ спасибо! право ей ей спасибо!

КЛЕОНЪ.

Сударыня! я ни мало не стыжусь тѣмъ, что разумъ мой не въ состоянiи этакихъ словъ понять. [къ господину Грамотѣеву] Да умилосердитесь батюшка! Рускiя это слова или нѣтъ.

РГАМОТѢЕВЪ.

Конечно Рускiя!

КЛЕОНЪ.

Да чтожъ они такъ не понятны! не можно ли батюшка вамъ растолковать намъ простѣе, что это значитъ? Я истинно не знаю, что

что такое и первое слово существо значитЪ.

ГРАМОТѢЕВЪ.

Что такое существо? Вы говорите?

ФЕОНА.

Да батюшка! что такое существо, также что такое не повинно и вина всяческимЪ, всего этого я ни понимаю, невиноватое ли что ли? Но какЪ же опять и виноватое всему?

ГРАМОТѢЕВЪ запинаясь.

Существо!... существо....

ЛУЦИНДА. примѣтивЪ, что и дорогой ея кумЪ всего меньше вЪ состоянiи будучи истолковать сiи слова, вЪ пѣнь сталЪ.

НѣтЪ! нѣтЪ! а воленЪ БогЪ и сЪ вами и сЪ любопытствомЪ вашимЪ: а намЪ нѣкогда сЪ вами долго раздобарывать. Пора намЪ куманекЪ дорогой вЪ свой путь ѣхать.

ѣхать. Ихъ вѣдь не переслушаешъ Она замучитъ вопросами.

ФЕОНА.

И! бабушка сударыня! что вы такъ спѣшить изволите, еще успѣете прiѣхать.

ЛУЦИНДА.

Нѣтъ! нѣтъ дѣти, ей ей пора! лошеденки худыя, вѣдь не скоро дотащишся [встаетъ, идетъ.]

ФЕОНА.

Умилосердитесь сударыня! хоть чашку чаю прошу выкушать, вотъ онъ ужѐ готовъ и идутъ насъ звать.

ЛУЦИНДА.

Ну хорошо! хорошо, чаю пойдемъ напьемся: только ни одного сло́ва болѣе о Богѣ, и такъ мы нагрѣшили окаянныя не вѣдомо сколько.

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня! мы не станемъ болѣе о томъ ни

одного

одного слова говорить, когда вамЪ не угодно.

ГРАМОТѢЕВЪ.

Да и вЪ самомЪ дѢлѢ нѢкогда: а можно да другова случая оставить.

Пришедши вЪ хоромы, и послѢ чаю проводивЪ госпожу Луцинду, сказалЪ сестрѢ.

КЛЕОНЪ.

Что сестрица! какова тебѢ бабушка показалась.

ФЕОНА.

Я братецЪ давича на силу укрѢпилась, и чуть было не захохотала, какЪ мы вопросами своими до того довѢли, что она не знала, что намЪ отвѢтствовать, и ужè скорѢй домой убираться вздумала: она бы можетЪ быть долѢе у насЪ пробыла: ежелибЪ мы ее вЪ стыдЪ не вогнали.

КЛЕОНЪ.

А я сестрица! чуть было также не расмѢялся, какЪ она не зная

что

что говорить, сердиться было и браниться начала̀: такимъ образомъ и она и самъ ея кумъ столько же знаютъ, какъ и мы сестрица.

ФЕОНА.

Еще меньше братецъ! и я не понимаю, какъ это люди живутъ и состарѣются: а о томъ узнать не стараются, что для нихъ нужно. Кажется, чтобы намъ нужнѣй того какъ знать, кто таковъ тотъ, кто насъ и свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, сдѣлалъ, у котораго мы всѣ во власти и которой насъ и благополучными и неполучными сдѣлать можетъ и безъ котораго воли ничего на свѣтѣ не дѣлается.

КЛЕОНЪ.

Да сестрица! я самъ этому дивлюсь: однако мы и сами того не знаемъ, да и никогда можетъ быть знать не сталибъ, ежелибъ такова случая съ нами не сдѣлалось, и матушка насъ учить не стала,

ФЕОНА.

Конечно братецЪ! мы не сталибЪ сами того знать, и я давича думала ужѐ, теперь намЪ смѣшно ето кажется, что госпожа Луцинда не знаетЪ; но она человѣкЪ старой и старинныхЪ людей, ей то простительно, она и грамотѣ не умѣетЪ: а каково бы намЪ сЪ тобою было, естьлибЪ это сЪ нами случилось, на примѣрЪ: мы былибЪ гдѣ нибуть вЪ гостяхЪ, и насЪ такЪ-то бы стали спрашивать, какЪ мы давича ее спрашивали, и сталибЪ намЪ братецЪ смѣяться. Когда бы и мы также не знали, что говорить: ужѐ то-тѣмЪ-то другимЪ отходить начали.

КЛЕОНЪ.

Это правда сестрица! но я думаю, что много такихЪ людей на свѣтѣ, которыя того не знаютЪ: а и намЪ надобно сестрица ето узнавать стараться. Госпожа Бѣтида намнясь не даромЪ тебѣ смѣя-

смѣялась. Она конечно все это вѣдаетъ. И молчи сестрица! мы станемъ матушку просить, чтобъ насъ учила скорѣе, и когда мы кое чему понаучимся, такъ когда опять свидимся съ нею, то она намъ ужѐ ненасмѣется. Мы сами ужѐ ей вопросы задавать станемъ.

ФЕОНА.

Сестрица приказывала мнѣ третьево дни, что госпожа Бѣттида опять къ намъ скоро съ учительницею будетъ, и тетушка хочетъ съ ними къ намъ пріѣхать, и насъ у матушки опять къ себѣ выпросить, такъ хорошо: ежели бы мы къ тому времени что знали.

КЛЕОНЪ.

Мнѣ думается, что когда учительница госпожа Бѣттида провѣдаетъ, что мы учимся, она насъ полюбитъ. Помнитель сестрица? Она и тогда намъ не смѣялась.

ФЕОНА.

ФЕОНА.

Да братецъ! она человѣкъ разумной, и повѣришъ ли? Я ее тогда хотя въ первой разъ видѣла; однако полюбила. Я ей буду очень рада, какъ пріѣдетъ: но вотъ ужѐ поздо братецъ! я думаю скоро матушка ужѐ изъ гостей пріѣдетъ, надобно иттй въ хоромы.

☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

РАЗГОВОРЪ VI.
*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц. * * и ея дѣтьми.*

КЛЕОНЪ. пришедъ въ садъ и увидѣвъ Феону къ нему идущую.

Скоро ли сесрица матушка сюда придетъ?

ФЕОНА:

Я теперь ее спрашивала братецъ, и она изволила мнѣ приказать напередъ сюда иттить, а сама скоро за нами быть обѣщала, да вотъ она ужѐ и идетъ.

Г. Ц. * *

Давноль вы ужè здѣсь меня дожидаетесь?

ФЕОНА.

Я только теперь пришла, а и братецъ не давно пришелъ, матушка!

Г. Ц. * *

Сево дни пойдемъ мы дѣти на этотъ конецъ сада, и тамъ подлѣ прудка подъ дубомъ сялемъ и разговаривать будемъ. Скажите мнѣ, что вы безъ меня вчера дѣлали, и говорилиль что нибудь между собою и помните ли все, что я вамъ сказывала?

КЛЕОНЪ.

О матушка! мы вчера почти весь день въ саду пробыли и съ сестрицою и говорили и спорили, и хотимъ у васъ много кой чего теперь спрашивать.

Г. Ц. * *

Очень хорошо любезныя дѣти! спрашивайте пожалуйте. Вамъ это много поможетъ, когда вы

такимъ

такимЪ образомЪ чаще разговаривать и спорить между собою будете.

КЛЕОНЪ.

Вы изволили матушка третьяго дня намЪ сказать, что БогЪ все то знаетЪ, что сЪ нами впередЪ будетЪ; а того не изволили сказать: знаетЪ ли ОнЪ то, что теперь сЪ нами дѣлается? Я говорилЪ, что знаетЪ; а сестрица мнѣ спорила вЪ томЪ, и мы отложили до васЪ, чтобЪ вы нашЪ спорЪ разобрали.

Г. Ц.**

ЗнаетЪ любезныя дѣти! БогЪ знаетЪ все. ОнЪ знаетЪ, что сЪ вами было, что впередЪ будетЪ и что теперь дѣлается.

КЛЕОНЪ.

ВотЪ сестрица! не правду ли я говорилЪ?

ѲЕОНА.

И о томЪ матушка знаетЪ, что мы теперь вЪ саду и сЪ вами разговариваемЪ?

Г. Ц.**

Г. Ц. * *

Конечно знаетъ, моя радость! Онъ видитъ и то, что мы теперь идемъ, и знаетъ, что мы говорить хотимъ. Однимъ словомъ, Онъ знаетъ, что теперь я, что ты и что братъ думаетъ.

КЛЕОНЪ.

Что сестрица! не моя ли правда? Я сударыня тоже говорилъ.

Г. Ц. * * пришедъ къ тому мѣсту, куда шли и сѣвши.

Сядемъ же вотъ здѣсь дѣти! и слушайте прилѣжно. Я вамъ начну то сказывать, что обѣщала; но что это вы другъ на друга взглядываете? Или вы не хотите сево дни слушать?

ФЕОНА.

Никакъ матушка! а мы не смѣемъ васъ просить, чтобъ вы намъ сево дни иное разсказать изволили.

Г. Ц. **

Для чего не сказать, моя радость! скажите только мнѣ, о чемъ вамъ знать хочется.

КЛЕОНЪ.

Намъ, сударыня! хочется знать: какимъ образомъ это Богъ знаетъ, что съ нами дѣлается? Видитъ что ли Онъ, матушка?

ФЕОНА.

Также и гдѣ Онъ, сударыня?

Г. Ц. **

О мои любезныя дѣти! это вы сами узнаете, когда я вамъ раскажу, что такое Богъ.

КЛЕОНЪ.

А мы, сударыня! хотѣли о томъ васъ и просить, чтобъ вы намъ пожаловали объ Немъ расказали. Мы вчера, матушка, много съ сестрицею о томъ говорили, и госпожу Луцинду спрашивали.

Г. Ц. **

Чтожъ, мой свѣтъ! сказала она вамъ?

ФЕОНА.

Нѣтъ, матушка! но она на насъ за то было еще разсердилась, что мы ее о томъ спрашивали.

Г. Ц**

Она сама того не знаетъ, хотя великая Богомольница. Я вамъ скажу, любезныя дѣти! что на свѣтѣ много такихъ людей, которые денно и ночно молятся, ни завтрени ни обѣдни не пропускаютъ; а о Богѣ очень мало знаютъ, да и узнать не стараются: хотя это самое начальное и нужное дѣло.

ФЕОНА.

Мы, сударыня! для того и просить васъ хотѣли, что это нужное и первое дѣло.

Г. Ц**

А я и сама вамъ, любезныя дѣти! прежде всего сказывать хотѣла, а болѣе для того, что это нача́ло и основанiе всей наукѣ нашей. Когда бы сего не расказать, такъ вся наука худую бы пользу

вамъ принесла. Послушайте дѣти! я вамъ раскажу: по чему это начальная вещь; вамъ и то знать надобно.

ФЕОНА.

Пожалуйте сударыня!

Г. Ц. * *

Вотъ, моя радость! по чему наука сія такая, которая бы васъ научила щастливыми сдѣлаться; а щастливыми быть вы безъ того не можете, естьли не станете такъ жить, какъ Богу угодно, и то дѣлать, что Онъ хочетъ; а Онъ между прочимъ хочетъ, чтобъ вы Его любили, почитали, то же дѣлали, что Онъ дѣлаетъ. А какъ вамъ Его любить и почитать, когда вы Его знать не станете? Можете ли вы, на примѣръ: человѣка любить, о которомъ вы хотя и слышали, что онъ есть на свѣтѣ; однако никогда ево не видали и не знаете каковъ онъ?

ФЕОНА.

Это правда, сударыня! какъ мнѣ того любить, кого я не знаю.

Г. Ц. **

А когда вы не станете Бога любить совершенно, то не станете и дѣлать, что Онъ хочетъ; а когда сего не будетъ, такъ не будете вы и благополучны; и вотъ для чего вамъ о Богѣ обстоятельнѣе знать надобно; а сверьхъ того какъ вамъ, на примѣръ: Его просить, почитать и на него надѣяться, когда вы не будете достовѣрно и безсомнѣнно знать, что Онъ прозьбу вашу услышитъ, и васъ не оставитъ и помиловать можетъ.

ѲЕОНА.

О матушка! пожалуйтежъ намъ скажите, что такое Богъ, и какой Онъ.

Г. Ц. **

Изволь, моя радость! я раскажу вамъ все; сколько мы о Немъ знаемъ, или знать можемъ.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ, сударыня! и вы Его совершенно не знаете?

Г. Ц. * *

Не только я, мой свѣтъ! но и никто на свѣтѣ Его совершенно не знаетъ.

ФЕОНА.

Для чегожъ бы сіе такъ, матушка, было?

Г. Ц. * *

А потому, моя радость! что Его совершенно узнать никакому человѣку не возможно. Онъ чрезвычайно великъ; а мы предъ нимъ чрезвычайно малы, и разумъ нашъ къ тому не достаточенъ, чтобъ мы Его, такъ сказать, насквозь могли провидѣть, или, какъ называется, мыслями своими Его постигнуть. По чему Онъ и называется *не постижимымъ*. Вы сами послѣ, любезныя дѣти! увидите, по чему Его и постигнуть не возможно, въ томъ признаетесь.

КЛЕОНЪ.

По этому, сударыня! и я не буду Его совершенно знать; а мнѣ хотѣлось бы Его такъ коротко знать, какъ самаго себя.

Г. Ц. * *

Нѣтъ, мой другъ! это будетъ великая дерзость, ежели требовать и хотѣть того, чтобъ мы Его такъ коротко знали, какъ самихъ себя. Помните это, любезныя дѣти! тому надобно самому богомъ развѣ быть, кто Его совершенно и такъ совершенно, какъ самаго себя узнать хочетъ; а созданію никакому не возможно. Однако вы о томъ, любезныя дѣти! не тужите. Мы знаемъ уже много объ Немъ, и съ насъ конечно и того будетъ довольно. Слушайте только прилѣжно, и затверживайте въ память, что вы отъ меня объ Немъ услышите.

КЛЕОНЪ.

Съ радостію, матушка! готовъ все слушать.

Г. Ц. * *

Вотъ, любезныя дѣти! слушайте: *Богомъ* называемъ мы то, отъ чего мы, отъ чего свѣтъ, и все, что на свѣтѣ есть, начало и бытіе свое получило. Понимаете ли

ли вы это, мои свѣты?.. Я вамъ лутче примѣромъ изъясню. На примѣръ: посмотрите на сію яблонь, скажите мнѣ, откуда она взялась? Вѣдь она не сама собою сдѣлалась и выросла; а надобно отъ куда нибудь, или отъ чего нибудь ей взяться?

КЛЕОНЪ:

Да вы намъ, матушка! изволили сказывать, что эту яблонь покойной батюшка нашъ посадилъ.

Г Ц**

Такъ, мой другъ! посадилъ ее вашъ отецъ; но она не самажъ выросла; а сѣлъ онъ почки.

КЛЕОНЪ.

Такъ, сударыня! она отъ почкижъ выросла, такъ какъ теперь и мои растутъ, которыя я сѣлъ на огородцѣ.

Г. Ц.**

Глупенькой! а та почка, которую отецъ твой сѣлъ, откуда взялась? Ты скажешъ изъ яблока; но я спрошу далѣе: откуда сіе яблоко взялось? Вѣдь съ другой

яблони? Ну! а сія яблонь откуда взялась?... Положимъ, чтобъ эта яблонь произошла отъ другой, та отъ третей, та отъ четвертой, и такъ далѣе. Но наконецъ вѣдь надобно быть какой нибудь первой яблонѣ, отъ которой бы прочія размножились? Пускай бы ихъ тысяча тысячь было: но надобно вѣдь первой быть? И о той та яблонѣ спрашиваю я: откуда она взялась? Вѣдь она не самажъ собою выросла, и почка, на примѣръ: не самажъ собою сдѣлалась?

КЛЕОНЪ.

Да для чегожъ бы ей не можно было и самой собою вырость, такъ какъ выростаютъ простыя деревья въ лѣсу? По чему знать! можетъ быть и первая яблонь также сама собою выросла.

Г. Ц. • •

Ахъ! нѣтъ, любезныя дѣти! сему статься никакъ не можно. О самыхъ лѣсныхъ деревьяхъ вы обманываетесь, ежели думаете, что они сами собою выростаютъ

вѣдайте, что ни одно изъ нихъ и не только дерево, но ниже последняя травинка сама собою и изъ ничего вырость не можетъ; но выростаетъ либо изъ разсѣявшихся или птицами, или вѣтромъ, или инымъ какимъ случаемъ нанесенныхъ, родившихся на другихъ травахъ и деревьяхъ сѣменъ, либо отъ корней и вѣтвей другихъ, и прежде ихъ ужѐ бывшихъ травъ и деревъ, и каждое произошло отъ другова, а то отъ третьяго и такъ далѣе; а само собою и отъ себя ничто не выраcтаетъ, и выростать не можетъ. Мнѣ жаль, что вы еще ничего о устроенiи мира и всѣхъ на ономъ вещей не знаете и не слыхали; но естьли охота ваша къ ученью такъ долго продлится, что я и о томъ вамъ буду сказывать; то вы сами увидите и признаетесь въ томъ, что такого удивительнаго, порядочнаго и премудраго устроенiя вѣщамъ, каковы деревья и травы суть, никакимъ образомъ не можно самимъ собою со-

ставиться; но надобно не отмѣнно происходить отъ другихъ имъ подобныхъ, а тѣмъ отъ третьихъ, симъ отъ четвертыхъ и такъ далѣе; а первымъ самимъ произойтить отъ чего нибудь инаго отъ нихъ отмѣннаго и такова, которое бы само собою могло ихъ таковыми сдѣлать, а какъ съ ними, такъ и со всѣми другими вещами въ свѣтѣ.

КЛЕОНЪ.

И съ людьми также, матушка?

Г. Ц. • •

Конечно также, мой другъ! человѣкъ не сравненно мудренѣе еще сдѣланъ, нежели деревья, и того меньше могъ самъ собою составиться. По чему и съ нимъ такоежъ было происхожденіе; на примѣръ: вы родились отъ меня, я отъ батюшки, батюшка отъ дѣдушки, дѣдушка отъ прадѣдушки, тотъ отъ другова, сей отъ третьяго, и такъ все шло по порядку; покуда до перваго человѣка дойдемъ, отъ котораго мы всѣ про-

произошли. И такъ, мой свѣтъ! первой сей человѣкъ не самъ же собою родился, или первая та яблонь не самажъ отъ себя выросла; а надобно *чему нибудь* быть, ктобъ перваго человѣка сдѣлалъ, или первыя деревья произвѣлъ? Вѣдь ихъ сперва не было?

ФЕОНА.

Я думаю, также, сударыня! и съ землею?

Г. Ц. • •

Также, моя радость! и не только съ землею, но и со всемъ свѣтомъ. Прежде всего того не было? Откуда же все это взялось? Вѣдь не само же собою сдѣлалось? А надобно чему нибудь быть, отъ чего бы это все начало и бытiе свое получило.

ФЕОНА.

Конечно такъ, матушка!

Г. Ц. • •

А то-*то* самое, любезныя дѣти! отъ чего небо, отъ чего все взялось и началось, и есть *Богъ*. Онъ это все сдѣлалъ, Онъ сдѣлалъ

небо, Онѣ сдѣлалѣ землю, Онѣ сдѣлалѣ перваго человѣка и все прочее; и потому называемѣ мы Его *Творцомъ* и *Зиждителемъ* неба и землй и всего, что есть на свѣтѣ.

КЛЕОНЪ.

Да какой же, сударыня, Онѣ? Человѣкѣ что ли Онѣ?

Г. Ц. * *

О! нѣтѣ, мой свѣтѣ! человѣкѣ всего этого сдѣлать не можетѣ. Онѣ человѣка самаго сдѣлалѣ; а человѣкѣ можетѣ ли человѣка сдѣлать? Человѣкѣ не только человѣка, но и песчинки и пылинки сдѣлать не можетѣ; а такую громаду, какѣ этотѣ свѣтѣ, можетѣ ли человѣкѣ сдѣлать? Нѣтѣ, мои любезныя! Богѣ не человѣкѣ а Онѣ *Духъ*.

ФЕОНА.

А какой матушка духѣ? Такой какѣ этотѣ? [сама дуетѣ]

Г. Ц. * *

И! нѣтѣ, моя радость! это не духѣ, а называется это дыханіе.

ФЕОНА.

ФЕОНА.

Да какой же Онъ, матушка?

Г. Ц. * *

Духъ такое *нѣчто*, чего я тебѣ описать и пересказать не могу; для того что здѣсь на свѣтѣ ничего такого видимаго нѣтъ, что бы на духъ походило. Обстоятельнѣе объ Немъ послѣ вамъ растолкую; а теперь только скажу, что Онъ не *вещество*, но отмѣнное отъ всякаго вещества.

КЛЕОНЪ.

Я, сударыня! и того не знаю, что такое вещество называется.

Г. Ц. * *

И о томъ вы послѣ обстоятельнѣе услышите; а теперь знайте, что вещество навывается то, что мы либо видѣть, либо слышать, либо осязать можемъ, или другими чувствами ощущать, и всякая такая вещь называется вещественная вещь или *матерія*. На примѣръ: землю, воду, пламя, деревья и прочее мы видимъ, вѣтеръ, стукъ, голосъ мы слышимъ,

или вотъ траву, дерево, или платье мы руками осязать, или ухватить можемъ, и такія всѣ вещи называются вещественныя, или матеріальныя вещи; а духъ, мои любезныя дѣти! не такой какъ сіи вещи, но отъ нихъ отмѣнной.

ѲЕОНА.

Такъ по этому, сударыня! мы и Бога видѣть не можемъ?

Г. Ц. • •

Не можемъ, мое сердце! потому что Онъ духъ, а не вещество; а духъ мы не можемъ видѣть; для того что глаза наши такъ ужѐ сдѣланы, что духа видѣть не могутъ.

КЛЕОНЪ.

И никогда мы, матушка! Бога не увидимъ?

Г. Ц. • •

Увидимъ, мой свѣтъ! но только развѣ тогда, когда мы умремъ.

КЛЕОНЪ.

Да чѣмъ же и какимъ образомъ мы Его тогда увидимъ, сударыня?

Г. Ц. * *

Хотя точно того сказать не можно: какимЪ образомЪ и чѣмЪ мы Его увидимЪ; но только думать надобно, что душею, моя радость! потому что такого плотнаго тѣла, каково нынѣшнее, тогда на насЪ не будетЪ, которое теперь душѣ нашей видѣть Его мѣшаетЪ.

ФЕОНА.

Да по чемужЪ, матушка! душа наша Его увидѣть можетЪ?

Г. Ц. * *

Думать надобно потому, что она сама не вещество, но духЪ; а духЪ духа видѣть можетЪ.

КЛЕОНЪ.

КакЪ, матушка! и душа наша такой же духЪ, какЪ БогЪ?

Г. Ц. * *

Такой же, мой свѣтЪ! а потому и говорится, что БогЪ создалЪ человѣка по образу своему и по подобію. Однако есть между ими великая и чрезвычайная разница,

о

о которой я вамъ ужè послѣ расскажу. И такъ понялиль вы и разумѣете ли теперь, что такое духъ?

ФЕОНА.

Поняли отъ части, матушка!

Г. Ц. * *

Такимъ образомъ помнитежъ вы теперь, что Богъ *Духъ и невидимъ.* А теперь пойдемъ далѣе; и я скажу вамъ во вторыхъ, что этотъ духъ такая вещь, которая *жива*, а не такъ какъ вещественныя вещи, На примѣръ: видите вы сію палочку, или вотъ сей камень; они ни движенія ни жизни не имѣютъ, ежели ихъ съ мѣста не здвинуть, или ничто ихъ не тронетъ, такъ они во вѣки тутъ пролѣжатъ, и потому называются они бездушныя вещи и не живыя, а такова и вся матерія; а духъ напротивъ того живъ.

КЛЕОНЪ.

Да какъ же это, матушка! мы живы, и движеніе имѣемъ? Вотъ я руки и ноги движу и згибаю;

развѣ и рука и нога моя духъ? Но вы, сударыня! изволили сказать, что духа видѣть не можно; а руку и ногу я вижу.

Г. Ц. * *

Нѣтъ, мой другъ! рука или нога не духъ и двигаться сама не можетъ; а все тѣло наше принадлежитъ къ вещественнымъ или матеріальнымъ вещамъ; а что мы живы, это отъ того, что душа въ насъ жива и руки и ноги чрезъ нее движеніе имѣютъ. Вы сіе изъ того заключить можете, что какъ скоро душа изъ человѣка выдетъ; то тѣло его будетъ мертво, и никакого движенія не имѣетъ.

КЛЕОНЪ.

Вотъ, сударыня! ажно это по чему.

Г. Ц. * *

Потому-то, мой свѣтъ! а изъ сего вы видите, не глупы ли тѣ люди, которые мертвыхъ боятся. Могутъ ли они что сдѣлать безъ души?

ФЕОНА.

ФЕОНА.

Да какѣ же, матушка! сказываютѣ, что будто мертвые ходятѣ?

Г. Ц. * *

И! это пустое, моя радость! однако я раскажу о семѣ суевѣріи при другомѣ когда нибудь случаѣ; а теперь станемѣ говорить о давишнемѣ. Такимѣ образомѣ знаете вы теперь, что всякой духѣ живѣ; но сего не довольно: вамѣ надобно далѣе знать, что Богѣ не только живѣ, но и *разумѣ и волю* имѣетѣ. Сіе я вамѣ также яснѣе раскажу. Знайте, мои любезныя дѣти! что всякая бездушная и матеріальная вещь наиглавнѣйше тѣмѣ еще отѣ духа отлична, что она ни мыслить ни хотѣть не можетѣ. На примѣрѣ: посмотрите на сей камень, и скажите мнѣ: мыслитѣ ли онѣ о чемѣ и хочетѣ ли онѣ чего нибудь?

ФЕОНА.

Нѣтѣ, сударыня! какѣ ему мыслить.

Г. Ц.**

А для того онъ не мыслитъ, что онъ не духъ, и въ немъ души нѣтъ; а мыслить и хотѣть можетъ только духъ, и ему сіе только свойственно.

КЛЕОНЪ.

По этому, сударыня! и въ насъ мыслитъ и хочетъ душа наша?

Г. Ц.**

Конечно душа, мой другъ! и ты самъ, надѣюсь, чувствуешь, что не рука или не нога твоя и мыслитъ и хочетъ, а другое нѣчто.

КЛЕОНЪ.

Да, матушка! это правда.

Г. Ц.**

И такъ знайте, любезныя дѣти! что Богъ *Духъ*, *не видимъ*, *живъ*, *и имѣетъ разумъ и волю*, и помните, что все сіе называется и составляетъ *существо* Божеское.

ФЕОНА. къ брату.

Вотъ ажно, братецъ! что такое существо называется, котораго

раго слова мы вчера разумѣть не могли, какъ намъ Г. Граматѣевъ сказывалъ.

КЛЕОНЪ.

Да, сестрица! теперь я ужè знаю.

Г. Ц. * *

А не помните ли дѣти, какъ онъ вамъ сказывалъ?

ФЕОНА.

О сударыня! я отъ слова до слова помню. Какъ мы спросили его, что такое Богъ; такъ онъ сказалъ намъ: это Богъ есть существо не повинно и вина всяческимъ, сирѣчь всесиленъ, всемогій и всякія вины и естества пресестественъ. Изъ которыхъ словъ мы, матушка! ни одного не могли понять; а особливо удивително мнѣ показалось слово *вина всяческимъ*.

Г. Ц. * *

О мои любезныя дѣти! это произошло отъ того, что вы сего языка совершенно не разумѣете. Это говорено на языкѣ Славен-

венскомъ а не на Рускомъ. Однако Господинъ Грамотѣевъ вамъ о Богѣ очень справедливо сказалъ: хотя я не сомнѣваюсь, что самъ того не разумѣлъ, что вамъ сказывалъ, и о Богѣ не лутче понятіе имѣетъ какъ и его сосѣдка. Со всѣмъ тѣмъ сей отвѣтъ и сіе понятіе о Богѣ очень коротко и не достаточно, и далеко всѣхъ его свойствъ и совершенствъ не изъясняетъ. Что касается до слова вина всяческимъ, такъ не думайте, чтобъ тутъ виною, то есть, какую нибудь проступку называемъ; но на Славенскомъ языкѣ значитъ сіе слово то, что мы на нашемъ языкѣ *причиною* называемъ. По чему, словомъ, вина всяческимъ не иное что изображается, какъ то, что Богъ причиною всѣмъ вещамъ, то есть, что всѣ вещи Имъ произведены на свѣтѣ, такъ какъ вы отъ меня то ужѐ слышали.

ФЕОНА.

Вотъ, сударыня! что это такое. Теперь пожалуйте намъ матушка скажите: гдѣжъ находится

ся

ся Богъ. Этова вы не изволили намъ еще сказывать.

Г. Ц. • •

О! не будте таковы скоры, мои любезныя. Что вы еще видѣли? Я вамъ только еще вкратцѣ расказала: въ чемъ существо Божеское состоитъ; а вы думаете, что ужѐ и все. Нѣтъ, мои любезныя дѣти! мнѣ еще много вамъ о Богѣ расказывать; и вы не будте не терпѣливы. Я нарочно вамъ все подробно расказываю, чтобъ вы ясное понятіе о Богѣ получили. Вотъ теперь я вамъ раскажу; какія Онъ имѣетъ свойства и совершенства; а тутъ и до того дойдетъ, гдѣ онъ находится.

ФЕОНА.

О матушка! такъ извольтежъ сказывать. Я не буду не терпѣлива, сударыня!

Г. Ц. • •

Вотъ, моя радость! вамъ надобно теперь знать, что это невидимое, духовное и разумъ и волю имѣющее существо, которое мы

мы Богомъ называемъ, есть существо *всесовершеннѣйшее*. Помните это, любезныя дѣти! сіе слово очень важно, и изъ него очень много слѣдствій произтекать будетъ.

ФЕОНА.

Пожалуйте, сударыня! растолкуйте намъ сіе слово обстоятельнѣе, чтобъ мы могли лутче его понять, когда оно такъ важно.

Г. Ц. * *

Изволь, моя радость! я вамъ сіе яснѣе раскажу. *Совершенною* мы вещь называемъ тогда, когда она совсѣмъ хороша, и въ ней ничего худова и никакова недостатка нѣтъ; но всѣ свойства и дѣйствія ея и все, что до ней касается, совершенно или хорошо. Ну! положитежь, чтобъ одна такая вещь была, которая бы всѣ совершенства или доброты въ себѣ имѣла, какія только быть могутъ, и какія только представить себѣ можно; а того бы всего въ ней не было, что только худымъ недоста-

статочнымъ и не совершеннымъ назваться можетъ. Однимъ словомъ, ничего бы не было ея лутче и совершеннѣе. Таковъ-то есть Богъ. Онъ имѣетъ въ себѣ всѣ совершенства и доброты, какія только быть могутъ въ наивысочайшемъ степени. Напротивъ того худаго или не совершеннаго ничего въ Немъ нѣтъ, равно какъ и никакого недостатка Ему приписать не можно. На примѣръ: мы смотря на какую нибудь вещь говоримъ: ахъ! вся она хороша; только это да это въ ней худо, сего да того въ ней не достаетъ; а о Богѣ симъ образомъ сказать не можно. Въ Немъ никакого недостатка и несовершенства нѣтъ, и потому называется Онъ всесовершеннѣйшимъ существомъ.

ФЕОНА.

Да по чему же бы, матушка! Онъ такое всесовершеннѣйшее существо былъ.

Г. Ц.**

Потому, моя радость! что Ему инаковому и не всесовершенному

кому быть никакъ не можно; ибо какъ скоро положить, что есть Богъ и такое Существо, отъ котораго всѣ вещи со всѣми своими совершенствами начало и бытіе свое получили, такъ слѣдуетъ ужè само собою, что ему самому такому быть надобно, которой бы всѣ совершенства въ себѣ имѣлъ. Въ противномъ случаѣ, ежели ему какой нибудь недостатокъ или несовершенство приписать: то надобно ужè чему нибудь другому быть, чтобы его совершеннѣе было; а тогда ужè не онъ, а та вещь будетъ Богъ, чего быть не можетъ. Однимъ словомъ, невсесовершенному Богу такъ быть не можно, какъ не можно сей водѣ сухой быть, или чтобъ она не мокра была.

КЛЕОНЪ.

Когда матушка Богъ такъ какъ вы изволите намъ сказывать, всесовершеннѣйшее Существо, такъ по этому онъ сударыня ничего и худаго здѣлать не можетъ?

Г. Ц. **

Конечно нѣтъ мой свѣтъ. Сїе было бы въ немъ великое несовершенство. Мы и людей тѣхъ называемъ злыми, которые худое и злое дѣлаютъ. А Богу можно ли злому быть?

КЛЕОНЪ.

Не прогнѣвайся матушка, что я у васъ еще одно слово спрошу. Давича изволили вы намъ сказывать, что Богъ не человѣкъ, а духъ: пожалуйтежъ мнѣ скажите, какой онъ собою, на человѣка или на иное что онъ походитъ, и сколь онъ великъ?

Г. Ц. **

Ты меня кстати о томъ спрашиваешь мой свѣтъ. Я сама только хотѣла вамъ сїе сказывать. Слушайте мои любѣзныя дѣти, я вамъ теперь такое нѣчто скажу, чего вы до сего времени конечно не знали. Богъ очень великъ, и такъ великъ, что ни вы, ни я, да и никто величину его понять не можетъ. Вотъ посмотрите любезныя

безныя дѣти на солнце, вѣть оно далече отсюда?

ФЕОНА.

Далече матушка. И я думаю что отсюда до него такъ будетъ, какъ отъ Москвы до Петербурга.

Г. Ц. * *

Нѣтъ моя радость, ты очень ошиблась.

КЛЕОНЪ.

Не ужѐ ли оно далѣе матушка?

Г. Ц. * *

Конечно далѣе, и вотъ какъ далѣе. Въ Петербургъ мы однажды только двѣ недѣли ѣхали, а ежели бы прямо по воздуху дорóга была къ солнцу, и мы бы туда поѣхали и также бы скоро ѣхали: то знаете ли дѣти? Мы и въ тысячу бы лѣтъ до него не доѣхали.

ФЕОНА ужаснувшись.

Что вы матушка говорите, не въ правду ли сударыня оно такъ отъ насъ далеко.

Г. Ц. * *

Что вы тому такъ дивитесь? Я вамъ еще очень мало дѣти сказала. Въ тысячу бы лѣтъ мы и половины еще не переѣхали.

ФЕОНА.

О матушка! возможно ли чтобъ такая ужасная даль до него была?

Г. Ц. * *

Какая это еще даль любезныя дѣти. Когда я буду разсказывать вамъ какъ далеко отъ насъ звѣзды, такъ вы не то еще заговорите.

ФЕОНА.

Не ужѐ ли они еще далѣе матушка?

Г. Ц. * *

Сіе ты тогда узна́ешь моя радость, а теперь намъ не о томъ говорить надобно. Но я заставлю васъ теперь думать. Думайте, что я велю?

ФЕОНА.

Извольте сударыня.

Г. Ц. **

Думайте и представляйте себѣ въ мысляхъ одну какую нибудь вещь, которая бы напримѣръ такъ велика была, чтобъ длиною своею она отсюда до солнца доставала, а въ ширину и вышину также бы велика была какъ въ длину.

ФЕОНА задумавшись.

О матушка! какой это ужасной громадѣ быть надобно?

Г. Ц. **

Но постойте мои любезныя дѣти, и думайте только Ну, думайте теперь, чтобъ сія вещь еще вдвое столько же велика была... Прибавьте ея еще. Положите, чтобъ она еще въ десять разъ была больше...

КЛЕОНЪ.

Хорошо! я думаю сударыня.

Г. Ц. **

Еще въ дватцать разъ больше... Еще во сто разъ больше... Въ тысячу разъ больше.

ФЕОНА.

О! сударыня, у меня умъ ужè помутился. Но на что изволите приказывать намъ это думать.

Г. Ц. **

А вотъ на что мое сердце. Хотя бы сію преужасную громаду не только таковою, но и въ тысячу бы, въ миліонъ, въ тысячу бы миліоновъ разъ больше себѣ вообразить, и какъ бы велика и огромна она тогда ни казалась, но Богъ...

КЛЕОНЪ.

Что это сударыня! не ужè ли Богъ такъ великъ?

Г. Ц. **

Не только такъ мои любезныя дѣти! но сія не слыханная громада предъ нимъ и столь велика быть не можетъ, какъ одна пылинка противъ цѣлой и превеликой горы песку.

ФЕОНА ужаснувшись.

О! сударыня, что это изволили намъ сказать. Куда по этому каковъ великъ нашъ Богъ?

Г. Ц. ***

Однимъ словомъ, любезныя дѣти, онъ такъ великъ, что всѣ величины противъ его ничто суть. Къ величинѣ его ничего прибавить не возможно. Коротко, величинѣ его конца нигдѣ нѣтъ. Напримѣръ: думайте и посылайте теперь мысли свои прямо въ верьхъ и до тѣхъ поръ, пускай они летятъ покуда не нашедъ конца утомятся. Но это только въ верьхъ. Теперь въ низъ подъ землю также думайте, потомъ на право и на лѣво и во всѣ стороны ваши мысли пускай летятъ; но нигдѣ конца не находятъ. Что вы думаете, измѣрите ли вы величину всего этого мѣста? Однако не смотря на то Богъ дѣйствительно величиною своею во всѣ стороны безконеченъ, и духъ сей всю сію не постижимую обширность занимаетъ, и потому называется *неизмѣримый*.

ѲЕОНА. ужасаясь.

Возможно ли сударыня, чтобъ это такъ было? Я безъ ужаса о томъ и мыслить не могу.

КЛЕОНЪ.

А меня матушка вы въ трепетъ приводите. Когда онъ таковъ ужасно великъ и всю сію обширность занимаетъ, такъ я думаю, что ему ужё и здѣсь быть надобно?

Г. Ц. * *

Конечно, мой другъ! онъ и здѣсь есть, и не только здѣсь; но вездѣ и во всякомъ мѣстѣ. Куда мы ни пойдемъ, куда ни оборотимся, вездѣ онъ есть, и хотя бы мы въ землю скрылись, и тамъ онъ насъ найдетъ, и нѣтъ нигдѣ такого мѣста, гдѣбъ его не было; однимъ словомъ, онъ вездѣ и на всякомъ мѣстѣ и всѣ мѣста наполняетъ.

КЛЕОНЪ вскочивъ съ мѣста своего.

О въ какой вы меня страхъ привели, матушка! я не знаю что....

Г. Ц. * * увидя и Феону крайне удивившуюся.

Садись опять мое сердце. Я радуюсь, что въ тебѣ такое движеніе

женіе вижу. Лучше употребить сей случай въ пользу. И съ сего времени возъимѣйте почтеніе и страхъ къ такому великому Богу и Создателю своему.

ФЕОНА вздохнувъ.

О сударыня, какъ такого великаго Бога не почитать и не бояться!

КЛЕОНЪ.

А я сударыня съ сего времени конечно ужѐ Богу молиться такъ перестану, какъ я маливался, и ужѐ не буду кое какъ мотать рукою и наболмошь читать молитвы: но всегда матушка буду вспоминать, что Богъ тутъ и меня видитъ, и для того молиться стану ему прилѣжно.

Г. Ц. • •

Ты очень хорошее дѣло чрезъ то сдѣлаешь. А такъ мои любезныя дѣти и всегда молиться надобно, и съ Богомъ такъ говорить, какъ будто ты его предъ собою видишь. Такія молитвы ему и пріятны.

ѲЕОНА.

По этому матушка сударыня можно и вездѣ ему молиться, и не только въ хоромахъ и гдѣ образа̀ есть: но и въ саду и на всякомъ мѣстѣ?

Г. Ц.**

Конечно моя радость, хоромы и образа̀ не просвѣщаютъ. Богъ на всякомъ мѣстѣ слышитъ. А не просвѣщаетъ и то мои любезныя дѣти: чтобъ стоять предъ образами понѣскольку часовъ и молиться, или заутрени да вечерни не пропускать. Можно Богу и ходя и сидя и лежа молиться. Богъ одного только усердія требуетъ, и я вамъ любезныя дѣти сказываю, что иногда одинъ усердной вздохъ къ нему во сто мѣръ ему пріятней, нежели длинныя, но безъ всякаго усердія читанныя молитвы.

КЛЕОНЪ.

Для чегожъ это образа̀ у насъ матушка? И какъ же Богъ на нихъ человѣкомъ пишется? Когда вы изволите говорить, что онъ Духъ и такое великое существо?

Г.

Г. Ц. • •

Образа у насъ для того мои свѣты, чтобъ мы на нихъ взглянувъ скорѣе воспоминали Бога, и къ нему духъ свой возносили, и сіе болѣе для такихъ, которые прямого о Богѣ понятія не имѣютъ, такъ какъ напримѣръ подлой народъ. Къ томужъ намъ образа никогда самимъ Богомъ почитать и имъ такъ молиться какъ Богу, не надобно. Но предъ ними только изъ почтенія къ изображенному на нихъ лицу покланяться должно. А молиться мои свѣты, надобно въ самое то время мыслями тому Богу, которой создалъ небо и землю. А человѣкомъ онъ для того пишется, что его никакъ написать не льзя. Вы сами подумайте мои любезныя, какъ на такой маленькой дощечкѣ, какова икона, такое великое Существо умѣстить, которое ни во что вмѣщено быть не можетъ, но во всѣ стороны безконечно распростирается, къ томужъ какъ можно красками и кистью такой духъ

написать, которой не видимъ и совсѣмъ на вещество не походитъ? Но чтобъ какъ нибудь его да изобразить, то не нашли ничего другаго, какъ только, чтобъ написать его въ образѣ человѣческомъ. А въ знакъ того что онъ прежде свѣта еще былъ, и пишутъ его не молодымъ, но сѣдинами украшеннымъ, какъ вы, я думаю, на образѣ Господа Саваова сами примѣтили.

ѲЕОНА.

А матушка; это на большой картинѣ, которая у насъ въ залѣ въ переднемъ углу стоитъ.

Г. Ц. **

Да! моя радость: и въ этомъ видѣ являлся онъ нѣкоторымъ Пророкамъ въ старину.

ѲЕОНА.

Какъ же сударыня, развѣ его кто нибудь видѣлъ?

Г. Ц. **

Видѣли мой свѣтъ; однако не въ подлинномъ его видѣ, потому что самое Существо божеское,

какъ

какъ я вамъ сказывала, никто видѣть не можетъ. И для того являлся онъ человѣку въ такомъ образѣ, чтобъ имъ его видѣть можно было, напримѣръ: иному въ видѣ огненномъ и горящаго пламени, а инымъ въ образѣ человѣческомъ.

КЛЕОНЪ.

Да на той же матушка картинѣ и другой человѣкъ съ крестомъ написанъ, а надъ ними голубь. Чтобъ это значило сударыня? Развѣ у насъ не одинъ Богъ?

Г. Ц. * *

Нѣтъ, у насъ мои любезныя дѣти Богъ одинъ. И вамъ это надобно никогда не позабывать, но твердо помнить, что Богу не одному быть никакъ не возможно. И онъ не только одинъ: но притомъ и *нераздѣлимый*. А что на картинѣ другой человѣкъ и голубь написанъ, это другое и такое значитъ, чего мнѣ вамъ теперь сказать еще не можно.

ФЕОНА.

Для чего же матушка сударыня?

Г. Ц.**

Для того моя радость, что это очень великое и важное дѣло, о которомъ бы я вамъ хотя и сказала: но вамъ теперь того понять еще не льзя, а надобно напередъ много другаго еще знать. А скажу вамъ только теперь, что этотъ другой человѣкъ Христа, а голубь Святаго Духа изображаетъ. А что это такое, вы узнаете тогда, когда мы о Христіанскомъ законѣ говорить станемъ, и до того времени вамъ подождать надобно.

ФЕОНА.

И о другихъ образахъ вы намъ матушка въ то же время скажете?

Г. Ц.**

Скажу въ то же время мои свѣты, я вамъ раскажу, что значитъ это распятіе, которое у насъ въ передѣ спальни стоитъ, и что образъ Рождества Христова Бо-

гома-

гоматери и обо всѣхъ прочихъ, что у насъ въ спальнѣ и въ другихъ покояхъ стоятъ. А теперь мои любезныя дѣти станемъ продолжать давишную рѣчь, и вы знайте, что это божеское совершенство, что онъ такъ великъ, называется иногда его *величие*, а иногда *безконечность* и *неизмѣримость*. А что онъ вездѣ и все наполняетъ, это называемъ мы его *вездѣсущiемъ*.

КЛЕОНЪ.

Не прогнѣвайтесь матушка, что я у васъ еще спрошу. Давича вы изволили сказать, что Бога для того старымъ пишутъ, что онъ прежде свѣта былъ. А давно ли онъ сударыня, и откуда онъ взялся?

Г. Ц **

Такъ давно мои любезныя дѣти, что ему никогда начáла не было. Знайте мои свѣты, что жизнь его никогда начáла не имѣла. И не было такого времени, не было и одной минуты, когда бы его не было. Онъ всегда былъ,

и всегда будетъ, и потому называемъ мы его *безначальнымъ* и *вѣчнымъ* Богомъ.

КЛЕОНЪ.

И никогда матушка конца ему не будетъ?

Г. Ц. * *

Никогда любезныя дѣти. Жизнь его какъ начáла не имѣла, такъ и конца имѣть не будетъ. И какое бы долгое время мы ни могли выдумать. Однако все оно ничто противъ его пребыванія.

ФЕОНА.

Какъ это сударыня?

Г. Ц. * *

А вотъ какъ моя радость. Ежели хочешь это яснѣе понять, такъ опять тебѣ по давишному мыслить надобно. Представь себѣ напримѣръ въ мысляхъ десять лѣтъ. Вѣть это долго? Умножь это время въ десять разъ. Это будетъ сто лѣтъ, и такое время называется вѣкъ. Ну, положи теперь, чтобъ одна такая большая куча мѣлкаго песку насыпана бы-

ла,

ла, чтобъ верьхъ ея до самого солнца, которое я вамъ сказывала, какъ далече, доставялъ. Сколько бы вы думали въ ней песочинокъ числомъ было?

ФЕОНА.

О! безконечное множество матушка, гдѣ ихъ счислить.

Г. Ц**

Теперь положи, чтобъ каждая песочинка сто лѣтъ была Сколькожъ лѣтъ всѣхъ это будетъ?.. Ты ужасаешься, но того не довольно. Положи теперь, чтобъ другая такая же преужасная гора песку была, но чтобъ каждая уже песочинка столько лѣтъ составляла, сколько въ давишней во всей горѣ было. Каково теперь тебѣ такое число лѣтъ кажется?

ФЕОНА.

О сударыня! его понять не возможно и оно всѣ наши мысли превосходитъ! какое это безконечное множество!

Г. Ц**

г. Ц. * *

Со всѣмъ тѣмъ какое это время тебѣ ни велико кажется; однако оно и мѣрою божескому пребыванію быть не можетъ.

КЛЕОНЪ.

Какою сударыня мѣрою?

г. Ц. * *

Вотъ видишь мой свѣтъ, ежели мы хотимъ что нибудь измѣрить; то надобна намъ къ тому мѣра, которою бы намъ мѣрять, напримѣръ: длину мы аршинами или саженями мѣряемъ, и какъ бы напримѣръ отсюда до солнца ни далече: однако все бы и аршиномъ, каковъ онъ ни малъ, измѣрить можно было. Но для измѣренія долготы божеской жизни, все то ужасно великое время и въ мѣру еще мало, однимъ словомъ, онъ вѣченъ, а вѣчности никакой умъ и никакое созданное существо измѣрить и понять не можетъ, а надобно ея тому мѣрить, кто самъ безконеченъ.

ФЕОНА.

О сударыня, я отъ одного помышленія о томъ въ трепетъ прихожу.

Г. Ц. * *

И такъ, видите любезныя дѣти, какова долга божеская жизнь, а какъ вы теперь конца ея не сыскали, такъ и нача́ла ея не найдете. Хотя вы столько же или еще тысячу миліоновъ разъ больше лѣтъ прежде сотворенія свѣта положите, но и въ то время онъ ужѐ былъ. А хотя бы вы еще столько же напередъ положили, но и тогда нача́ла ея не найдете: однимъ словомъ, его никогда не было.

КЛЕОНЪ.

О сударыня, какому это великому Существу быть надобно, когда оно такъ безконечно! я думаю, матушка, что хотя бы мы его и увидѣли; но никогда бы его совсѣмъ понять не могли.

Г. Ц. * *

Конечно моя радость, и ты теперь самъ видишь; почему его

понять

понять и постигнуть совершенно не возможно, такъ какъ я вамъ д вича сказывала. Не только мы мой свѣтъ, но и никакое созданіе, которое только сотворено, того Существа понять не можетъ, которое *ни кѣмъ не создано, и ни отъ кого не зависитъ.*

КЛЕОНЪ.

Да развѣ сударыня Богъ такое Существо, какое вы сказывать изволите?

Г. Ц**.

Да мой свѣтъ! мы созданы отъ Бога и причиною тому что мы находимся Богъ, и бытіемъ своимъ мы зависимъ отъ Бога. Ежели бы онъ напримѣръ захотѣлъ, чтобъ насъ не было, такъ мы тотчасъ въ ничто обратимся и не будемъ. А онъ на противъ того любезныя дѣти ни кѣмъ не сотворенъ и причиною тому что онъ находится онъ самъ, и бытіемъ своимъ онъ ни отъ кого не зависитъ. Больше его ничего нѣтъ и быть не можетъ, однимъ

словомъ,

словомъ, онъ самъ собою и отъ себя; почему и называется сiе его совершенство *самобытность* божеская, а онъ существомъ *непочинымъ*, а сверьхъ того знайте мои любезныя дѣти, что онъ и *никакимъ перемѣнамъ не подверженъ*.

КЛЕОНЪ.

Что это такое сударыня?

Г. Ц**

А вотъ какъ моя радость! мы напримѣръ подвержены перемѣнамъ, родимся малы, потомъ выростемъ болѣе, а наконецъ состарѣемся, или сперва бываемъ глупы, тамъ становимся отъ часу умнѣе. Или теперь таковы, а по прошествiи нѣсколькихъ лѣтъ совсѣмъ инаковы будемъ, и все состоянiе наше перемѣнится, и это называется быть подверженными перемѣнамъ, а Богъ на противъ того всему тому не подверженъ: но каковъ былъ, таковъ всегда есть, таковъ всегда и будетъ. Великость его ни прибавиться ни убавиться не можетъ, равно какъ и въ прочихъ его свойствахъ

ствахъ никакой перемѣны не происходитъ; почему и называемъ мы сіе его совершенство *непремѣнностію божескою.*

КЛЕОНЪ.

О сударыня! конечно это правда, что онъ великой, непостижимой; а притомъ всесовершеннѣйшій Богъ.

ФЕОНА.

Вотъ братецъ! не правду ли я тебѣ вчера говорила, что мы не знаемъ Бога? Сколь мало мы его еще знали братецъ.

Г. Ц. * *

Вы еще и теперь мои любезныя дѣти не все объ немъ знаете.

КЛЕОНЪ.

Какъ матушка не все, развѣ не все еще вы намъ объ немъ расказать изволили?

Г. Ц. * *

О дѣти! вамъ еще много объ немъ знать надобно. Но сего дни уже намъ нѣкогда болѣе говорить, видите уже поздно, пойдемъ-те уже ужинать. Помните только

любезныя дѣти все, что я вамъ сего дни сказывала. Это очень важно и вамъ никогда этого изъ памяти выпускать не надобно. Вы увидите послѣ сами, какъ это для васъ нужно.

ФЕОНА.

Конечно матушка станемъ помнить, и я не вѣдомо какъ васъ теперь за то благодарю, что вы насъ такимъ образомъ учите, какая это прекрасная наука.

РАЗГОВОРЪ VII.

МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц. * * и ея дѣтьми.

Г. Ц. * * [пришедши вмѣстѣ съ Феоною въ садъ, и увидя Клеона въ углу одной аллеи на колѣнях повергшагося, ему сказала.]

Что ты мой свѣтъ здѣсь дѣлалъ?

КЛЕОНЪ застыдившись.

Ничего матушка.

Г. Ц. * *

Г. Ц**.

Какъ ничего? Мы вѣть видѣли, что ты дѣлалъ, на что тебѣ мой свѣтъ стыдиться? Ты не худое дѣлалъ. Это очень хорошо, и я тому очень радуюсь, что въ тебѣ такую чувствительность вижу.

КЛЕОНЪ.

О матушка сударыня! я вамъ все раскажу, что я дѣлалъ. Въ садъ сюда я еще давича пришелъ, и все ходилъ и о вчерашнемъ думалъ. И вы не повѣрите сударыня, въ какой ужасъ я пришелъ, когда себѣ представилъ, сколь великъ и безконеченъ нашъ Творецъ; а вспомнивши что онъ вездѣ и на томъ мѣстѣ гдѣ я стоялъ, и подлѣ меня былъ и меня видѣлъ, въ такой страхъ и ужасъ пришелъ, что не могъ удержаться, чтобъ не упасть предъ такимъ великимъ Существомъ на землю и ему не поклониться.

Г. Ц**

Очень хорошо мой свѣтъ! что ты это здѣлалъ, а такъ надобно

но и всегда дѣлать, когда ты это вспоминать станешь. Вамъ мои любезныя дѣти и о томъ его просить надобно, чтобъ онъ далъ вамъ разумъ и понятіе, и самъ бы васъ научилъ, какъ вамъ жить, и дѣлать то, что ему угодно. Я вамъ сказываю мои свѣты! что хотя я вамъ и раскажу; однако это не поможетъ, и вы не можете сами собою одни то дѣлать, ежели онъ вамъ помогать не станетъ. Однимъ словомъ: всегда вы ему это говорите: „Господи! „научи насъ такъ жить и то „дѣлать, что тебѣ угодно.„ И когда вы его такимъ образомъ просить станете, то ему будетъ очень пріятно, и онъ конечно вамъ поможетъ.

КЛЕОНЪ.

Но пожалуйте сударыня мнѣ скажите, какимъ же образомъ онъ насъ учить станетъ? Не ужъ ли онъ намъ сказывать будетъ, что дѣлать?

Г. Ц. * *

Нѣтъ мой свѣтъ! онъ будетъ тебѣ помогать не видимымъ образомъ; и ты самъ того знать не станешь, когда онъ тебя учить станетъ, проси только его о томъ.

ФЕОНА.

И вы матушка не знаете, какъ онъ помогаетъ и учитъ?

Г. Ц. * *

Онъ помогаетъ въ этомъ случаѣ разными образами, и я вамъ скажу нѣсколько примѣровъ тому, но сядемъ напередъ подъ этимъ деревомъ . . . Онъ дѣлаетъ это двоякимъ образомъ: вопервыхъ не допускаетъ онъ до исполненія худыхъ и ему противныхъ дѣлъ, напримѣръ: ты начнешь какое нибудь худое дѣло дѣлать: но онъ здѣлаетъ, что ты вдругъ опомнишся, и вспомнишь что это худо, и остановишся; вовторыхъ подаетъ онъ случай къ хорошимъ дѣламъ. Ты напримѣръ ходишь гдѣ нибудь ничего не думаешь, или что нибудь постороннее мыслишь: но

но вдругъ попадется тебѣ какая нибудь вещь на глаза̀, ты взглянувъ на нее вдругъ получишь мысли о Богѣ, которыя тебя либо къ благодарности, либо къ почтенію къ нему, либо къ послушанію и тѣмъ къ исполненію хорошаго дѣла побудятъ, и прочее тому подобное. Однако знайте мои любезныя дѣти, что онъ намъ одни только побужденія дать можетъ, а принудить насъ къ хорошему или до худаго по неволѣ не допустить никогда не можетъ. И такъ зависитъ то отъ насъ, хотимъ ли мы тѣмъ побужденіямъ слѣдовать, или нѣтъ.

ФЕОНА.

Когда это такъ матушка! то я стану стараться всегда примѣчать; и ежели со мною это случится, то конечно я не пропущу такого побужденія.

Г. Ц. **

И не надобно мой свѣтъ пропускать. Ну, скажитежъ вы мнѣ: все ли помните вы что вчера я вамъ сказывала.

ФЕОНА.

Я все сударыня помню, и вчера долго не спала, но все о томъ мыслила, а особливо о вѣчности. Я мыслила такъ какъ вы изволили сказывать, представляла себѣ оную гору песку и то безконечное множество вѣковъ, и многажды въ изумленіе приходила. Наконецъ подумала я матушка, когда бы мы такую длинную жизнь имѣть могли, какъ Богъ имѣетъ, какъ бы это хорошо было!

КЛЕОНЪ.

И я матушка о томъ же давича думалъ.

Г. Ц. * *

Чтожъ, хотѣлиль бы вы такой длинной жизни?

ФЕОНА съ КЛЕОНОМЪ.

Конечно сударыня, какъ бы не хотѣть!

Г. Ц. * *

Такъ знайтежъ, что вы дѣйствительно такую жизнь имѣть будете.

ФЕОНА.

Что это изволите вы говорить матушка? Развѣ мы не умремъ? Какъ бы я этому рада была!

Г. Ц. **

Что ты моя радость такъ смерти боишся. Ея бояться никогда не надобно. Вы хотя и умрете: но жить никогда не перестанете. Мы живемъ мои свѣты душею, и я вамъ вчера сказывала, что тѣло наше вещественная вещь и жизни не имѣетъ, а душа никогда умереть не можетъ; но также безконечно жить станетъ, какъ Богъ живетъ.

КЛЕОНЪ.

И вовсе это безконечное множество лѣтъ жить она станетъ?

Г. Ц. **

Конечно моя радость! однако не много этому радуйтесь. Хорошо, ежели вы такое безконечное множество лѣтъ жить станете, но сія бы жизнь щастлива и благополучна была. Но что будетъ,

естьли сія ваша безконечная жизнь безщастна и такъ мучительна будетъ, что вы съ превеликою радостію умереть хотѣлибъ, но не умрете, а во вѣки вѣковъ несноснѣйшею жизнь имѣть будете.

ФЕОНА.

Боже насъ сохрани отъ этого матушка.

КЛЕОНЪ.

А меня и одни мысли о томъ; приводятъ въ трепетъ.

Г. Ц. * *

Со всѣмъ тѣмъ сіе скорѣе всего здѣлаться можетъ, любезныя дѣти! и ежели вы сами не остережетесь; то не минуемо въ сіе нещастіе впадете, отъ котораго ужѐ и освободиться не можно будетъ.

ФЕОНА ужаснувшись.

О сударыня, вы меня ужасно какъ этимъ испужали. Я въ трепетъ прихожу, какъ скоро о томъ подумаю. Извольтежъ намъ сударыня сказать, какъ намъ остеречься и до того себя не довесть.

Г.

Г. Ц. * *

Я вамъ раскажу, какъ это здѣлать можно. Вамъ надобно мои свѣты знать, что Богъ насъ не для нынѣшней, но для той безконечной жизни создалъ, о которой вы слышали; и создалъ насъ съ тѣмъ, чтобъ мы въ эту безконечную жизнь щасливы были, и она бы намъ крайне веселая и благополучная была. Однако не исповѣдимой его волѣ угодно было не прямо насъ въ сію благополучную жизнь ввесть: но онъ вложилъ душу нашу напередъ въ сіе тѣло, и определилъ чтобъ мы съ симъ тѣломъ назначенное имъ нѣкоторое число лѣтъ жили на землѣ, и себя къ той блаженной жизни напередъ приготовили.

ФЕОНА.

Какъ матушка приготовили?

Г. Ц. * *

Такъ мои любезныя дѣти! какъ я вамъ намнясь сказывала, то есть: онъ посадивъ насъ сюда на землю, далъ намъ на волю дѣлать то, что хотимъ, доброе и

худое. Однакожъ приказалъ, чтобъ мы живучи здѣсь дѣлали все то, что онъ предписалъ, и что ему угодно, и за то обѣщалъ онъ безконечное блаженство. И такъ мои любезныя дѣти, ежели мы живучи на землѣ станемъ такъ жить какъ онъ велѣлъ: то онъ послѣ смерти здѣлаетъ насъ щастливыми, и мы станемъ жить съ нимъ вмѣстѣ безконечно и не описаннымъ блаженствомъ наслаждаться. На противъ того ежели не послушаемъ, и жить станемъ не такъ какъ онъ велѣлъ, а такъ какъ намъ хочется, то мы того не получимъ; но вмѣсто блаженства во всю ту безконечную вѣчность такую мучительную жизнь имѣть будемъ, какую никакъ себѣ вообразить не возможно. Такимъ образомъ видите сами, что та будущая жизнь будетъ по нынѣшней учреждаться, и какова была сія, такова и то будетъ.

ФЕОНА.

О! какъ не хотѣть такъ жить какъ Богу угодно, и такого блаженства

женства получить не желать. Не съ ума ли тому человѣку сойти надобно, которой бы того не захотѣлъ, но самовольно до такой пагубы себя доводить вздумалъ?

Г. Ц. * *

Со всѣмъ тѣмъ не дивись этому мой свѣтъ, такихъ людей....

КЛЕОНЪ.

Не ужѐ ли есть такіе люди матушка?

Г. Ц. * *

И очень еще много мой свѣтъ, на противъ того такихъ, которые добродѣтельно и такъ живутъ какъ Богу угодно, очень мало.

ФЕОНА.

Возможно ли матушка чтобъ они такъ глупы были, и себѣ добра не хотѣли?

Г. Ц. * *

Со всѣмъ тѣмъ какъ ты тому не дивишся; однако это такъ, и я вамъ сказываю, бойтеся и вы чтобъ и вамъ сотоварищами имъ не здѣлаться и числà ихъ не пріумножить.

ФЕОНА.

О! Боже насъ отъ того избавь, матушка.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сударыня, я таковъ глупъ конечно ужѐ не буду.

Г. Ц. **

Не говорите того любезныя дѣти! вы разсуждаете по теперешней вашей чувствительности. Но вы еще молоди и сами себя коротко не знаете. Вы не знаете тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ человѣкъ находится. Сiе всего легче съ вами здѣлаться можетъ.

ФЕОНА.

Какiя же это обстоятельства матушка? Пожалуйте намъ и объ оныхъ скажите. [цѣлуетъ у матери руку.]

Г. Ц. **

Я бы вамъ сказала моя радость, но этого будетъ много, и мы о томъ въ другое время и тогда говорить станемъ, когда очередь до человѣка дойдетъ, и я вамъ

вамъ объ немъ расказывать буду; вы объ немъ ничего не знаете: и для того теперь я вамъ только то скажу, что хотя Богъ и здѣлалъ человѣка такимъ, чтобъ онъ доброе больше любилъ, нежели злое, и пользу свою вреду предпочиталъ и все то охотно дѣлалъ, что Богу угодно. Однако, знайте мои любезныя, что этотъ человѣкъ при одномъ случаѣ Бога не послушавъ, себя ужасно повредилъ и отъ того здѣлался ужѐ не совершеннымъ, сталъ злое любить больше нежели доброе, вредъ предпочитать пользѣ, а къ исполненію воли и приказаній божескихъ получилъ великое нехотѣніе, и ему ужѐ все то трудно и тяжело здѣлалось, что Богъ дѣлать велитъ. А съ такими обстоятельствами мы ужѐ и всѣ на свѣтъ родимся; и потому теперь такихъ людей много, которые самовольно въ вѣчную пагубу себя приводятъ.

ФЕОНА.

О! какъ бы мнѣ хотѣлось, сударыня, все сіе обстоятельнѣе знать.

Однако что дѣлать, буду ужѐ терпѣть до того времени, а теперь только прошу, пожалуйте матушка скажите намъ, въ чемъ же бы сія трудность состояла, о которой вы упомянуть изволили.

Г. Ц. * *

Въ томъ моя радость, что человѣку надобно себя неволею принуждать къ исполненію того, что Богъ хочетъ, а отъ природы онъ къ тому почти не способенъ. Отъ природы онъ любезныя дѣти болѣе къ тому склоненъ и болѣе къ тому охоты и желанія имѣетъ, что Богу противно, какъ напримѣръ: и вы сами мои свѣты болѣе къ рѣзвостямъ, къ шалостямъ, къ сердцу, брани и прочему склоны, нежели къ доброму, и такому что Богу пріятно. А и всѣ люди таковы. Они болѣе къ злу, лѣни, суетностямъ и ко всякимъ порокамъ и беззаконіямъ склонны, нежели къ добродѣтелямъ, и почти всякое доброе дѣло они не охотно дѣлаютъ. И для того надобно человѣку не обходи

ходимо отъ того отставать, что ему пріятно, одолѣвать свои склонности, истреблять любимыя охоты, и болѣе Бога, нежели своего сéрдца слушать. А ко всему этому надобно ему себя принуждать, а сіе-то принужденіе ему и тягостно и тяжело кажется.

ФЕОНА.

Когда только въ томъ вся трудность состоитъ сударыня, чтобъ самихъ себя принуждать, то я ужè конечно сама на себя смотрѣть не стану. И хотя бы это принужденіе меня и до слезъ доводило, однако я и на то не погляжу; но всегда себѣ представлять стану, что полученіе безконечной и блаженной жизни дороже мнѣ всего, и того конечно стóитъ, чтобъ я себя временемъ принуждала, и не то дѣлала, что мнѣ хочется, но то, что Богу угодно.

КЛЕОНЪ.

А я матушка всѣ свои худыя охоты брошу и отъ всѣхъ привычекъ отставать стану, которыя

рыя Богу противны, какъ бы мнѣ то тяжело не было.

Г. Ц. **

О любезныя дѣти! какое бы хорошее дѣло вы здѣлали, естьлибъ это исполнить твердое намѣреніе взяли! а я вамъ на противъ того скажу, что вся сія трудность только при началѣ тѣхъ дѣлъ бываетъ, и чѣмъ чаще будешь дѣлать, тѣмъ легче то становится, и наконецъ никакого труда ужѐ въ томъ не будетъ. А хотя бы и того не было: то одно то себѣ любезныя дѣти представте, тысяча ли лѣтъ, или одинъ годъ лучше? Сто ли лѣтъ, или безконечное множество вѣковъ дороже? Наша здѣшняя земная жизнь какъ бы ни долга была; однако все она противъ будущей безконечной жизни ни чѣмъ почесться можетъ. Пускай положить 60, пусть 70 или 100 лѣтъ она будетъ: но что это противъ того бесчетнаго и безконечнаго множества лѣтъ, которое вамъ послѣ смерти жить будетъ? И

такъ

такъ сами любезныя дѣти разсудите, что лучше, сто ли лѣтъ весело и по своимъ прихотямъ, а безконечное число лѣтъ въ не сносномъ мученіи и горести жить, или въ эту короткую земную жизнь нѣсколько трудовъ претерпѣть, а послѣ некончаемою и блаженною жизнію наслаждаться?

ФЕОНА.

Конечно сударыня, что можетъ-нынѣшняя жизнь значить! я бы ея и всю въ величайшей горести и несщастіи прожить охотно хотѣла, естьлибъ только знала, что мнѣ за то вѣчная и блаженная жизнь дастся.

Г. Ц. * *

Да не надобно еще и того моя радость. Богъ требуетъ чтобъ мы только прямое и твердое намѣреніе возъимѣли такъ жить, какъ ему угодно, и исправленію своему только начало учинили и прямо стараться о томъ начали, а то онъ самъ ужѐ помогать и насъ до блаженной жизни доводить стараться хочетъ, да не доволь

но

но еще того любезныя дѣти, онъ обѣщаетъ такимъ людямъ не только въ будущую жизнь блаженство: но и въ нынѣшнюю земную жизнь всякое благополучіе, и во всѣхъ ихъ дѣлахъ успѣхъ дѣлать.

КЛЕОНЪ.

Чего же намъ лучше этого хотѣть матушка? Мы сударыня конечно станемъ стараться съ сестрицею то дѣлать, что ему угодно.

Г. Ц. * *

А я вамъ любезныя дѣти сказываю, что вы еще больше къ тому охоты получите, когда все что надлежитъ о Богѣ, узна́ете: вы увидите, какія онъ къ намъ милости оказывалъ и сколь его любовь къ намъ велика и тому болѣе еще удивитесь. Но прежде надобно мнѣ вамъ вчерашнее докончить.

ФЕОНА [съ Клеономъ вмѣстѣ цѣлуя у матери руку].

Изволите, сударыня!

Г. Ц. * *

Вчера раскаѕывала я вамъ каковъ Богъ Существомъ своимъ, и описывала его безконечную величину и вездѣсущіе, такъ же сказывала я вамъ, что онъ *живое*, *духовное* и *разумъ* и *волю* имѣющее Существо. А теперь вамъ любезныя дѣти раскажу, какая разница между его и нашимъ разумомъ находится. Какъ малы предъ Богомъ мы, такъ малъ и разумъ нашъ предъ его разумомъ. Каковъ онъ самъ безконеченъ, таковъ безконеченъ и разумъ его. Возьмемъ въ примѣръ нашъ разумъ и поговоримъ объ немъ, сколь человѣческій разумъ ни малъ, но и онъ насъ часто въ удивленіе приводитъ, какихъ вещей не можетъ онъ выдумать? И не говоримъ ли мы часто, куда каковъ мудренъ сотворенъ отъ Бога человѣкъ? Но пускай онъ будетъ довольно великъ, и положимъ ему напримѣръ какую нибудь величину, теперь умножайте эту его величину любезныя дѣти, напримѣръ:

Василій

Василій уменъ, Петръ его вдвое умнѣе, Григорій во сто разъ обѣихъ, а Иванъ въ тысячу разъ всѣхъ ихъ умнѣе былъ бы, или положите, чтобъ этотъ разумъ былъ вдвое, потомъ втрое, потомъ вдесятеро, тамъ всотеро; а наконецъ въ тысячу разъ лучше. Вѣть онъ довольно ужè великъ будетъ? Однако все еще умножить его можно. Можно еще въ десять, во сто, въ тысячу, въ миліонъ, въ тысячу тысячь миліоновъ разъ, но все его еще болѣе умножить можно. Но это все еще малъ, надобно больше. Теперь мы его только съ минуту времени говоря умножали, станемъ мы напримѣръ его цѣлой день, цѣлой годъ безпрестанно миліонами умножать; однако хотя бы мы цѣлой миліонъ лѣтъ говорили и его умножали, и каковъ бы безконечно великъ онъ тогда ни былъ, однако все сіе любезныя дѣти ничто противъ божескаго разума. Этотъ можно все еще прибавить, а божеской разумъ такъ великъ, что къ

къ нему прибавить ужѐ ничего не возможно.

ФЕОНА.

Я сударыня все съ вами мыслила: однако такого разума представить себѣ не могу, къ которому бы ничего прибавить было не возможно.

Г. Ц. * *

А потому мой свѣтъ божеская премудрость, или разумъ и непостижимымъ называется, что его никакъ понять и постигнуть не возможно. Довольно онъ безконечно великъ и о величинѣ его можете вы лучше по величинѣ божескаго Существа заключить. Представте себѣ какъ велику нашему разуму быть надобно. Находится онъ въ душѣ нашей, а душа какъ велика, того хотя я теперь вамъ и не скажу; однако вы по крайней мѣрѣ заключить можете, что она не больше всего тѣла нашего, напримѣръ: вы сидите теперь здѣсь и разумомъ думаете, но этого разума въ хоромахъ или въ городѣ теперь нѣтъ: но онъ

въ

въ васъ, да и въ тебѣ напримѣръ Феона, не во всей онъ. Ты сама въ себѣ чувствуешь, что рука или нога твоя не мыслитъ, а на противъ того сама въ себѣ ощущаешь, что мыслитъ въ тебѣ нѣчто въ головѣ, слѣдовательно и разуму твоему и душѣ въ одной головѣ быть надобно; да и въ той не во всей ты ощущаешь, и тутъ что носъ, уши, глаза̀, борода, или затылокъ твой не мыслитъ; а надобно мыслямъ въ передней и верьхней части головы̀ быть, а велика ли и вся сія часть головы̀?

КЛЕОНЪ.

По этому сударыня и душа наша въ головѣ?

Г. Ц. * *

Надобно думать мой свѣтъ, что въ головѣ, потому что мыслитъ въ насъ не тѣло, а душа; а мы чувствуемъ, что сіи мысли у насъ въ головѣ происходятъ, и такъ, видите что душѣ нашей не очень великой быть можно: однако и въ ней такой удивительной ужѐ разумъ, разсуди-

тежъ,

тежъ, какому великому разуму быть надобно въ такомъ духѣ, которой такъ великъ, что нигдѣ себѣ предѣловъ и конца не имѣетъ?

ФЕОНА.

Да! сударыня, очень велику.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ онъ сударыня во всемъ Богѣ.

Г. Ц..

Во всемъ моя радость! гдѣ есть Богъ, тамъ есть и его разумъ. Онъ напримѣръ здѣсь, онъ здѣсь и мыслитъ. Онъ и на небѣ, онъ и тамъ мыслитъ, однимъ словомъ: какъ онъ ни великъ, онъ всѣмъ собою и вдругъ мыслитъ.

ФЕОНА.

Это правда, что не постижимая его премудрость.

Г. Ц...

Вы ея еще очень мало знаете. Я вамъ о разумѣ божескомъ только въ разсужденiи его великости расказала. А какъ божеская премудрость велика, вы увидите тогда,

гда, какъ мы о томъ станемъ говорить, съ какою премудростiю свѣтъ и всѣ вещи на немъ зделаны. Но это не принадлежитъ къ севоднешному нашему разговору: а теперь я вамъ раскажу, чѣмъ только разумъ божеской отъ нашего отличенъ. Вамъ надобно знать, что онъ не такъ думаетъ какъ мы.

ФЕОНА.

Какъ же матушка?

Г. Ц. . .

Совсѣмъ не такъ любезныя дѣти. Мы мыслимъ о каждой вещи особо, а онъ нѣтъ, но обо всѣхъ вещахъ вдругъ. Напримѣръ: мы станемъ теперь объ этомъ деревѣ мыслить. Вѣть мы мыслимъ только о немъ, а другаго у насъ ничего на умѣ нѣтъ. А какъ скоро мы о чемъ нибудь другомъ мыслить станемъ, напримѣръ: объ этой бесѣдкѣ или о семъ розовомъ кустѣ, тогда въ насъ ужѐ прежней мысли о деревѣ нѣтъ, но въ насъ ужѐ мысль объ одной бесѣдкѣ, или кустѣ. И такъ у насъ

всегда по одной только мысли бываетъ, а двѣ или три мысли или многія вдругъ, никакъ намъ мыслить не можно: понимаете ли себѣ это дѣти, представте себѣ сіе хорошенько.

ФЕОНА.

Я сударыня понимаю. Вѣть и это также, напримѣръ: я стану теперь думать о Москвѣ и я думаю объ ней, но въ то же время вѣть я не думаю о Петербургѣ. Но какъ скоро о Петербургѣ стану думать: то уже о Москвѣ не думаю, и такъ у меня одна которая нибудь мысль на умѣ, либо о Петербургѣ, либо о Москвѣ, а не обѣ вмѣстѣ.

КЛЕОНЪ.

И я матушка это понимаю, напримѣръ: когда думаю объ васъ, то не думаю уже о сестрицѣ, а когда о сестрицѣ стану думать, то уже объ васъ думать перестану, не такъ ли матушка?

Г. Ц. * *

Такъ мои любезныя дѣти! а Богъ не такъ думаетъ. Онъ думаетъ

маетъ и объ этомъ деревѣ и бесѣдкѣ и розовомъ кустѣ и о Москвѣ и Петербургѣ и обо мнѣ и объ васъ и обо всемъ этомъ онъ вдругъ, а не поодиначкѣ думаетъ; да не только о сихъ вещахъ, но и обо всѣхъ вещахъ что ни есть на свѣтѣ онъ думаетъ вдругъ, и обо всѣхъ ихъ знаетъ, напримѣръ: не только о солнцѣ, о мѣсяцѣ и о звѣздахъ и о землѣ, но и обо всемъ, что на небѣ и на землѣ есть и дѣлается, напримѣръ: не только обо всѣхъ земляхъ, городахъ, деревняхъ и дворахъ, но и о каждомъ человѣкѣ, скотинѣ, деревѣ; однимъ словомъ, что ни есть на свѣтѣ, онъ вдругъ и разомъ думаетъ.

КЛЕОНЪ.

И объ этой мушкѣ матушка онъ думаетъ, что вотъ теперь по рукѣ у меня ползаетъ?

Г. Ц. * *

Конечно моя радость, и не только объ этой мушкѣ, но вотъ и объ этой травинкѣ, да что я говорю,

рю и о каждой этой песчинкѣ мои любезныя дѣти и обо всѣхъ песчинкахъ и пылинкахъ, что ни есть на свѣтѣ, онъ думаетъ и думаетъ еще вдругъ, и въ то же самое время, когда онъ о человѣкахъ, скотахъ и прочемъ думаетъ.

КЛЕОНЪ удивляясь.

О сударыня! какой это разумъ у Бога!

Г. Ц. • •

Великъ и постижимъ мое сердце! но вы еще больше удивитесь, когда о его знаніи узна́ете, на примѣръ: вотъ ухвачу я горсть песку съ этой дорожки. Скажите вы мнѣ, знаете ли вы, сколько въ моей горсти теперь песочинокъ?

ФЕОНА.

Почему сударыня знать, вѣть я не считала ихъ: я думаю вы сами матушка не изволите знать.

Г. Ц. • •

Конечно моя радость, и не только я, но и ниодинъ человѣкъ на свѣтѣ того не знаетъ. И я вамъ это только для того говорила,

рила, чтобъ вы лучше могли увидѣть, какъ наше знаніе предъ божескимъ мало, и какая между ими разница.

КЛЕОНЪ.

А Богъ матушка! развѣ это знаетъ?

Г. Ц. **

Не только знаетъ, сколько ихъ щетомъ: но онъ вѣдаетъ и то, какъ каждая песочинка лежитъ, стоймя ли, ребромъ ли, или бокомъ, и не только онъ знаетъ, сколько въ моей горсти; но онъ вѣдаетъ, сколько и во всемъ свѣтѣ ихъ.

КЛЕОНЪ.

И о людяхъ матушка также онъ знаетъ.

Г. Ц. **

Какъ моя радость не знать, когда ужѐ онъ о такихъ послѣднихъ и малыхъ вещахъ какъ напримѣръ: о песочинкахъ, травинкахъ, мушкахъ и червячкахъ знаетъ; то какъ ему не знать о человѣкахъ, для которыхъ онъ все это здѣлалъ.

малЪ. ОнЪ не только мои любезныя дѣти знаетЪ, сколько ихЪ щетомЪ: но знаетЪ сколько и волосЪ у каждаго на головѣ, и не только это, но знаетЪ, что каждой изЪ никЪ дѣлаетЪ, говоритЪ, думаетЪ и желаетЪ.

ФЕОНА.

О матушка! вы меня вЪ изумленіе приводите!

КЛЕОНЪ.

А я сударыня теперь ужѐ и то понялЪ; почему это такЪ дѣлается, о чемЪ я сего дни поутру сомнѣвался, мнѣ давича вспомнилось, что вы намЪ намнясь еще сказывали, что онЪ обо всѣхЪ людяхЪ знаетЪ. Но я сударыня думалЪ, какЪ этому возможно статься, вѣть на свѣтѣ людей много, то какЪ Богу обо мнѣ теперь думать? МожетЪ быть онЪ теперь о комЪ нибудь другомЪ думаетЪ, а до меня очередь еще и не скоро придетЪ. Но я сударыня того не зналЪ, что у Бога такой разумЪ, которымЪ онЪ обо всѣхЪ

вещахъ вдругъ думаетъ, и теперь очень тому радъ, что это знаю.

г. Ц. • •

Конечно моя радость, и ты это твердо себѣ въ память затверди и всегда помни. Я вамъ скажу, любезныя дѣти, что это вамъ великую пользу въ жизнь вашу принесетъ.

КЛЕОНЪ.

А какую сударыня? Пожалуйте намъ скажите.

г. Ц. • •

Когда вы это станете всегда помнить, то вы не будете такъ глупы, какъ многіе другіе люди, которые этого не зная и не помня, великія погрѣшности дѣлаютъ, и отъ того въ нещастіе приходятъ.

ФЕОНА.

Какимъ же образомъ сударыня это дѣлается?

г. Ц. • •

Они любезныя дѣти, не зная того; почему Богъ все на все знаетъ, сами въ себѣ думаютъ, Богъ

де на небеси и далече, и оттуда де какЪ ему все видѢть и знать что мы дѢлаемЪ, а для того и самыя величайшія беззаконія и Богу противнѢйшія дѢла́ дѢлать не боятся. Но вотЪ еще какая вЪ нихЪ глупость есть, любезныя дѢти! о иныхЪ дѢлахЪ они сами знаютЪ, что они худы, самихЪ ихЪ совѢсть убиваетЪ: но они на то не смотрятЪ: но производятЪ сіи дѢла̀ еще вЪ тайномЪ или сокровенномЪ мѢстѢ, и такЪ чтобЪ ихЪ люди не видали. ТакимЪ образомЪ сами вы разсудите, не крайняя ли эта ихЪ глупость и не смѢшно ли это? ХотятЪ отЪ людей утаиться, а то позабываютЪ, что отЪ Бога никакЪ и нигдѢ имЪ утаиться не возможно.

КЛЕОНЪ.

О матушка, я самЪ часто такЪ думывалЪ и много кое чего тайкомЪ отЪ людей дѢлалЪ, а сЪ сего времени конечно ужѐ стану это помнить.

Г. Ц. . .

Ежели бы я не знала, что это для васъ надобно, такъ бы я вамъ любезныя дѣти и не говорила. И такъ, вы можете сами теперь разсудить, не великая ли вамъ это подпора при исправленіи вашемъ будетъ? Напримѣръ: ты станешь какое нибудь худое дѣло предпринимать; но вдругъ вспомнишь, что хотя ты это отъ людей и утаишь; но отъ Бога никакъ не скроешь, и что онъ вездѣ и подлѣ тебя, и все что ты дѣлать ни станешь, увидитъ и узнаетъ. А вспомнивши что это дѣло ему противно, и онъ за то накажетъ, и тебя нещастнымъ сдѣлаетъ, того мой свѣтъ и дѣлать не будешь.

ФЕОНА.

Конечно матушка, вы самую правду говорите. Я какъ бы скоро это вспомнила, то безъ всего бы того дѣлать не стала, какъ бы мнѣ того ни хотѣлось.

Г. Ц. . .

Г. Ц. . .

А и съ добрыми дѣлами также вамъ и въ разсужденіи ихъ это помогать станетъ, напримѣръ: Тебѣ вздумалось бы или случился случай какое нибудь хорошее дѣло здѣлать, однако либо лѣнь вамъ мѣшать бы стала, либо тяжело и не пріятно это вамъ показалось, но ежели вы вспомните, что Богъ подлѣ васъ, и ежели вы сдѣлаете то, онъ конечно это узнаетъ и васъ за то наградить не преминетъ. А напамятовавъ притомъ, что это дѣло не только ему пріятно; но онъ его дѣлать и приказываетъ, вы его любезныя дѣти и послушаетесь и то сдѣлаете.

ѲЕОНА.

По этому подлинно матушка великая польза отъ того произойдетъ, ежели всегда это памятовать.

Г. Ц. . .

И не только это, но и кромѣ сего и другая польза отъ того

бываетъ, напримѣръ: такой человѣкъ, которой сего не знаетъ и не помнитъ, не можетъ никогда спокойнымъ быть; но либо того, либо другаго безпрестанно опасается и боится; а для того что онъ не удостовѣренъ, что Богъ такъ подлѣ насъ близко и ему при всякомъ случаѣ помощь свою подать, или отъ какого нещастія защитить можетъ. Почему такіе люди въ превеликое малодушіе и трусливость впадаютъ. Какъ скоро имъ въ какомъ нибудь опасномъ мѣстѣ быть или ѣхать случится, и того, въ превеликой страхъ; а иногда и въ совершенное отчаяніе приходятъ. На противъ того, ежели кто въ томъ твердо удостовѣренъ, что Творецъ его вездѣ и на всякомъ мѣстѣ есть, и куда бы онъ ни пошелъ, и гдѣ бы ни былъ, вездѣ онъ съ нимъ и подлѣ его находится: тотъ ужè никогда въ такое малодушіе впасть не можетъ: но помня всегда присутствіе божеское, а притомъ вѣдая,

что онъ про него знаетъ, никакихъ опасностей не боится, и для того при всякомъ опасномъ случаѣ скорѣе всего къ Богу прибѣгаетъ, и его какъ тутъ находящагося о помощи проситъ и на него уповаетъ.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! стану же и я это всегда дѣлать, и знанію божескому удивляться.

Г. Ц. **

Я вамъ еще не все любезныя дѣти объ ономъ расказала. Разумъ и знаніе божеское еще однимъ отъ человѣческаго отлично. Мы можемъ только настоящее или прошедшее, или о будущемъ думать, а онъ и это все вдругъ думаетъ, напримѣръ: когда мы о томъ думаемъ, что теперь дѣлается, какъ напримѣръ: что мы въ саду и между собою разговариваемъ; то мы ужё не думаемъ, что вчера, третьяго дни, или за годъ предъ симъ дѣлали.

КЛЕОНЪ.

Да мы матушка вспомнить можемъ.

Г. Ц. ••

Это такъ мой свѣтъ, однако когда мы вспомнимъ, что тогда съ нами дѣлалось, и о томъ станемъ думать, то мы ужѐ о теперешнемъ не думаемъ. Или, когда станемъ думать, что мы завтра, или чрезъ недѣлю будемъ дѣлать: тогда ужѐ ни о настоящемъ, ни о прошедшемъ не думаемъ, а Богъ, любезныя дѣти, какъ о томъ, что прежде сего дѣлалось, такъ и о томъ, что и впередъ будетъ дѣлаться, думаетъ такъ какъ о теперешнемъ и все вдругъ и однимъ разомъ. Ему не надобно напередъ о томъ думать, что вчера ты дѣлалъ, а потомъ что сестра, или я вчера, или намнясь дѣлала: но онъ это все вдругъ думаетъ, и не только что вчера, или завтра, но что напримѣръ, за тысячу лѣтъ впередъ будетъ.

КЛЕОНЪ.

КЛЕОНЪ.

По этому-та ажно онъ сударыня знаетъ, что со мною во всю мою жизнь дѣлаться будетъ.

Г. Ц. **

Потому-то мой свѣтъ и ты это всегда помни, а притомъ и того не позабывай, что онъ не только будетъ знать, что ты дѣлать; но что и мыслить и говорить станешь, и для того надобно всегда на его волю полагаться и никогда того не говорить, для чего надо мною то или другое дѣлается, но быть всѣмъ и всегда довольнымъ, для того что мы не знаемъ, что для насъ во вредъ, или въ пользу служить будетъ, а знаетъ только то одинъ Богъ.

ФЕОНА.

Такъ матушка! и я буду стараться всегда довольною тѣмъ быть, что Богъ ни соблаговолитъ со мною сдѣлать.

Г. Ц. **

Похвальное это будетъ дѣло, моя радость, а сверьхъ того не

мало и къ благополучію твоему поспѣшествовать будетъ. Но теперь ужѐ поздно, любезныя дѣти, время намъ перестать, а завтра раскажу я вамъ о волѣ божеской, такъ какъ сего дни о разумѣ расказывала. Пойдемъ-те мои свѣты и походимъ нѣсколько по алеямъ, а пото́мъ сходимъ въ рощу. Ужинать еще рано, а время только такое чтобъ гулять.

КЛЕОНЪ.

Извольте сударыня, ктомужъ мы давно въ своей рощѣ не были.

ФЕОНА.

А я сударыня пойду между тѣмъ въ хоромы, и велю столъ приготовлять.

РАЗГОВОРЪ VIII.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц. * **
и ея дѣтьми.

ФЕОНА пришедъ въ садъ, нашла брата своего на одной травяной площадкѣ лежащаго, и увидѣвъ что онъ на траву пристально смотритъ, его спрашиваетъ:

Что ты братецъ это смотришь?

КЛЕОНЪ.

Пойди сестрица ко мнѣ, и сядь подлѣ меня. Я смотрю здѣсь на диковинку, и ты вмѣстѣ со мною посмотри.

ФЕОНА сѣвъ подлѣ его.

Что бы такое это было братецъ?

КЛЕОНЪ.

Посмотри сестрица на этотъ голубой и на этотъ аленькой цвѣтокъ, какъ они прекрасны, какъ нѣжны и какъ хороши, ни лучшей мастеръ такихъ здѣлать не можетъ.

жетъ. Ты сестрица хотя и хорошо цвѣтки дѣлаешь; но сіи тысячу разъ всѣхъ твоихъ лучше.

ФЕОНА.

Конечно братецъ лучше, и мнѣ гдѣ такой сдѣлать, сіи цвѣтки природные и ихъ Богъ сдѣлалъ.

КЛЕОНЪ.

Тому-то я и удивляюсь сестрица! мнѣ вспомнились вчерашнія матушкины слова о божеской мудрости, и я долго на цвѣтки смотря думалъ, и чѣмъ болѣе на нихъ смотрѣлъ, тѣмъ болѣе въ удивленіе приходилъ. Посмотри только сестрица. Стоятъ они не далече одинъ отъ другаго и на той же землѣ; какимъ же образомъ они такъ различны? Они совсѣмъ одинъ на другаго не походятъ. Одинъ видишь голубой, а другой аленькой, отъ чего бы это такъ было? А ктомужъ и листочки на нихъ разные, на томъ кругленькіе, а на этомъ узенькіе. А вотъ сколько еще и на одномъ этомъ цвѣточкѣ разныхъ полосочекъ,

сочекЪ, иная полосочка черненькая, иная жолтенькая а иная бѣленькая; но какЪ же сестрица, вѣть весь цвѣтокЪ на одномЪ стеблишкѣ выросЪ, а это стеблишко зеленое; откуда же взялись сіи разныя краски?

ФЕОНА.

Да братецЪ, это очень мудрено сдѣлано.

КЛЕОНЪ.

Да такЪ мудрено сестрица, что изЪ одного этого цвѣтка можно ужѐ заключить, что тому мастеру очень мудрому быть надобно, кто такую диковинную вещь сдѣлалЪ, и матушка правду намЪ изволила сказать, что божеская премудрость безконечна.

ФЕОНА.

Но хотѣлося бы мнѣ братецЪ знать, какЪ это БогЪ дѣлалЪ и чѣмЪ, вѣть у него рукЪ нѣть?

КЛЕОНЪ.

Я то же сестрица думалЪ, и мнѣ хотѣлося еще знать, и Ъ чего это онЪ дѣлалЪ. Вы, напримѣрЪ:

дѣлае-

дѣлаете цвѣтки изъ шолку, изъ бумаги, или иного чего; а сіи цвѣтки изъ чего здѣланы, я ужè не понимаю.

Г. Ц. * * [которая пришедъ также въ садъ, и увидѣвъ дѣтей своихъ разговаривающихъ, нарочно для слушанія ихъ разговоровъ за шпалеру притаилась, и до сего времени ихъ слушала.]

Я вамъ скажу изъ чего, и чѣмъ любезныя дѣти.

КЛЕОНЪ вскочивъ.

А! матушка, когда вы это пришли сюда сударыня? Мы сестрица такъ съ тобою заговорились, что и не видали какъ матушка къ намъ пришла.

Г. Ц. * *

Сидите, сидите дѣти, я сама подлѣ васъ здѣсь сяду, я пришла сюда еще давича, и все васъ слушала, и тѣмъ очень довольна, что вы такимъ образомъ между

собою

собою говорите, поцѣлуйте меня за то мои свѣты.

КЛЕОНЪ цѣлуя у матери руку.

Я сударыня дивился, и говорилъ о сихъ цвѣточкахъ съ сестрицею.

Г. Ц...

Это очень хорошо, я это все слышала, слышала и то, что вамъ знать хочется, и хочу теперь ваше желаніе удовольствовать. Богъ сдѣлалъ сіи цвѣтки, любезныя дѣти, изъ ничего, и не только ихъ: но и весь свѣтъ онъ изъ ничего сотворилъ. А какимъ образомъ и чѣмъ онъ дѣлалъ, это вы узна́ете, когда о его всемогуществѣ услышите. Вчера расказывала я вамъ о его всевѣденіи, то есть: о его разумѣ и знаніи. А сего дни буду ужѐ и о его волѣ говорить, и вы увидите, любезныя дѣти, что и она также отъ человѣческой отлична, какъ его разумъ и премудрость.

ФЕОНА.

Извольте матушка сударыня.

Г. Ц.

Г. Ц. **

Вотъ видите мои свѣты, еже ли мы что нибудь взять или дѣлать хотимъ; то прежде мы о томъ подумаемъ, а тамъ захочемъ, а потóмъ ужè посредствомъ своихъ членовъ то и въ дѣйство произведемъ. Слѣдовательно ко всякому дѣлу надобно не только хотѣніе: но и дѣйствіе членовъ, понимаете ли вы это мои дѣти?

КЛЕОНЪ.

Пожалуйте эударыня, скажите мнѣ это какимъ нибудь примѣромъ.

Г. Ц. **

Вотъ какъ моя радость, напримѣръ: мнѣ хочется теперь этотъ цвѣтокъ къ головѣ пришпилить, которой на семъ цвѣтничкѣ стоитъ, но онъ самъ ко мнѣ не прилетитъ, а мнѣ надобно напередъ встать, къ нему пойти, его сорвать, сыскать булавку, а потóмъ ужè къ головѣ пришпилить, и все это надобно душѣ

дѣлать,

дѣлать, для того что ноги мои сами не пойдутъ и руки не станутъ дѣлать, ежели душа ими дѣйствовать не будетъ. И такъ, надобно ей прежде тѣ члены, или такъ сказать, инструменты въ тѣлѣ моемъ, въ движенїе привести, которые меня съ земли подни-мутъ. Потомъ надобно ей мои ноги въ движенїе приводить, чтобъ они шли, потомъ руки сгибать и такъ поворачивать, чтобъ они этотъ цвѣтокъ ухватили и сорвали, а наконецъ ужè чтобъ взяли булавку и пришпилили а ежели бы всего этого ей не дѣлать, тобы и цвѣтокъ пришпиленъ не былъ, а остался бы на своемъ мѣстѣ; а такимъ образомъ и всѣ мы дѣла дѣлаемъ.

ѲЕОНА.

О матушка! сколько ажно душѣ дѣла, да какъ же мы этого сударыня не знаемъ.

Г. Ц. * *

Такъ ужè Богъ любезныя дѣти сдѣлалъ, что мы этого не знаемъ, ктомужъ я только вамъ одну

ну поверьхость сказывала, а ежели бы вы въ томъ вѣдали, какое безчисленное множество ма́шинъ въ нашемъ тѣлѣ, и какое множество пружинъ, мышекъ и другихъ орудій для одного того душѣ нашей въ движеніе приводить надобно, чтобъ рука наша поднялась, или, чтобъ нога согнулась: то бы въ превеликое удивленіе пришли, и сами бы увидѣли, что хотя бы душѣ нашей о томъ и знать, и когда бы разума нашего столько не было, чтобъ всѣ сіи ея дѣйствія понять и разумѣть.

КЛЕОНЪ.

Къ чемужъ матушка изволили вы это намъ сказывать?

Г. Ц. **

Для того, чтобъ вы разность между нашею и божескою волею лучше понять и усмотрѣть могли, потому что такіе труды и дѣйствія для исполненія всякаго дѣла только нашей волѣ предпринимать надобно, а Богу, любезныя дѣти, всего того не надобно. У него всѣхъ этихъ членовъ, то есть:

ни рукЪ ни ногЪ нѣтЪ, такЪ и дѣйствовать не чѣмЪ, а дѣлаетЪ онЪ все одною только волею, а не такЪ какЪ мы со вспоможенiемЪ нашего тѣла и членовЪ. ОнЪ напримѣрЪ чего нибудь захочетЪ только, такЪ тотчасЪ то и сдѣлается. НапримѣрЪ: ежели бы хотѣлось вамЪ, чтобЪ этотЪ камень что здѣсь подлѣ бесѣдки лежитЪ, БогЪ вЪ ПетербургЪ перенесЪ: то ему его ни поднимать, ни несть не надобно: но онЪ только бы захотѣлЪ, чтобЪ етотЪ камень тамЪ былЪ, такЪ онЪ тамЪ и очутится.

КЛЕОНЪ удивившись.

О сударыня! какая ажно у Бога воля.

Г. Ц. **

Погоди! ты еще больше удивишся моя радость. Воля божеская отЪ нашей не однимЪ тѣмЪ разнится, но она и вЪ разсужденiи могущества и силы нашей отмѣнна. Наша воля не все можетЪ здѣлать, а много ей и не возможнаго есть, и она дѣлаетЪ только

то,

то, къ чему въ ней силы и могущества довольно, но этой ея силѣ предѣлы положены, а потому она того и здѣлать не можетъ, что ея силы превосходитъ.

КЛЕОНЪ.

Какъ это матушка, я сударыня этого не понялъ?

Г. Ц. * *

Вотъ какъ мой свѣтъ. Камешекъ этотъ съ мѣста поднять и на другое отнесть, или давишней цвѣтокъ сорвать потому мы можемъ, что въ волѣ и въ душѣ нашей довольно къ тому силы находится; а къ чему въ насъ силы нѣтъ, того хотя бы намъ хотѣлось; но сдѣлать не можемъ, на примѣръ: Вотъ стоитъ вишня и цвѣтетъ, намъ бы хотя и захотѣлось, чтобъ вишни на ней теперь поспѣли, но можемъ ли мы это сдѣлать?

ФЕОНА.

Какъ сударыня это сдѣлать!

Г. Ц. * *

А потому моя радость не можемЪ мы этого сдѣлать, что вЪ волѣ нашей кЪ тому силы нѣтЪ, и что сіе ея силу превосходитЪ, какЪ, напримѣрЪ: мы не можемЪ сдѣлать, чтобЪ вЪ сію минуту мы вЪ Москвѣ или Петербургѣ очутились, или бы вотЪ, чтобЪ сія юпка изЪ голубой алою вдругЪ сдѣлалась, а такого любезныя дѣти очень много, чего мы сдѣлать не можемЪ.

КЛЕОНЪ.

Конечно сударыня, я малоль бы чего хотѣлЪ, но такЪ не дѣлается, напримѣрЪ: я бы хотѣлЪ, чтобЪ хоромы наши теперь каменными палатами сдѣлались: но возможно ли этому статься?

Г. Ц. * * усмѣхнувшись.

Добро мой свѣтЪ, мы живемЪ и вЪ деревянныхЪ. Но слушайте кЪ чему я вамЪ это сказала, и такЪ видите вы, что мы не все можемЪ сдѣлать, а БогЪ на противЪ того, любезныя дѣти, можетЪ

жетъ все сдѣлать. Для него ничего не возможнаго нѣтъ. Онъ бы напримѣръ захотѣлъ, чтобъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ, вмѣсто землй и травы вода сдѣлалась, то тотчасъ бы она и была. Онъ бы захотѣлъ, чтобъ на этой яблони теперь же яблоки поспѣли, они бы тотчасъ и выросли, а такимъ образомъ и все, что вы ни вздумаете, Богъ можетъ сдѣлать, и на все лишь только одно его хотѣніе надобно.

ФЕОНА.

Такъ по этому матушка онъ и свѣтъ такимъ же образомъ сотворилъ?

Г. Ц. * *

Конечно моя радость, онъ лишь только захотѣлъ, чтобъ онъ былъ, такъ онъ и сдѣлался.

КЛЕОНЪ.

О матушка! такъ онъ его не долго дѣлалъ, и очень скоро. Куда это какая всесильная у него воля!

Г. Ц. **

Не долго мой другъ, и ты самъ разсуди, долго ли чего захотѣть, а ему болѣе ничего и не надобно было. Онъ не всякую вещь пособно дѣлалъ, и ему не надобно было, на примѣръ: сперва это, а потомъ другое дерево, а тамъ третье дѣлать: но онъ ихъ всѣхъ вдругъ сдѣлалъ.

ФЕОНА.

О сударыня! вы разобрали теперь нашъ анамняшней споръ съ братцомъ, помнишь ли братецъ, какъ мы съ тобою говорили, какимъ образомъ Богъ солнце или небо дѣлалъ?

КЛЕОНЪ.

Да сестрица, теперь ужѐ я самъ это вижу и болѣе въ томъ не сомнѣваюсь; но пожалуйте мнѣ матушка еще растолкуйте, изъ чего Богъ свѣтъ и все сдѣлалъ.

Г. Ц. **

Я вамъ и сїе растолкую мои свѣты, и вы знаете, что наша воля и въ этомъ случаѣ отъ боже-

ской отлична. ЧеловѢкъ самъ собою не можетъ никакой вещественной вещи сдѢлать, а это одинъ только Богъ сдѢлать въ состояніи.

КЛЕОНЪ.

Какъ матушка! такой вещественной вещи, о какихъ вы намъ третьяго дни сказывать изволили? Я сударыня помню, что вы вещественными вещьми такія называли, которыя либо видѢть, либо руками ухватить можно.

Г. Ц. * *

Да мой другъ такой.

КЛЕОНЪ.

И! матушка, когда такой, такъ развѢ не могъ бы я давишныхъ палатъ построить, ежели бы у меня деньги были, я бы ихъ не вѢдомо какія сдѢлалъ, а они сударыня вѢть вещественная вещь.

Г. Ц. * * расмѢявшись

Опять стала ты! но посмотримъ, какъ же бы ты мое сердце палаты свои строить сталъ ни изъ чего?

КЛЕ

КЛЕОНЪ.

Такъ же бы сударыня, я бы нанялъ каменщиковъ, накупилъ бы камней, извести, велѣлъ бы навозить песку, а потомъ бы и класть началъ.

Г. Ц. * *

Такъ изъ кирпичей же бы ты ихъ сталъ дѣлать. Но кирпичи то кто сдѣлалъ.

КЛЕОНЪ.

Люди же сударыня! а я и самъ видѣлъ какъ пирпичи дѣлаютъ, и могъ бы ужѐ самъ по нуждѣ кирпичь сдѣлать.

Г. Ц. * *

О глупъ ты еще мой другъ! какъ ты ето все не разсудишь, ты вѣть бы ихъ сталъ дѣлать изъ глины, а глину, песокъ и камни, можешь ли ты самъ сдѣлать?

КЛЕОНЪ.

Да матушка, я ошибся, и о томъ не разсудилъ.

Г. Ц. * *

И такъ знай мой свѣтъ, что не только палаты, но ни одной

пылинки сдѣлать мы не въ состоянiи; а что мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ ужè изъ другихъ вещей, которыя ужè есть на свѣтѣ; а вновь и такого чего на свѣтѣ нѣтъ, мы ничего сдѣлать не можемъ. Богу же любезныя дѣти другихъ вещей не надобно: но онъ сдѣлать изъ ничего все можетъ. И сiе приноситъ ужè съ собою его совершенство. А такимъ образомъ онъ и свѣтъ изъ ничего создалъ.

КЛЕОНЪ.

А изъ сдѣланныхъ вещей можетъ ли онъ что сдѣлать сударыня?

Г. Ц.

Какъ же ему не мочь, когда ужè онъ изъ ничего все сдѣлать можетъ.

ФЕОНА.

По крайней мѣрѣ, думаю я матушка, что намъ что нибудь въ ничто обратить можно.

Г. Ц.

Ни синягожъ пороха моя радость! какъ мы ничего новаго

здѣ-

здѣлать, такъ ничего и сдѣланнаго въ ничто обратить не можемъ, а и это только одинъ Богъ можетъ.

ѲЕОПА.

Да какъ же матушка, напримѣръ: когда мы зимою печи топимъ, то сколько деревъ тутъ згараетъ, вѣть сіи полѣнья въ ничто обратятся, и ихъ ужè не будетъ?

ГИ..

Никакъ мой свѣтъ, полѣньевъ хотя не будетъ, и намъ такъ кажется что они пропадутъ, но въ самомъ дѣлѣ изъ нихъ ни синя пороха не пропадетъ. Вы не знаете еще какъ деревья и прочія вещи сдѣланы, и не вѣдаете того, что огонь сдѣлать можетъ; о чемъ вы послѣ услышите, а теперь я вамъ скажу, что дерево составлено все изъ маленькихъ частичекъ, и сіи только между собою связаны. А огонь сію только между ими связь разрушаетъ, а изъ частичекъ ниодна не пропадаетъ.

КЛЕОНЪ.

Да куда же они матушка дѣнутся?

Г. Ц**

Иныя мой свѣтъ останутся въ угольяхъ, и изъ нихъ сдѣлается зола. А иныя которыя легче, дымомъ въ воздухъ выходятъ. И такъ они всѣ въ свѣтѣ и ни одна изъ нихъ не пропадаетъ.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! какъ мудрено по этому все сдѣлано! и могълибъ я подумать, чтобъ такъ и съ полѣномъ было?

Г. Ц**

Это еще не великая диковинка мой свѣтъ, и ты гораздо больше удивишся, когда я вамъ обо всей натурѣ расказывать стану. Но теперь не надобно намъ отставать отъ давишней рѣчи. И такъ видите мои любезныя дѣти, чѣмъ воля божеская отлична отъ нашей. Мы дѣлаемъ вопервыхъ все вспоможенiемъ нашего тѣла. Вовторыхъ: намъ не все сдѣлать можно,

жно, но много не возможнаго есть. А наконецъ мы вновь и изъ ничего сдѣлать никакой вещи не можемъ. А Богъ на противъ того все и изъ ничего сдѣлать можетъ, и ему ничего не возможнаго нѣтъ. Не видите ли изъ сего, что Богъ *всесиленъ*, и его воля такова же безконечно велика, каковъ онъ самъ безконеченъ. Онъ изъ ничего весь свѣтъ создалъ, и ежели ему угодно будетъ, онъ весь свѣтъ въ ничто обратить можетъ.

ФЕОНА.

О матушка, вы меня въ ужасъ приводите!

Г. Ц. * *

Конечно такъ моя радость, ежели онъ захочетъ, чтобъ мы теперь на этомъ мѣстѣ пропали, то и духъ нашъ не помянется. Однако бояться этого не надобно мои любезныя дѣти. Богъ каковъ всесиленъ, таковъ же и милостивъ и напрасно никого не погубитъ. Но на противъ того надобно только всегда это помнить, и никогда

такимъ великимъ и всемогущимъ Богомъ не шутить. Но вспоминая, коль мы предъ нимъ малы и немощны, его бояться, и отъ часу болѣе почитать, и его слушать стараться надобно.

ФЕОНА.

Конечно сударыня, и я съ сего времени всегда стану объ немъ съ почтенїемъ говорить и мыслить и ему всѣми моими силами угождать, и его послушать стараться.

Г. Ц. **

Сїе тебѣ самой моя любезная въ пользу обратится. И такой человѣкъ, которой о всемогуществѣ и вездѣ-присудствїи божескомъ удостовѣренъ, имѣетъ великїя предъ тѣмъ преимущества, кто сего не знаетъ, или будучи въ томъ не твердо удостовѣренъ, никогда о томъ не мыслитъ.

КЛЕОНЪ.

Какїя же бы это преимущества матушка были?

Г. Ц. ..

Многія мой свѣтъ! и я вамъ скажу только нѣсколько примѣровъ, напримѣръ: первой можетъ здѣсь и на землѣ благополучною, веселою, спокойною и не смущенною жизнію наслаждаться, и сіе скоро себѣ пріобрѣсть. На противъ того другой никогда этого сокровища не найдетъ, но всю свою жизнь въ безпрестанныхъ заботахъ, сумнѣніяхъ, печаляхъ, суетахъ и безпокойствахъ препровождать принужденъ, и никогда прямымъ благополучіемъ наслаждаться не можетъ.

ФЕОНА.

Какимъ же бы это образомъ матушка и отъ чегобъ такъ было?

Г. Ц. ..

А вотъ такимъ моя радость. Ежели человѣкъ о вездѣ-присудствіи, всевѣденіи, всемогуществѣ божескомъ и о прочихъ его совершенствахъ не твердо удостовѣренъ, и живо себѣ всего этого не представляетъ, такой человѣкъ какъ

бы ни старался съ покойнымъ быть; но никогда не будетъ, для того что онъ при случающихся себѣ нуждахъ опасныхъ, или противныхъ случаяхъ, или нещастіяхъ крѣпкой у себя подпоры и такого убѣжища не имѣетъ, въ которое бы ему убѣжать и себя защитить возможно было. Молитвы его, хотя бы онъ напримѣръ и много Богу молился, будутъ худой успѣхъ имѣть, для того что они по большой части съ сомнѣніемъ сопражены. А упованіе и надежда его на Бога очень слаба и ему подпорою служить не можетъ, для того что онъ не будучи о всемогущіи Божескомъ удостовѣренъ, въ полученіи отъ него себѣ помощи сомнѣвается, имѣетъ на него недовѣрку, и многажды нещастія свои такъ великими ставитъ, что и божескую помощь малою и недостаточною противъ ихъ почитаетъ, и отъ того мои любезныя дѣти такіе люди иногда къ совершенное отчаяніе пришедши, въ такую безсмыслен-

смысленность впадаютЪ, что сами себя либо убиваютЪ, или закалываютЪ, или инымЪ какимЪ образомЪ умерщвляютЪ, и чрезЪ то думая отЪ того нещастія избавиться, вЪ вѣчную погибель себя ввергаютЪ.

ФЕОНА.

КакЪ же сударыня, по этому важно о вездѣ присутствіи, всевѣденіи и всемогущіи БожескомЪ удостовѣренымЪ быть? Вы меня сударыня вЪ ужасЪ приводите, расказывая, до какой крайности себя довесть можно, ежели того не помнить.

Г. Ц....

Конечно моя радость важно, а посмотрите какЪ и полезно. Ибо такой человѣкЪ, которой вЪ томЪ удостовѣренЪ, и всегда помнитЪ, что БогЪ и ТворецЪ его не только вездѣ и на всякомЪ мѣстѣ есть, но и все знаетЪ и *всемогущЪ*, на него ужѐ не такЪ какЪ тотЪ уповаетЪ, а и молитва его будетЪ ужѐ усердна и дѣйстви-

тельнѣе. Онъ можетъ жить какъ за каменною стѣною, ничто его устрашить не можетъ. Заботъ и печалей онъ никакихъ большихъ не знаетъ, и въ отчаяніе никогда себя не приведетъ. Нужда ли ему въ чемъ случится, или надобно ли ему, что онъ проситъ того у Бога, и безсомнѣнно вѣритъ, что Богъ ему то и дастъ; ибо знаетъ, что ему все возможно. Бѣда ли, напасть ли, или нещастіе какое ему случится, онъ первое прибѣжище къ Богу принимаетъ, а въ малодушіе и отчаяніе никогда не приходитъ: но знаетъ что Богъ Всесиленъ и его конечно отъ того избавить можетъ, а для того онъ на его помощь и надѣется, а ея Богъ всегда ему и подаетъ. Не случалось ли вамъ мои любезныя дѣти, бывая у тетки вашей Доримены, видать одного не молодаго ужè дворянина, которой не далече отъ ней живетъ и часто къ ней пріѣжжаетъ.

ѲЕОНА.

А! это вы сударыня конечно про господина Б*** говорить

изволите: мнѣ случалося его видать, онъ о прошломъ праздникѣ у нихъ еще былъ.

Г. Ц. * *

Да мое сердце объ немъ. Онъ такимъ образомъ, какъ я вамъ сказывала, все свою жизнь препроводилъ, и можно сказать, что онъ живой примѣръ добродѣтельному и благополучному житію показалъ. Онъ мои любезныя дѣти часто намъ сказывалъ, что твердое и безсомнѣнное удостовѣреніе о вездѣ присутствіи и всемогущіи божескомъ онъ всего на свѣтѣ выше почитаетъ, и говоритъ, что онъ за все свое благополучіе и за всю спокойную жизнь, одному только этому удостовѣренію благодарить долженъ. Мы сами тому свидѣтели, что онъ при бывшихъ ему нещастіяхъ и печаляхъ не только въ малодушіе не впадалъ; но ниже знака, горести и смущенія въ себѣ оказывалъ, но таковъ же спокоенъ и веселъ бывалъ, какъ бы ничего не было и какъ онъ завсегда бывалъ.

ФЕОНА.

По справедливости же великая польза отъ того, стану конечно и я сударыня стараться то же дѣлать. Благополучіе свое мнѣ нужно, для чего же мнѣ того не дѣлать, что ему помогать можетъ.

КЛЕОНЪ.

И все матушка Богъ исполнитъ, очемъ бы я его ни попросилъ?

Г. Ц. * * усмѣхнувшись.

И нѣтъ мой свѣтъ! онъ хотя и все исполнить можетъ, потому что ему ничего не возможнаго нѣтъ. Однако онъ не все исполняетъ, для того что онъ не захочетъ слѣдовать твоимъ дурачествамъ, и то дѣлать, чего ты на примѣръ изъ дурачества и неразсужденія твоего просить у него станешь. Напримѣръ: ты попросишь у него такого чего нибудь, чего ему безъ чуда сдѣлать не возможно, такъ онъ его безъ важной при-

причины и для твоего дурачества конечно дѣлать не станетъ.

КЛЕОНЪ.

А что это такое матушка, чудо? Я хотя и слыхалъ про чудеса, однако я право сударыня не знаю.

Г. Ц.**

Чудомъ мой свѣтъ называется такое приключеніе, которое противъ устроеннаго въ натурѣ порядка сдѣлается. Вамъ надобно знать, что Богъ создавши свѣтъ, опредѣлилъ для всѣхъ приключеній особливой порядокъ, по которому все уже и происходитъ, на примѣръ: каждая тяжелая вещь упадаетъ на землю, по установленному уже такъ порядку въ натурѣ. По этому же порядку и человѣкъ не вдругъ выростаетъ и большимъ дѣлается; но долженъ сперва родиться малымъ, потомъ часъ отчасу выростать, и наконецъ сдѣлаться великимъ. На противъ того, ежели бы такое что нибудь сдѣлалось, что сему порядку

ку противно: то называется чудо, какъ напримѣръ, чтобъ желѣзо стало плавать, или, чтобъ рѣка въ верьхъ потекла. И такія противныя установленному порядку приключенія Богъ хотя любезныя дѣти и можетъ сдѣлать и дѣлаетъ: однако безъ важныхъ причинъ онъ устроеннаго самимъ имъ порядка нарушать никогда не станетъ. И такъ мой другъ, ежели ты захотѣлъ бы у Бога просить, чтобъ сія сухая палочка разцвѣла, или бы солнце еще на часокъ остановилось и вечеръ подолѣ бы продлился; то хотя онъ сіе и можетъ сдѣлать и нѣкогда дѣйствителъно и дѣлалъ; однако для тебя того бы не сдѣлалось, а потому что ты такую прозьбу изъ одного дурачества приносить бы сталъ, а для глупости твоей такому великому дѣлу сдѣлаться конечно не годится.

КЛЕОНЪ.

Да я матушка конечно такой прозьбы и приносить не стану.

Начто мнѣ то чтобъ палочка разцвѣла, или солнце остановилось

Г. Ц. * *

Я знаю мой свѣтъ, что этого ты не станешь требовать, однако и безъ того много есть такихъ вещей и приключеній на свѣтѣ, о которыхъ мы Бога просимъ, а ему того безъ чуда никакъ учинить не возможно, и такихъ-то прозьбъ надобно остерегаться.

ФЕОНА.

Ежели вамъ не въ трудъ: то пожалуйте матушка намъ скажите, какія бы это вещи были?

Г. Ц. * *

А вотъ какія моя радость: Я бы занемогла и лежала при смерти, а по устроенному отъ Бога распоряженію отошло бы ужѐ мое время и мнѣ бы умереть долженствовало; почему ужѐ и въ тѣлѣ моемъ такія перемѣны и движенія давно начались, которыя неминуемо въ назначенное время лишатъ меня жизни. Но вы бы напримѣръ любя меня, и обо мнѣ

жалѣя, стали бы плакать и у Бога просить, чтобъ для васъ мою жизнь еще на нѣсколько лѣтъ продолжилъ: то вы стали бы просить его о учиненіи чуда, потому что ему надлежалобъ ужè въ моемъ тѣлѣ всѣ тѣ перемѣны и движенія силою разрушить, которыя болѣзни моей причиною. И такъ хотя бы онъ сіе и могъ сдѣлать, однако для вашей неблагоразсудительной прозьбы конечно того не здѣлаетъ, потому что вы стали бы этого просить, а не знали бы сами для чего просите. Я думаю вы того не забыли, что я вамъ намнясь сказывала, что мы того отнюдь не знаемъ, что для насъ вредно или полезно. А такимъ образомъ можетъ быть и моя смерть вамъ въ пользу обратится: слѣдовательно вы о пустомъ бы просить стали, а Богъ того и не здѣлаетъ.

КЛЕОНЪ.

А ежели матушка просить бы у Бога, чтобъ онъ мою жизнь

далѣе продолжилъ, здѣлаетъ ли онъ то?

Г. Ц. **

И того не надобно никогда намъ дѣлать, а надобно вамъ себѣ твердо въ память затвердить, что вы не знаете того, что вамъ полезнѣе и что вредительнѣе, а знаетъ про то только Богъ, чего ради вамъ совсѣмъ въ его волю отдавать надобно. Пускай онъ съ вами дѣлаетъ то, что ему угодно, а вамъ о томъ ни мало заботиться не надлежитъ. Онъ ужѐ знаетъ, что для васъ надобно или нѣтъ, или что чего лучше, а по тому и жизнь вашу тогда пресѣчетъ, когда для васъ наиполезнѣе будетъ, и для того не надобно намъ его и о продолженіи жизни своей просить: но до того себя доводить стараться, чтобъ намъ нужды не было, долго ли или коротко мы на семъ свѣтѣ жить станемъ.

ФЕОНА.

О сударыня! мнѣ кажется это очень трудно сдѣлать. Человѣкъ живо-

животолюбивѣ и ему всегда жить хочется. Мнѣ кажется, что тѣмъ бы лучше для меня, чѣмъ долѣе бы я на свѣтѣ жить стала.

Г. Ц. • •

Нѣтъ моя радость, ты обманываешся. Намъ не всегда долговременная жизнь полезна бываетъ, а вотъ для чего намъ и Бога просить о томъ не надобно: ты на примѣръ занемогла бы и боясь умереть, стала бы у Бога просить, чтобъ онъ у тебя жизни не отнялъ, думая въ себѣ что это для тебя будетъ лучше, когда бы ты встала и пожила подолѣе; но Богъ можетъ быть совсѣмъ тому противное думаетъ. Мы не все знаемъ, а онъ Всевѣдущь. Онъ можетъ бы видѣлъ, что ты до того времени никакихъ тяжкихъ грѣховъ не дѣлала, и ему тебя помиловать и милости своей удостоить можно; а впредь можетъ быть онъ бы предвидѣлъ, что сжели ты отъ болѣзни своей освободишся, то въ какое нибудь

будь преступленіе впадешь, или его позабывши беззаконную и злочестивую жизнь весть станешь, и чрезъ то милость его къ себѣ потеряя, до вѣчной погибели себя доведешь, или иное что нибудь тому подобное. То онъ любя тебя и не хотя до погибели допустить, прозьбы твоей и не послушаетъ, а лучше лишитъ тебя скорѣе жизни и здѣлаетъ вѣчно благополучною, нежели послушавъ глупой твоей прозьбы, на краткое время тебѣ удовольствіе, а во вѣки нещастною сдѣлать.

ФЕОНА.

О матушка! я конечно этого не знала, и съ сего времени сударыня не стану о томъ Бога просить; но лучше въ правду все ему поруча, говорить ему буду. Боже мой! дай мнѣ столько жить, сколько для меня полезнѣе и тебѣ угодно, и буде ты видишь, что для меня полезнѣе будетъ, чтобъ я еще нынѣшнимъ годомъ умерла; то и я умереть нынѣшнимъ годомъ

домѣ хочу, лучше мнѣ скорѣе умереть, нежели милости твоей во вѣкѣ лишиться.

Г. Ц. * *

Поцалуй меня моя радость, ты очень разумно это сказала, и я бы хотѣла, чтобѣ ты всегда также думала, какѣ теперь говоришь.

КЛЕОНЪ.

По этому сударыня и о щастіи Бога просить не надобно?

Г. Ц. * *

Конечно моя радость не надобно, а надлежитѣ всегда тѣмѣ быть довольнымѣ, что мы имѣемѣ, и отнюдь того не говорить, для чего я не таковѣ богатѣ и не таковѣ знатенѣ или щастливѣ, какѣ тотъ или другой человѣкѣ. Знайте мои любезныя дѣти, что мы такими словами очень много Бога гнѣвимѣ.

КЛЕОНЪ.

А мнѣ казалося бы, что это безсомнѣнно для меня полезнѣе

бы и лучше было, ежелибъ я богатѣе, знатнѣе и щастливѣе сдѣлался..

Г. Ц. * *

Нѣтъ мой другъ, я давно вамъ ужѐ сказывала, что только такъ думается намъ; а будущаго мы не знаемъ, ты напримѣръ съ малымъ достаткомъ щастливо, весело и спокойно живешь, а съ большимъ достаткомъ сего бы не было. А Богъ можетъ быть видитъ, что ежели тебя богатѣе или знатнѣе сдѣлать, ты въ какое нибудь большое нещастїе впадешь, и жизнь твоя такъ огорчится, что ты себѣ самъ не радъ будешь, или, напримѣръ: ты впадешь въ пороки и чрезъ то вѣчнаго блаженства лишишся. Богъ мои любезныя дѣти все знаетъ. Онъ знаетъ что мы сталибъ тогда дѣлать, когда бы богатѣе, или знатнѣе были, а вѣдаетъ и то, какїя и слѣдствїя отъ того произойдутъ. А такимъ же образомъ онъ знаетъ, что мы станемъ дѣлать, ежели въ прежнемъ

состоянїи

состоянiи останемся, или еще бѣднѣе, или скуднѣе будемъ, а потому онъ обстоятельства наши такъ и учреждаетъ. Изъ сего можете вы теперь и о томъ разсудить; для чего многíе, богобоязливые и добродѣтельные люди гораздо и бѣднѣе и нещастнѣе порочныхъ и беззаконныхъ живутъ. Для того что для нихъ бѣдная жизнь лучше нежели большой достатокъ и имѣнiе. И для сихъ причинъ надобно всегда и довольнымъ быть въ какомъ бы мы состоянiи ни находились, и щастливыль, или нещастливы мы былибъ. Разумные люди по справедливости такое состоянiе и истиннымъ благополучiемъ почитаютъ, когда человѣкъ всѣмъ доволенъ. И до того себя разными способами доводить.

ФЕОНА.

Пожалуйте сударыня мнѣ скажите, какiе бы это разные способы были, чрезъ которые себя до того довесть можно, чтобъ всѣмъ до-

довольнымЪ быть, мнѣ думается, что это многаго труда стоитЪ.

Г. Ц. * *

ЭтихЪ способовЪ много мои любезныя дѣти, и я обЪ нихЪ вамЪ при другомЪ случаѣ раскажу; а теперь ужѐ поздно, и такЪ скажу я вамЪ только что однажды отЪ господина Б. * * * слышала. ОнЪ сказывалЪ намЪ, какЪ онЪ себя до того доводилЪ. ОнЪ употреблялЪ кЪ тому одни только размышленія и безпрестанно себѣ представлялЪ, что мы ничего собственнаго не имѣемЪ, а все намЪ отЪ Бога дано, и все его, а не наше, и дано и дается намЪ отЪ него даромЪ безЪ всякой нашей заслуги; а изЪ одной милости. А такимЪ образомЪ размышляя самЪ себѣ, говаривалЪ, для чего мнѣ тѣмЪ довольнымЪ не быть, что мнѣ дано а на то досадовать, для чего не дано болѣе мнѣ, и то даромЪ дано, что у меня есть, а сЪ какой же стати требую я больше того? НѣтЪ, я лучше стану

за то Подателя благодарить, и милостію его всегда довольствоваться, а такой глупости никогда не дѣлать, чтобъ за его же добро, да на него же и досадовать. Онъ воленъ дать кому сколько хочетъ. Мнѣ ему указать не можно: вотъ какимъ образомъ сей разумной дворянинъ самъ себѣ говаривалъ, а чрезъ самое то любезныя дѣти онъ себя до такого состоянія и довелъ, истинно щастливую жизнь препровождаетъ.

ФЕОНА.

Это бы матушка и не многаго труда стоило, и я бы съ радостію то же дѣлать стала, естьлибъ я чрезъ то спокойною и довольною сдѣлалась.

Г. Ц. **

Конечно не многаго моя радость; а особливо, ежели разумныя притомъ мѣры предпринимать: но время намъ ужѐ итти любезныя дѣти, ужѐ темно становится.

КЛЕОНЪ.

Благодарствуемъ матушка, что вы для насъ столько трудитесь. Мнѣ ваша наука отъ часу пріятнѣе становится.

РАЗГОВОРЪ IX.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц.** и ея дѣтьми.*

КЛЕОНЪ увидѣвъ сестру вошедшую въ садъ, въ которомъ онъ уже былъ.

Что вы такъ долго не бывали сестрица?

ФЕОНА.

Матушка не знаю какое-то письмо получила, а за нею и я замѣшкалась: однако скоро будетъ.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня васъ уже давно здѣсь дожидаюсь и все ходилъ и размышлялъ. Я напоминалъ сестрица, что матушка вчера,

третьяго дня и прежде расказывать изволила, и удивлялся самъ себѣ, что какъ много я теперь ужѐ предъ прежнимъ знаю, а особливо о Богѣ. Я, такъ сказать, сестрица, ничего прежде не зналъ.

ФЕОНА.

И я братецъ также, а хотя и слыхала нѣкогда сіи слова̀, что онъ Всесиленъ, Всемогій и Вездѣсущій: однако, чтобъ это собственно такое было, о томъ никогда и на умъ мнѣ не приходило подумать. Теперь хотѣлось бы мнѣ матушку спросить, что такое *Всеблагій Богъ*, которое слово мнѣ не понятно: хотя я его часто читывала въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Вѣть благое называется у насъ худое, напримѣръ говоримъ, куда какой благой робенокъ.

КЛЕОНЪ.

Это ты правду говоришь сестрица, я самъ этого не понимаю. Однако надобно чему нибудь только

ко не худому быть. Помнишь ты, матушка намъ сказывала, что въ немъ ничего худаго нѣтъ?

ФЕОНА.

Кстати ты сїе сказалъ братецъ. А я хотѣла тебя спросить, каковъ тебѣ нашъ Богъ кажется, а я часъ отчасу болѣе къ нему почтенїя получаю. Прежде сего говаривала я о Богѣ безъ всякихъ мыслей. На всякомъ часу бывало нѣсколько разъ Бога назовешь, а никогда объ немъ и не подумаешь. А теперь братецъ ужѐ я сама на себя досадую, когда проговорюсь и упомяну имя божїе изъ легкомыслїя, или между шутками, какъ-то у насъ и первое. Вотъ тебѣ Богъ порукою, ей Богу, дай Богъ и прочее, и стараюсь чтобъ мнѣ того ужѐ не дѣлать; но Бога воспоминать всегда со страхомъ и почтенїемъ.

КЛЕОНЪ.

Не льзя и не такъ сестрица! а особливо когда вспомнить, что онъ вездѣ и Всемогущъ. Повѣрьте

те сестрица, я въ такой трепетѣ прихожу иногда отъ размышленія, что остановясь замолчу, и не смѣю ничего промолвить, а отъ того что думаю, что стою предъ такимъ великимъ Богомъ, и не вѣдомо какъ тому радъ, что теперь ужѐ гораздо больше прежняго знаю.

ФЕОНА.

Намъ за то матушку благодарить должно.

КЛЕОНЪ.

Да еще я тебѣ сестрица скажу, что мнѣ господинъ Б.** полюбился. Ему надобно весьма разумному человѣку быть, и ежели увижу я его у тетушки; то постараюсь вступить съ нимъ въ разговоры и коротче съ нимъ познакомиться. Знаешь ли сестрица, я давича случай имѣлъ въ нѣкоторомъ случаѣ ему послѣдовать и удостовѣриться въ томъ, что матушка вчера намъ сказывать изволила. Былъ я сударыня на голубятнѣ, и смотрѣлъ своихъ

ихъ голубей, есть у меня одинъ голубь очень хорошъ, и такъ хорошъ, что его я больше всѣхъ люблю. Но что же сестрица здѣлалось, Не успѣлъ я сойти съ голубятни, какъ гдѣ ни взялся ястребъ, и у меня его задралъ. О какъ мнѣ его жаль было! повѣришь ли сестрица, чуть было я не заплакалъ. Но вдругъ и не чаяннымъ образомъ вспомнилось мнѣ, что матушка намъ сказывала, какъ въ такомъ случаѣ поступать, и мнѣ равно какъ кто на ухо шепнулъ, чтобъ я отвѣдалъ слѣдовать ея наставленіямъ. Тотчасъ я сестрица остановился и самъ себѣ сказалъ: чтожъ я такъ о семъ печалюсь. Голубь сей вѣть не мой былъ, а далъ мнѣ его Богъ, и онъ былъ божій, а ему угодно было у меня опять отнять. Онъ велѣлъ ястребу прилетѣть и у меня его задрать. Чтожъ мнѣ это досадно? Богъ и надомною можетъ все здѣлать. Симъ образомъ началъ, сталъ я далѣе размышлять и вспоминать все то, что матушка говорила. И

ты не повѣришь сестрица, что я о голубяхъ совсѣмъ ужѐ позабылъ. Теперь самъ себѣ дивлюсь, что мнѣ не жаль его, а жаль было только тогда, когда о томъ я размышлялъ, и вся трудность была съ начáла, когда я начиналъ думать. Но ахъ! сестрица, вотъ и матушка.

Г. Ц. * * вышедъ изъ боковой алеи, гдѣ идучи она послѣднiй разговоръ Клеоновъ слышала.

Ты очень хорошее дѣло мой другъ здѣлалъ, и видишь теперь самъ, не правда ли моя, что я вамъ сказывала, что только при началѣ вся трудность? А такъ любезныя дѣти и при всякихъ печаляхъ и противныхъ случаяхъ поступать надобно. Печали наши болѣе отъ того велики и несносны намъ бываютъ, что мы отдаемся имъ въ волю и сами себѣ въ такомъ случаѣ помóчь ни мало не стараемся; а ежели бы поступали по извѣстнымъ въ такомъ случаѣ прáвиламъ, то и въ поло-

половину бы та печаль не такова была велика.

ФЕОНА.

Ежели не вЪ трудЪ: то пожалуйте сударыня скажите мнѢ, какія же бы то были прáвила, мнѢ кажется они очень нужны.

Г. Ц. . .

Конечно нужны моя радость: но жаль что ихЪ много и мнѢ всѢ ихЪ теперь пересказывать будетЪ сЪ лишкомЪ долго, а перескажу то при другомЪ случаѢ. Однако чтобЪ тебя удовольствовать; то скажу тебѢ хотя обЪ одномЪ примѢчанія наидостойнѢйшемЪ. Сіе прáвило состоитЪ только вЪ томЪ, что намЪ вЪ такомЪ случаѢ тотчасЪ стараться надобно о томЪ не думать, а думать что нибудь другое и тому противное. Вы услышите и увидите сами то послѢ обстоятельнѢе, для чего сіе надобно, когда я вамЪ о томЪ расказывать буду, какимЪ образомЪ все вЪ душѢ нашей происходитЪ. А теперь только скажу,

что печаль наша болѣе отъ того велика, что мы безпрестанно о той вещи, которая напримѣръ у насъ пропала, думаемъ, и вспоминаемъ какъ она хороша, какъ намъ мила была и прочее. А это-то и бѣда въ такомъ случаѣ. Отъ того не чувствительно умножается жалѣніе, которое насъ до слезъ и горести доводитъ. А надобно совсѣмъ тому противное дѣлать, или бы вовсе о томъ позабыть стараться. И какъ скоро мысль въ головѣ о томъ появится, ея скорѣе какою нибудь другою мыслію заглушать: либо нарочно о той же вещи да съ противной стороны думать, напримѣръ: вспоминать всѣ ея недостатки и погрѣшности, и чѣмъ она худа была; а всего лучше, ежели взять прибѣжище свое къ Богу и мыслить о немъ какъ давича Клеонъ мыслилъ. А притомъ и то себѣ представлять, что та вещь не такая была, чтобъ она во вѣки пропасть не могла, а когда бы нибудь ей пропадать, и прочее тому подобное.

Феона

ФЕОНА.

О сударыня, какъ это надобно? Я сама теперь вижу, что печаль болѣе отъ того дѣлается, что мы безпрестанно о томъ думаемъ. Опамнясь облила я нечаянно чернилами ленточку. Я все объ ней думала и весь день мнѣ ее жаль было, и я тужила. А на другой день какъ я ее схоронила, и объ ней болѣе не думала, то и туженье все пропало.

Г. Ц. **

Я бы вамъ любезныя дѣти еще болѣе о семъ случаѣ расказала, но мнѣ теперь не досужно. Получила я письмо изъ города, и мнѣ завтра или послѣ завтра надобно со двора будетъ ѣхать, и я не знаю, не проѣду ли я въ городъ, и не проживу ли тамъ дни два или болѣе. А мнѣ хотѣлось между тѣмъ достальное, что осталось вамъ еще знать о Богѣ, расказать, чтобъ пріѣхавши оттуда намъ ужѐ о чемъ нибудь другомъ начать свои разговоры.

ФЕОНА.

Да развѣ вы матушка еще не все намъ о Богѣ расказать изволили?

Г. Ц.**

О нѣтъ моя радость! я вамъ описала только его Существо и начальнѣйшія свойства и совершенства; а хотя сіе и наиглавнѣйшимъ почесться можетъ; однако есть еще нѣкоторыя его свойства, о которыхъ я вамъ еще не расказывала. Правда, хотя мы ужè и много кое чего касающагося до нихъ при случаяхъ упоминали, однако вамъ не обходимо надобно знать ихъ подробно тѣмъ паче, что они великаго примѣчанія достойны; а особливо надобно вамъ вѣдать причины; почему Богъ всѣ оныя свойства и совершенства имѣетъ, дабы послѣ вы ужè никакого сомнѣнія не имѣли.

КЛЕОНЪ.

Извольте сударыня, мы съ радостію будетъ слушать.

Г. Ц. **

По сїе время расказывала я вамъ любезныя дѣти вообще о Существѣ и начальнѣйшихъ его свойствахъ и совершенствахъ, а именно о томъ, что онъ духовное, живое, великое, вездѣсущее, самобытное, вѣчное, не премѣнное, всевѣдущее и всемогущее Существо, а теперь раскажу вамъ о томъ его совершенствѣ, которое извѣстно подъ именемъ *премудрости* божеской.

КЛЕОНЪ.

О какой же это еще премудрости божеской вы изволите говорить? Мнѣ кажется мы о томъ сударыня третьяго дня говорили.

Г. Ц. **

О нѣтъ мой другъ! Мы говорили только вообще о его разумѣ и о его всевѣденїи, которое не надобно никогда смѣшивать съ премудростїю. Правда, сїе свойство проистекаетъ ужѐ изъ всесовершенства божескаго и изъ безконечнаго величества его

разума; однако совсѣмъ другое значитъ, нежели всевѣденіе. Всевѣденіе его состоитъ въ томъ, что онъ обо всѣхъ вещахъ и дѣлахъ и не только дѣйствительно бывшихъ, настоящихъ, или впредь быть имѣющихъ; но и самыхъ возможныхъ, или такихъ, которыя въ такомъ или иномъ случаѣ моглибъ произойти, наисовершеннѣйшее имѣетъ свѣденіе или знаніе. А премудрость его на противъ того состоитъ въ томъ, что онъ всѣ свои дѣла̀ наипремудрѣйшимъ, то есть, наилучшимъ, совершеннѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ образомъ всегда распоряжалъ и производилъ въ дѣйство: нынѣ распоряжаетъ и впредь распоряжать и въ дѣйство производить будетъ, и ни въ чемъ никакой погрѣшности и ошибки не дѣлалъ и не дѣлаетъ. Сіе его совершенство ничто такъ хорошо не доказываетъ, какъ устроеніе созданнаго имъ сего свѣта. Вы не повѣрите любезныя дѣти, что всѣ вещи въономъ и вся

связь и все распоряженіе между оными такъ премудро, такъ хитро, такъ искусно и съ такимъ премудрымъ разсмотреніемъ и преудивительнымъ порядкомъ здѣлано, что тому никакъ довольно надивиться не возможно. А многія вещи такъ мудрено устроены, что никакой человѣческой умъ постигнуть ихъ не можетъ. Послѣ ежели мы станемъ о томъ говорить, такъ вы сами то увидите, и въ томъ признáетесь, и тогда-то только можно сказать, что вы прямо узнáете, сколь велико и безконечно премудро то Существо, которое сей свѣтъ создало и въ бытіе привело. Чего ради я теперь много о томъ и говорить не буду, а коротко вамъ скажу, что по сей безконечной своей премудрости онъ какъ при созданіи міра ниодной и самой последней вещи и никакого распорядка напрасно и по пустому не произвелъ и не здѣлалъ; но всѣ вещи наилучшимъ образомъ соотвѣтствуютъ другъ другу,

и каждая изъ нихъ назначена къ чему нибудь, и имѣетъ причину, для чего она такъ, а не инакъ у-строена, или распоряжена, такъ и по сотворенiи онаго управлялъ и управляетъ онъ имъ наипрему-дрѣйшимъ и наипопечительнѣй-шимъ образомъ, и такъ какъ луч-те управлять ни коимъ образомъ не можно. Самое сiе и причиною тому, что ничто въ свѣтѣ безъ его соизволенiя и попущенiя не дѣлается и не происходитъ. Онъ же любезныя дѣти безъ прему-дрѣйшаго разсмотренiя ни на что не соизволяетъ, и безъ того ниче-му происходить не попущаетъ, чтобъ тому какой нибудь важной и довольной причины не было.

ФЕОНА.

Да какъ же сударыня, мнѣ слу-чалось слыхать, что въ свѣтѣ много есть безпорядочнаго, излишняго и такого, безъ чегобъ по видимому можно было и обой-тись?

Г. Ц. * *

О нѣтъ моя любезная! Это слыхала ты отъ такихъ людей, которые не пра́вильно разсуждаютъ, или однимъ наружнымъ видомъ обманываются. Въ самомъ же дѣлѣ, буде что и безпорядочно и излишнимъ намъ кажется, такъ это происходитъ отъ того, что мы всего въ тонкость разсмотрѣть не въ состоянiи, такъ же что не можемъ усматривать тѣхъ причинъ, о которыхъ я упоминала, и предвидѣть тѣхъ слѣдствiй, какiя изъ того со временемъ проистекутъ, и ту надобность для которой то было надобно. Однимъ словомъ, любезныя дѣти, вамъ надобно твердо удостовѣреннымъ быть, и никогда не позабывать той великой истинны, что *Богу не возможно ничего по пустому или напраснаго дѣлать*, а все дѣлалъ и дѣлаетъ онъ для какой нибудь причины.

ѲЕОНА.

Очень хорошо сударыня, однако желалабъ я, чтобъ вы пожалова-

ловали изъяснили намъ сіе еще какимъ нибудь образомъ.

Г. Ц. **

Изрядно моя радость, я тебѣ сіе какимъ нибудь примѣромъ растолкую, напримѣръ: Вотъ стоитъ у насъ ужѐ долго хорошая и сухая погода. Многіе жалуются ужѐ что все засохло и дождя желаютъ; однако они говорятъ сами не знаютъ что, въ самомъ же дѣлѣ сіе ведро не безъ причины, и можетъ быть для нашей же пользы. Богъ конечно ужѐ лучше нашего знаетъ, для чего теперь оно, а не ненастье, и ему намъ указывать не годится. Помните ли вы, какъ прошлаго года выпалъ у насъ о Тройцынѣ дни снѣгъ. Всѣ испужались, и думали что хлѣбы замерзнутъ; а послѣ увидѣли сами, что снѣгъ сей былъ не безъ причины. Подъ кореньями у хлѣба завелось премножество червей, и они всѣ отъ снѣга и стужи подохли, и такъ слюбился самимъ намъ этотъ снѣгъ. А такимъ образомъ любезныя дѣти и всѣ

дѣ-

дѣлается, и намъ не надобно никогда гнѣвить Бога, и говорить, для чего сіе такъ, а не инакъ. Однимъ словомъ: Богъ все дѣлаетъ для причины, и мы сихъ причинъ только не знаемъ и не всегда ихъ усматриваетъ.

КЛЕОНЪ.

Не прогнѣвайтесь матушка, что я у васъ еще одно слово спрошу. Вы сударыня изволили намъ сказывать, что Богъ Всемогущъ, а когда онъ все можетъ сдѣлать: то почему же бы не возможно ему было чего нибудь по пустому сдѣлать? Онъ вѣть воленъ дѣлать что изволитъ.

Г. Ц. * *

Такъ мой свѣтъ, Богъ Всемогущъ и можетъ все сдѣлать. Однако сіе о такихъ дѣлахъ говорится, которыя его совершенствамъ не противны. А ежели по пустому что нибудь сдѣлать, такъ это будетъ не согласно съ его совершенствами, а такого ничего Богъ сдѣлать не можетъ,

для того что онъ Всесовершеннѣйшее Существо.

ФЕОНА.

Мнѣ сударыня это какъ то не понятно, и я желала бы, чтобъ вы намъ такъ же какимъ нибудь примѣромъ изъяснили.

Г. Ц. • •

Изволь моя радость, я вамъ расказывала, что Богу не обходимо надобно быть Всесовершеннѣйшему и такому Существу, въ которомъ бы никакого несовершенства не было. Слѣдовательно надобно и всѣмъ его свойствамъ таковымъ же всесовершенным и безконечнымъ быть, каковъ онъ самъ совершенъ и безконеченъ; а въ томъ числѣ и разуму и могуществу его; почему мы называли его Всевѣдущимъ и Всемогущимъ. Ну, положимъ же теперь, чтобъ онъ что нибудь по пустому здѣлалъ, и посмотримъ что изъ того выдетъ. Возьмемъ себя въ примѣръ, что мы многое чего напраснаго и по пустому дѣла-

дѣлаемъ. Это дѣлается ни отъ чего инаго какъ отъ того, что нашъ разумъ не всесовершенъ и сила не всемогуща. Не говоримъ ли мы часто испортивши или не здѣлавъ какого дѣла, что мы напрасно трудились, и того-то да того напередъ не предвидѣли и не сдѣлали? И не отъ того ли произошла пословица, что мы всегда заднимъ умомъ? А не доказываетъ ли сіе, что у насъ разума довольно не было, чтобъ все предусмотрѣть, что тому дѣлу помѣшательства сдѣлаетъ, или мы не могли всего того отвратить? Или не дѣлаемъ ли много кое чего въ надеждѣ, что оно будетъ служить къ желаемой пользѣ, а послѣ усматриваемъ, что оно не годится, и той пользы намъ не приноситъ, чего ради то опять и бросаемъ? И не доказываетъ ли сіе равномѣрно несовершенства нашего разума, и не то же ли и въ семъ случаѣ выдетъ, что мы не могли предусмотрѣть, будетъ ли отъ того дѣйствительно

но то дѣйствіе, для котораго мы то назначиваемъ.

КЛЕОНЪ.

Конечно такъ матушка, я самъ часто много кое чего порчу, а послѣ самъ о томъ тужу, что предосторожности не взялъ и по пустому трудился. Ономнясь вздумалось мнѣ картинку и человѣка нарисовать; однако часа четыре я писалъ; но не могъ нарисовать, и такъ бросилъ.

Г. Ц. * *

Это стало что ты не умѣлъ, и твоего разума не доставало. А то же самое и въ разсужденіи Бога любезныя дѣти. Ежели бы онъ напримѣръ что нибудь по пустому или напрасно здѣлалъ; то стало что либо разума его не доставало предусмотрѣть, что то не надобно, или не возъимѣетъ своего дѣйствія и будетъ тщетно, либо не было столько силы, чтобъ такъ здѣлать; дабы та вещь для чего нибудь была, а не даромъ, и не было бы никакихъ

ей

ей помѣшательствѣ. А какъ о Богѣ сего сказать, и ему такого несовершенства приписать никакъ не можно: то и слѣдуетъ само собою, что ему ничего напраснаго, тщетнаго и по пустому здѣлать не можно.

ФЕОНА.

Теперь сударыня я ужè поняла, и сама вижу что Богу ничего по пустому сдѣлать не можно. Сіе въ самомъ дѣлѣ было бы не согласно съ его совершенствомъ.

КЛЕОНЪ.

А я сестрица теперь и тѣ червяки вспомнилъ, о которыхъ помнишь ты говорила ономнясь со мною. Мы еще не знали, для чего бы они на свѣтѣ были, а по этому и они для чего нибудь Богомъ сдѣланы: хотя намъ такъ и кажется что они не надобны.

Г. Ц. * *

Конечно для причины моя радость, и сія причина только намъ не коротко извѣстна. А такимъ образомъ надобно вамъ любезныя

дѣти

дѣти и всякой разъ заключать, я какъ скоро что нибудь и чтобъ такое ни было, покажется вамъ самимъ въ свѣтѣ безпорядочно, или излишно: то вы тотчасъ приводите сіе себѣ на память, и не отваживайтесь отнюдь судить и рядить дѣла̀ толь великаго и безконечнаго Существа, предъ которымъ мы всѣ прахъ и ничто. Помните всегда, что вашъ разумъ предъ разумомъ и премудростію божескою ничто есть, и что между ими никакого сравненія сдѣлать не можно. Слѣдовательно умъ вашъ далеко ужѐ къ тому не способенъ, чтобъ могъ разбирать и пересуживать дѣла̀ безконечною премудростію произведенныя и нынѣ производимыя. И потому въ такихъ случаяхъ не только сами тотчасъ заключайте, что весь мнимой безпорядокъ кажется вамъ отъ того, что вы во всю связь вещей не проникаете, и не знаете всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ произшествій въ свѣтѣ. Такъ равно когда и

другихъ подобное тому говорящихъ и дѣла божескія пересуживающихъ услышите: то на мнѣнія ихъ не полагайтесь и ихъ мнѣніямъ не слѣдуйте: но тотчасъ заключайте, что то дѣло конечно въ самомъ дѣлѣ какимъ нибудь образомъ, да не такъ какъ они говорятъ, и что всѣ ихъ разсужденія происходятъ отъ такогожъ невѣденія и недостатка въ вникновеніи, и что и имъ столь же не надлежало дерзать пересуживать дѣла и правленіе такого великаго Господа, у котораго небо и земля и самое ихъ дыханіе во власти, и которой ихъ безконечно премудрѣе и знающѣе.

КЛЕОНЪ.

Слушаемъ сударыня, и я вѣрно всегда это буду помнить.

Г. Ц. * *

Но сего довольно на первой случай о премудрости божеской. Впередъ наговоримся мы о томъ довольно; а теперь пойдемъ любезныя дѣти далѣе, и поговоримъ

еще объ одномъ свойствѣ божескомъ, которое на томъ же совершенствѣ имѣетъ свое основаніе.

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня.

Г. Ц. **

Скажите мнѣ любезныя дѣти, можетъ ли тотъ назваться совершеннымъ, кто бы на примѣръ доброе не любилъ, а любилъ бы напротивъ того худое? Вѣть сіе великое бы несовершенство было.

КЛЕОНЪ.

Конечно сударыня, объ этомъ никто спорить не можетъ.

Г. Ц. **

А когда это несовершенство, то можетъ ли оно быть въ Богѣ? Нѣтъ, скажите вы, а это и въ самомъ дѣлѣ такъ, а потому и знайте любезныя дѣти, что совершенство божеское уже то съ собою приноситъ, что ему доброе не обходимо всегда любить, а худое не любить надобно, и помните, что сіе его свойство собствен-

но

но называется *Святость* или *Святыня*: хотя сіе слово иногда и въ другомъ разумѣніи употребляется.

ФЕОНА.

Такъ то-то называется *Святость*?

Г. Ц.**

Сіе-то моя радость, и вамъ не менѣе примѣчать и притомъ всегда помнить и знать надобно, что Богу, какъ Всесовершенному Существу, всякое зло и всякое дурное дѣло, не можетъ никоимъ образомъ пріятно, такъ какъ на противъ того всякое доброе и хорошее дѣло противнымъ быть. И что сіе самое причиною тому, что онъ хочетъ, и намъ повелѣваетъ, чтобъ и мы всегда дѣлали и любили дѣла̀ добрыя, къ которымъ онъ имѣетъ благоволеніе; а отъ всякаго зла имѣлибъ отвращеніе, а того меньше худыя и злыя дѣла̀ сами дѣлали, и самимъ тѣмъ ему уподоблялись.

ФЕОНА.

Вотъ сударыня для чего. О! такъ стану же я о томъ во всю мою жизнь стараться.

Г. Ц. * *

Ты не худое, а очень хорошее дѣло здѣлаешь, и я бы совѣтовала тебѣ къ тому себя не только симъ, но и мнѣніемъ о *правосудіи* божескомъ побуждать.

КЛЕОНЪ.

Да вы матушка о правосудіи божескомъ еще намъ не изволили сказывать. Что это такое, развѣ и это свойство божеское?

Г. Ц. * *

Конечно свойство, и свойство такое, о которомъ теперь я стану вамъ сказывать, и которое особливаго примѣчанія достойно; почему надобно вамъ любезныя дѣти съ особливымъ вниманіемъ объ ономъ слушать.

ФЕОНА.

Извольте сударыня.

Г. Ц. * *

Свойство сіе проистекаетъ изъ того же всесовершенства божеска-

го.

го. Ибо какъ Существо сіе наисовершеннѣйшее, то натурально надобно ужè ему между прочимъ быть и правосуднѣйшему, и такому, которое никому и никакой неправды, лицемѣрія и неправосудія сдѣлать не можетъ, что было бы въ немъ великое и такое несовершенство, какого ему имѣть никакъ не можно. Сіе правосудіе состоитъ наиболѣе въ томъ, что онъ наисправедливѣйшимъ образомъ всѣ наши дѣлà цѣнитъ, и достойныя наказанія наказываетъ. Ибо надобно вамъ любезныя дѣти знать, что какъ мы созданы имъ свободными; то есть, такими созданіями, чтобъ могли мы не принужденно и не по неволѣ, а сами собою и произвольно, всякія дѣлà какъ добрыя, такъ и худыя дѣлать и производить, и къ добрымъ онъ насъ не силою и не неволею принуждаетъ, а хочетъ и требуетъ, чтобъ мы самопроизвольно и изъ единаго къ нему послушанія добрыя и такія дѣлà дѣлали, которыя ему угодны; то

и сдѣлались чрезъ то мы съ одной стороны способными къ полученію за нихъ отъ него награжденія; а въ противномъ случаѣ, то есть, когда не похотимъ сему великому нашему Господу повиноваться: но станемъ ослушаться и дѣлать не то, что онъ повелѣваетъ; а то, что онъ именно запрещаетъ, сдѣлались способными къ полученію за то достойнаго наказанія. Сіе слѣдуетъ ужѐ само собою и столь не обходимо, что Богу ужѐ никакъ не можно насъ за всякое доброе дѣло не наградить, а за худое не наказать, потому что онъ въ противномъ случаѣ былъ бы не правосуденъ, какимъ ему быть не можно.

КЛЕОНЪ.

Вотъ сударыня ажно это почему.

Г. П..

Потому-то мой свѣтъ, и сіи то награжденія и наказанія производитъ онъ наисправедливѣйшимъ и правосуднѣйшимъ образомъ. Ибо какъ по всевѣденію своему знаетъ онъ наиточнѣйшимъ образомъ, сколь велико всякое наше доброе,

или

или худое дѣло, то и награждаетъ и наказываетъ онъ ихъ по мѣрѣ доброты или худобы оныхъ, а особливо, что до наказаній касается. Ибо, что принадлежитъ до награжденій, то святымъ его свойствамъ ни мало не мѣшаетъ кого нибудь и болѣе изъ милости наградить, нежели чего онъ достоинъ; буде то угодно ему станетъ, а наказать кого болѣе нежели сколько онъ заслужилъ и достоинъ. Онъ для сего своего совершенства никакъ не можетъ; ибо въ семъ случаѣ былъ бы онъ не правосуденъ и несправедливъ, какимъ ему быть никакъ не можно.

ѲЕОНА.

О сударыня! по этому сіе свойство божеское великую составляетъ для насъ важность.

Г. Ц. **

Конечно моя радость, и я вамъ сіе еще давича сказывала, а и теперь повторю, что вамъ сіе не отмѣнно помнить и притомъ твердо удостовѣреннымъ быть надобно, что никакое доброе наше дѣло, каковобъ мало оно ни

было, не можетъ остаться безъ награжденія; а злое и худое безъ наказанія, и сіе простирается такъ далеко, что самыя по видимому ничего не значащія наши добрыя и Богу угодныя дѣла вѣрно наградятся, а злыя накажутся. Повѣрите ли, что въ самомъ такомъ случаѣ, когдабъ шли вы напримѣръ по дорогѣ, и нашлибъ больного человѣка, лежащаго при ручьѣ, и которой бы не могъ самъ встать и напиться, и онъ сталъ бы васъ просить, чтобъ вы почерпнувъ воды, ею его напоили, и вы сіе толь малое и ничего не значащее одолженіе ему здѣлалибъ: то и сіе не осталось бы никакъ безъ награжденія.

ФЕОНА.

О какъ велико правосудіе и милость божеская!

Г. Ц. **

Конечно велика, но надобно знать, что и въ разсужденіи наказаній онъ таковъ же правосуденъ: и хотябъ худое дѣло очень ма-

мало было, и мы бы его самою безделицею почитали; однако и тут оно безъ наказанія остаться не можетъ. Однимъ словомъ, по сему правосудію своему онъ не можетъ намъ никакой вины отпустить, но всякую наказать долженъ.

КЛЕОНЪ.

Да какъ же матушка?... Но добро, извольте говорить, я послѣ спрошу.

Г. Ц. * *

Знаю мое сердце, о чемъ ты спрашивать хочешь: ты послѣ о томъ и услышишь, а теперь надобно вамъ знать, что сколь награжденія божескія для насъ бываютъ велики, такъ на противъ того и наказанія его чрезвычайно страшны и тяжелы. Ибо какъ всякое наказаніе бываетъ за вину, а вина̀ тѣмъ больше, чѣмъ больше тотъ, предъ кѣмъ ее сдѣлаешь, а дѣлаемъ мы ихъ предъ великимъ и безконечнымъ Богомъ: то слѣдуетъ изъ того, что и имъ

надобно чрезвычайно великимъ и столь безконечнымъ быть, каковъ самъ Богъ безконеченъ.

ФЕОНА.

О сударыня, какъ это страшно!

КЛЕОНЪ.

Что касается до меня, то мнѣ какъ-то сіе удивительно, и я какъ-то не очень сіе понялъ, не можно ли матушка растолковать мнѣ сіе яснѣе?

Г. Ц. * *

Я тебѣ лучше изъясню сіе примѣромъ. Напримѣръ: ежели бы скотница наша ударила безъ всякой причины другую бабу по щекѣ, вѣть она виновата была бы и заслужила себѣ наказаніе? Но естьлибъ она не бабу, а пришедъ сюда въ хоромы, ударила въ щоку твою маму, которая у насъ управляетъ домомъ, что, равналь бы ея вина была, или нѣтъ?

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ сударыня, она бы болѣе провинилась.

Г. Ц.

Г. Ц. * *

А ежели бы еще и не маму, а прямо меня, Госпожу свою, въ рожу ударила, болѣе ли бы ея вина была, и стольколь же ея наказать бы надлежало, сколько за то, естьлибъ она свою сестру такуюжъ бабу ударила?

КЛЕОНЪ.

О нѣтъ матушка, ея бы гораздо больше тогда наказать надлежало.

Г. Ц. * *

Да почемужъ бы такъ мой свѣтъ? Вѣть она равное бы дѣло сдѣлала, и какъ ту, такъ и меня, только въ щоку ударила, слѣдовательно и наказанію надлежало бы быть равному.

КЛЕОНЪ.

Того я не знаю почему, только воля ваша, ея надобно бы больше наказать.

Г. Ц. * *

Это правда мой другъ: я тебѣ скажу и причину тому. Въ первомъ бы случаѣ провинилась

она предъ равною себѣ бабою, къ которой она никакимъ особливымъ почтенiемъ не была обязана; а во второмъ предомною, а я нея больше: слѣдовательно и наказанiю надобно быть больше, а ежели бы провинилась она предъ такимъ, кто бы еще больше меня былъ; то бы и того еще больше наказанiю быть должно. А такимъ образомъ должно и о проступкахъ противъ Бога и о наказанiяхъ заключать.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! теперь вижу я, почему наказанiямъ надобно быть великимъ и безконечнымъ. Но еще хотѣлось мнѣ матушка у васъ спросить объ одной вещи, а именно: какимъ же образомъ Богъ, когда и чѣмъ наказываетъ насъ?

Г. Ц. **

О мой другъ, сей пунктъ также великаго примѣчанiя достоинъ. Вамъ надобно знать и не менѣе сiе всегда помнить, что Богъ въ разсужденiи награжденiй

и наказаній поступаетъ наипремудрѣйшимъ и не всегда одинакимъ образомъ. По святымъ своимъ и намъ неисповѣдимымъ судьбамъ иногда снисносылаетъ онъ намъ оныя въ самую нынѣшнюю жизнь, а иногда и по большей части оставляетъ оныя до того времени, когда мы вступимъ въ будущую и прямо настоящую нашу жизнь. И когда по ученію Христіанскаго закона общій всѣмъ дѣламъ разборъ и судъ будетъ. Да и въ самой нынѣшней жизни иногда награжденія и наказанія послѣдуютъ очень скоро и почти очевидно, а иногда долгое время спустя, и тогда когда ему за благо разсудится. Наконецъ самыя сіи награжденія и наказанія бываютъ въ здѣшней жизни не одинакія: но различныя и такія, какими Богъ кого наградить или наказать за лучшее признаетъ. И потому инаго награждаетъ и наказываетъ онъ тѣмъ, другаго инымъ, а третьяго третьимъ. А все сіе и причиною тому, что многіе въ семъ

пунктѣ въ мнѣніяхъ своихъ весьма погрѣшаютъ, и не примѣчая сихъ божескихъ награжденій и наказаній, думаютъ, что беззаконія довольно не наказуются, а добродѣтели не награждаются. и весьма не справедливо ропщутъ на своего Создателя, и тѣмъ не вѣдомо какъ грѣшатъ предъ тѣмъ, которому предуказывать никакого не имѣютъ они права, и которой въ тысячу разъ лучше ихъ знаетъ, какъ кого чѣмъ и когда наградить, или наказать.

КЛЕОНЪ.

Но хорошо это сударыня въ нынѣшней жизни. Въ ней много есть чѣмъ можно Богу насъ наградить, напримѣръ: честью, богатствомъ, знатностью, здоровьемъ и тому подобнымъ, или наказать болѣзньми, нещастіями и прочее: но въ будущей-то жизни сударыня чѣмъ онъ насъ награждать и наказывать будетъ. Вѣть тамъ надѣюсь въ такихъ вещахъ намъ не будетъ нужды?

ФЕОНА.

О братецъ! кстати ты это спросилъ, мнѣ самой давно ужѐ хотѣлось матушку спросить, правда ли то, что я отъ своей няни да и отъ многихъ слыхала, будто станутъ на томъ свѣтѣ насъ въ огненной рѣкѣ мучить, въ смолѣ варить, и прочее тому подобное?

Г. Ц. * *

О мои любезныя дѣти! что касается до сего пункта; то въ чемъ собственно будущія награжденія и наказанія состоять будутъ, того никто достовѣрно не знаетъ, да и никакъ намъ того понять и узнать не можно. Причиною тому то, что они не отмѣнно должны будутъ согласоваться съ обстоятельствами будущей нашей жизни, такъ какъ нынѣшнія согласуются съ обстоятельствами нынѣшней. А сіи обстоятельства будущей нашей жизни отъ насъ скрыты и намъ нимало не извѣстны, и мы всего меньше знаемъ, какое будетъ на насъ

насъ тогда тѣло, и въ состояніи ль мы будемъ имъ такимъ же образомъ чувствовать пріятности и прискорбія, какъ чувствуемъ мы нынѣшнимъ, а не зная сего, не можемъ мы потомъ судить и ничего о томъ съ достовѣрностью заключать, какое собственно то блаженство и какое наказаніе будетъ, которыхъ мы безсомнѣнно себѣ послѣ смерти ожидать должны тѣмъ паче, что самому Богу не было угодно намъ о томъ въ подробности открыть. А все что мы знаемъ, состоитъ въ томъ, что будущее награжденіе и блаженство будетъ таково не оцѣненно и хорошо, что мы такого состоянія въ нынѣшней жизни никакъ вообразить не можемъ, и какъ бы ни воображали: но оно все будетъ лучше, а равномѣрно и наказаніе толь тяжко и столь для насъ мучительно, что мы ни коимъ образомъ здѣсь представить себѣ того не можемъ, и какъ бы его себѣ жестокимъ ни воображали; но оно все будетъ хуже и

тяжелѣ, а притомъ и длиться вѣчно. Однимъ словомъ, въ разсужденіи сего пункта, тщетно будетъ все наше любопытство, и мы должны довольствоваться тѣмъ, что знаемъ, и не стараться открыть то, что скрыть отъ насъ угодно было нашему Создателю.

КЛЕОНЪ.

Вотъ сударыня ажно это какъ! а я истинно сего не вѣдалъ, а думалъ въ правду, что насъ въ сѣрѣ и смолѣ варить будутъ, какъ о томъ я смаленька наслышался. Однако вы матушка меня еще пуще устрашили. По вашимъ словамъ может быть еще хуже будетъ, и многія можетъ быть охотнобъ похотѣли кипѣть въ сѣрѣ и смолѣ, а не въ такомъ мучительномъ состояніи быть, какое тамъ будетъ.

Г. Ц. **

Почему знать. Сіе всего легче статься можетъ. Когда будущее нещастье наше будетъ таково, каково мы себѣ вообразить

здѣсь не можемъ: то должны мы всего худшаго ожидать.

ФЕОНА.

Ахъ, что тогда съ нами будетъ! Я трепещу и отъ одного помышленія, но когдабъ избавились мы отъ того.

Г. Ц. **

Это ни отъ кого инаго какъ отъ тебя самой зависѣть будетъ. Постарайся о томъ здѣсь въ сіи не многіе дни, которые ты на землѣ жить будешь, такъ и избавишся, и всю вѣчность въ такомъ же неудобвообразительномъ и не оцѣненномъ щастіи, радости и веселіи препровождать станешь, каково неудобвообразительно и неописанно нещастіе будетъ.

ФЕОНА.

Кто бы того не желалъ сударыня!

КЛЕОНЪ.

А что касается до меня, то теперь то я вижу, какая въ томъ великая надобность, чтобъ жить здѣсь хорошо и такъ какъ Богъ хо-

хочетЪ. У меня сЪ ума не идетЪ, что вы намЪ сказывать изволили.

Г. Ц. * *

Но ахЪ: ВотЪ прїѢхали кЪ намЪ какїе-то гости. ПойдемЪ дѢти встрѢчать ихЪ. По всему видно что завтра мнѢ не выѢжжать. Они у насЪ вѢрно ночуютЪ, и такЪ можетЪ быть завтра удосужусь я окончить вамЪ матерїю о БогѢ.

ѲЕОНА.

ОченЪ бы хорошо сударыня это было.

❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖

РАЗГОВОРЪ X.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц. * * и ея дѢтьми.*

Г. Ц. * * ПроводивЪ гостей и пришедЪ сЪ дѢтьми вЪ садЪ

Ну, на силу я сжила гостей сЪ своихЪ рукЪ: но слава Богу, намЪ осталось еще время сколько нибудь поговорить между собою.

Кле:

КЛЕОНЪ.

Да матушка, и я тому не вѣдомо какъ радъ, и боялся ужѐ чтобъ они не пробыли у насъ до вѐчера, и чтобъ мнѣ не лишиться удовольствія слышать то, о чемъ мнѣ не терпѣливо знать хочется.

Г. Ц. * *

А о чемъ такомъ мой другъ?

КЛЕОНЪ.

О сударыня! у меня вчерашній нашъ разговоръ, а особливо то, что вы намъ при концѣ сказывать изволили, не выходилъ ни на минуту почти изъ памяти. Я воображалъ правосудіе божеское и тѣ наказанія, которымъ мы подвергнемся, и признаюсь, что меня они очень смущали и приводили въ страхъ и ужасъ, и какъ мнѣ не вѣдомо какъ о томъ болѣе поговорить хотѣлось: то вздумалось мнѣ съ давишнымъ нашимъ, гостемъ завесть о томъ разговоръ въ то время, какъ мы съ нимъ давича поутру здѣсь въ саду гуляли, а вы матушка съ матерью его въ хоро-

ро-

ромахъ были. Я не сомнѣвался, что онъ о томъ что нибудь знаетъ, потому что по видимому казался онъ мнѣ разумнымъ и знающимъ человѣкомъ: и ласкался уже напередъ, что я отъ него что нибудь полезное услышу. Но чтожъ сударыня здѣлалось? Я долго не зналъ, какъ бы мнѣ довесть до того слово, но по щастію явился къ тому наиудобнѣйшій случай; увидѣли мы сударыня, что несли въ виду нашемъ хоронить мертвеца, и услышали вой плачущихъ его родственниковъ. Видно было что то былъ умершій робенокъ; ибо гробокъ былъ маленькой. Я пользуясь симъ случаемъ, сказалъ тогда будто самъ себѣ; но такъ чтобъ гость могъ слышать. Хотѣлось бы мнѣ не вѣдомо какъ знать, что съ симъ робенкомъ на томъ свѣтѣ будетъ? Мы таки большія получимъ либо награжденія за наши добрыя, либо наказанія за наши худыя дѣла, и чрезъ то либо крайне щастливы, либо крайне злополучны будемъ. А сей робенокъ, которой вѣрно

еще ни худа ни добра не дѣлалъ, и котораго Богу ни наградить ни наказать еще не за что, какую-то жизнь получитъ? . . Сказавъ сіе, взглянулъ я на гостя, и требовалъ отъ него такъ сказать глазами, не можетъ ли онъ того мнѣ сказать; ибо словами его просить почиталъ я за неучтивость, такъ какъ онъ мнѣ былъ человѣкъ совсѣмъ еще не знакомой.

Г. Ц. * *

Чтожъ мой другъ, удовольствовалъ ли онъ твое желаніе, и что тебѣ сказалъ?

КЛЕОНЪ.

Что матушка, онъ меня не вѣдомо какъ удивилъ, и я тужилъ ужѐ что съ нимъ зачалъ сію рѣчь. Онъ лукавымъ образомъ усмѣхнувшись, равно какъ меня на смѣхъ поднялъ, и потрепавъ меня по плечу, сказалъ: и! братецъ, пожалуй этакому въ здору не вѣрь. Все это пустяки и бабьи сплѣтни. Какимъ тебѣ тамъ награжденіямъ и наказаніямъ быть. Повѣрь, что ни-

ничего этого не будетъ, и этому нынѣ разумные люди смѣются, а вѣрять тому одни только глупцы и суевѣры.

ѲЕОНА.

Что ты братецъ говоришь! не ужѐ ли въ правду онъ этакой вздоръ тебѣ сказалъ?

КЛЕОНЪ.

Конечно въ правду, и мнѣ лгать на него не для чего. Но сего было еще не довольно. Но какъ мнѣ словà его показались сомнительны, и я самъ усмѣхнувшись и не хотя съ нимъ спорить замолчалъ: то онъ шпыняя надомною далѣе, спросилъ меня: не ужѐ ли я въ правду такъ суевѣренъ и не хочу его словамъ вѣрить, и не дождавшись моего отвѣта, захохотавши говорилъ: когда братецъ ты этому не вѣришь и такъ крѣпко старины держишся, такъ пожалуй-ка пожалуй раскажи намъ свою премудрость; почемужъ бы сударь наказанія и награжденія были, и чѣмъ бы ты изволилъ доказать сію басенку?.. Признаюсь сударыня, что

онъ

онъ симъ вопросомъ и шпынскимъ смѣхомъ совсѣмъ меня спужалъ, и въ такое смятеніе привелъ, что я вдругъ тогда доказать ему сего былъ не въ состояніи.

ѲЕОНА.

И! братецъ, ужè не могъ ты вспомнить того, что матушка вчера и на сихъ дняхъ намъ сказывать изволила. Ежели бы я была на твоемъ мѣстѣ, такъ бы я прямо ему въ глаза̀ сказала, что Богъ еще знаетъ которое вранье, то ли, которому я вѣрю, или то, о которомъ онъ увѣряетъ, и буде бы онъ хотѣлъ, такъ бы тотчасъ ему и доказала.

Г. Ц. * *

Но чѣмъ же бы ты моя радость ему доказала.

ѲЕОНА.

Сударыня, я бы ему ни чѣмъ инымъ какъ правосудіемъ божескимъ доказывать стала. Сперва доказала бы я ему, что Богу надобно быть неотмѣнно правосудно-

судному, а потомъ и то, что ему по сему правосудію своему не отмѣнно какъ добрыя дѣлà наградить, такъ худыя наказать надобно, и когда не въ нынѣшней жизни, такъ въ будущей.

Г. Ц. * *

О голубка моя! но ну, естьлибъ онъ тебѣ сказалъ, что онъ и тому еще не вѣритъ, чтобъ мы послѣ смерти другую жизнь получили, и что онъ и сіе такимъ же вздоромъ и бабьими враками почитаетъ какъ и первое, такъ тутъ-то чтобъ ты ему сказала?

ФЕОНА.

И сударыня, не ужè ли бы онъ таковъ глупъ и не знающъ былъ: чтобъ такую нелѣпую говорить началъ. Да я бы его сочла и Богъ знаетъ какимъ, и болѣе бы говорить съ нимъ не стала: но сказавъ что мнѣ словà его не поняты и превосходятъ мои понятія, не сталабъ съ нимъ какъ съ незнакомымъ человѣкомъ болѣе спорить; но либо завела другую рѣчь, либо его оставила.

Г. Щ **

Сіе послѣднее всего лучше и разумнѣе былобъ, что ты могла съ нимъ здѣлать. Вамъ молодымъ и весьма еще мало знающимъ людямъ отъ такихъ людей, каковъ по видимому сей молодецъ, надобно какъ отъ огня бѣгать и съ ними отнюдь въ такіе разговоры не входить, а то они вамъ и Богъ знаетъ что насказать и невѣдомо какія вредныя мысли въ голову вселить въ состояніи. Мнѣ очень жаль, что я не знала, что сей щоголь такихъ мыслей, и не могла тебя Клеонъ предостеречь отъ него. Но хотѣла бы я знать, чѣмъ же вашъ разговоръ кончился?

КЛЕОНЪ.

Сударыня, теперь я вижу, что и мнѣ такъ-то бы поступить надобно было, какъ сестрица говоритъ. Но я такъ-то поспѣшилъ и ему самымъ тѣмъ правосудіемъ божескимъ доказывать было началъ: но не успѣлъ я о будущей жизни упомянуть, какъ онъ самыми

мыми тѣми словами мнѣ сказалъ, какъ вы, равно какъ на умѣ у него будучи говорить изволили, а именно: что онъ и будущей той жизни не вѣритъ, и что объ ней что ни говоритъ, такъ все сущее вранье и басьни.

ФЕОНА.

Да чтожъ ты братецъ на это сказалъ?

КЛЕОНЪ.

Что сестрица! я вступился за то очень горячо, и сталъ было съ нимъ много говорить, но послѣ тужу что то и дѣлалъ. Онъ меня и всѣ мои словâ только на смѣхъ поднималъ и совсѣмъ меня въ дураки поставилъ, и до того довелъ, что я не зналъ почти что съ нимъ говорить, и невѣдомо какъ былъ тому ужè радъ, что попался ему бѣгущей по полю заецъ на глазà, котораго не успѣлъ онъ увидѣть, какъ ему ужè не до разговоровъ со мною было. Онъ взбѣгался, взметался, вскричалъ, завопилъ и здѣлался какъ съ ума

сшедшій; тужилъ что не было съ нимъ его любезной сучки, спрашивалъ, нѣтъ ли у насъ борзыхъ собакъ, охотникъ ли я до оныхъ, ѣжжу ли на поле, много ли у насъ зайцовъ и прочее тому подобное. Но я такъ на него ужѐ сердитъ былъ, что ни одного сло́ва почти не отвѣтствовалъ: но сказалъ коротко, что у насъ ни собакъ и ничего нѣтъ.

ФЕОНА.

Эхъ братецъ! когда ты съ нимъ спорилъ, такъ бы тебѣ спросить его, чтожъ по его мнѣнію съ нами будетъ, когда мы умремъ.

КЛЕОНЪ.

Было это сестрица у насъ въ разговорѣ. Онъ говоритъ, что съ нами ничего не будетъ, и что мы какъ умремъ, такъ совсѣмъ пропадемъ.

ФЕОНА.

Вотъ какой вздоръ. Не съ ума ли онъ сошелъ?

КЛЕОНЪ.

Да одно ли это сестрица, мало ли чего и другаго и какого вздора онъ не говорилъ. По его мнѣнію въ рядъ ли въ насъ и душа-то есть, иное истинно сестрица ажно ужасно слушать сударыня, а иному я самъ хохотать принужденъ былъ. Да чтожъ еще: Онъ говоритъ, будто не одинъ онъ, а многіе такъ-то думаютъ. Не ужѐ ли это правда матушка? Мнѣ кажется онъ лжетъ на другихъ, кому иному можно такой вздоръ имѣть въ головѣ.

Б. Ц. **

Что касается до сего послѣдняго, а именно: что многіе такими мыслями заражены, такъ это съ лишкомъ правда. Къ нещастію временъ нашихъ размножилось сіе зло съ лишкомъ въ народѣ, и сіи вздорныя мысли и подобныя тому, заразили многихъ людей; но что сожалѣнія всего достойнѣе, то не однихъ молодыхъ вѣтреныя и не основательныя мысли имѣющихъ

щихъ людей, на которыхъ и дивить уже нѣчего; но есть между ими въ самомъ дѣлѣ многіе впрочемъ разумные, постоянные и такіе люди, которымъ бы всего уже неприличнѣе имѣть таковыя мысли, и отъ которыхъ бы всего меньше того ожидать надлежало.

КЛЕОНЪ.

Но умилосердитесь сударыня, чтожъ бы тому причиною было. Вѣть они съ чего нибудь сіе да взяли жъ?

Г. Ц..

Ахъ любезныя дѣти! причинъ тому съ лишкомъ много, и мнѣ жаль что теперь нѣкогда о томъ вамъ въ подробности разсказать. Однако не думайте, чтобъ всѣ ихъ подобныя сему мнѣнія имѣли какое нибудь основаніе. О нѣтъ мои любезныя! Они всего далѣе отъ истинны удалены, и естьли вамъ мило ваше благополучіе, и естьли не хотите чтобъ вы погибли и вѣ вѣкъ нещастными были,

были, то прошу васѣ, а не только что совѣтую, чтобѣ вы отнюдь ничему такому не вѣрили, не смотря какѣ бы васѣ кто ни сталѣ увѣрять, и не только увѣрять: но и доказывать, и какѣ бы вѣроятно вамѣ то ни казалось. Но почитайте всегда всѣ таковыя мысли сущею отравою и себѣ ядомѣ, и повѣрьте мнѣ, всего меньше причину васѣ обманывать имѣющей, что ничего нѣтѣ сего несправедливѣе, и что бо́льшая часть говорящихѣ сіе, такіе люди, которые погрузясь вѣ порочную и беззаконную жизнь, или имѣя кѣ тому великую склонность, и всего меньше надежду имѣя быть послѣ смерти благополучными, охотнобѣ вѣ сердцѣ своемѣ хотѣли, чтобѣ то была правда, чтобѣ вѣ насѣ ни души, ни будущей жизни не было; дабы имѣ можно было вѣ семѣ случаѣ на свѣтѣ семѣ жить ничего не боясь, и безѣ угрызенія совѣсти дѣлать все что имѣ хочется. И потому стараются себя насильно вѣ томѣ у-

вѣрить, чтобъ никакая опасность о будущихъ наказаніяхъ ихъ не тревожила. Въ самомъ же дѣлѣ бо́льшая часть изъ нихъ говорятъ истинно сами не зная что, и со-той изъ нихъ не знаетъ тому ни малѣйшихъ доказательствъ, а забралъ таковыя пагубныя мысли себѣ въ голову по единой наслышкѣ отъ другихъ не болѣе его знающихъ, и для той же причины то утверждающихъ. Самыя лучшія изъ нихъ не инако какъ прельщены нѣсколькими на свѣтѣ бывшими вредными людьми, искавшими славы въ томъ, чтобъ развратить сердца̀ и умы многихъ людей, возстать противъ самого Бога и его закона, и умѣвшими къ нещастью ядовитыми и прельстительными своими сочиненіями не чувствительно влить сей ядъ въ сердца̀ многихъ невинныхъ, а иногда и самыхъ впрочемъ разумныхъ людей, и довести ихъ до того, что они прельстясь мнимыми ихъ высокими мысльями, и повѣря однимъ ихъ сло-

словамЪ, даже до того себя забываютЪ, что вЪ угожденіе имЪ дѣлаются врагами самому Богу, и вкупѣ сЪ ними противЪ самого Создателя своего вооружаются. Однако, чтобЪ они и всѣ обожатели пагубныхЪ ихЪ мнѣній ни говорили, чтобЪ ни утверждали, и какЪ бы ни старались истинну заглушить и свѣтЪ на свой ладЪ перевернуть; но для нихЪ свѣтЪ и обстоятельства онаго не перемѣнятся и истинну они никогда не преодолѣютЪ.

ФЕОНА.

О сударыня! по этому былЪ нашЪ гость опасной человѣкЪ. Повѣрите ли, я кЪ нему теперь ажно отвращеніе получила.

Г. Ц. **

То подлинно что опасной, и вамЪ сЪ нимЪ осторожнѣе надобно обходиться; буде онЪ впредь кЪ намЪ пріѣжжать будетЪ. Но что я говорю, вы вЪ жизнь свою не одного его, а много такихЪ найдете. Обходитесь со всѣми

ими осторожнѣе, и чтобъ вамъ быть отъ нихъ въ лучшей безопасности: то не входите никогда съ ними о томъ въ разговоры, покуда вы не выростете большими, и покуда случай не допуститъ васъ прочесть все то, что противъ всѣхъ такихъ развратителей на свѣтѣ было говорено и писано.

КЛЕОНЪ.

Развѣ это было сударыня?

Г. Ц. **

Конечно мой свѣтъ! ибо какъ сіе зло съ лишкомъ велико и вредно, и какъ всѣ таковые не только сами отъ неразумія въ бездну погибели погружаются, но не знаю что за утѣшеніе въ томъ находятъ, чтобъ и другихъ, а особливо молодыхъ и не знающихъ людей такими жъ пагубными мнѣніями заразить и въ нещастіи товарищами себѣ здѣлать: то ученые и въ неосновательности таковыхъ мнѣній довольно удостовѣренные люди и не преминули всю неосновательность оныхъ во многихъ книгахъ и сочиненіяхъ наи-

яснѣй-

яснѣйшимъ образомъ доказать, а истинну защитить. И вы знайте, любезныя дѣти! что нѣтъ ни одного ихъ мнѣнія, ни одного ихъ возраженія, которое бы не было оспорено и опровергнуто, и котораго бъ неосновательность къ стыду самихъ изобрѣтателей оныхъ не была наияснѣйшимъ образомъ доказана, и о сихъ-то книгахъ и сочиненіяхъ я упоминаю.

ѲЕОНА.

Но какъ же матушка, когда такія сочиненія есть, то для чего жъ не читаютъ ихъ тѣ разумные люди, о которыхъ вы давича сожалѣли?

Г. Ц**

О томъ надобно самихъ ихъ спрашивать, а не меня; а я только скажу, что бо́льшая часть изъ нихъ отъ самой сей оплошности въ числѣ сихъ нещастныхъ людей находятся. Бо́льшая часть изъ нихъ не только не читывала: но и не знаетъ, что они есть на свѣтѣ, а ежели бы они осторожнѣе были, и прежде нежели такому

опасному вздору повѣрили, не много поусумнились, и спросили, нѣтъ ли чего еще противъ того говореннаго, и правда ли еще то что они говорятъ? И естьлибъ напередъ ихъ прочли: то вѣрно знаю, что многіе бы вмѣсто обожанія къ нему сущее отвращеніе получили, какъ тому многіе и примѣры есть.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! не скоро же я теперь такимъ молодцамъ повѣрю: но и первое спрошу, обстоятельно ли они все то знаютъ, и читалиль они что противъ того на свѣтѣ писано?

ФЕОНА.

Да кто имъ велитъ братецъ сказать правду, они и первое тебѣ скажутъ, что читали и готовы тебѣ въ томъ побожиться.

КЛЕОНЪ.

Да я сударыня таковъ глупъ не буду, чтобъ тотчасъ имъ въ томъ и повѣрилъ. Но когдабъ

они и сохвастать мнѣ похотѣли, такъ я имъ скажу: очень хорошо, такъ по крайней мѣрѣ я всего того еще не читалъ, а до того времени не хочу входить въ сїе опасное и не извѣстное мнѣ дѣло, и говорить о томъ, чего я не знаю. И такъ пожаловалибъ они до того времени подождали и меня оставили съ покоемъ.

Г. Ц. **

Это всего будетъ лучше и всего разумнѣе мой другъ. Я бы желала, чтобъ многїе такимъ же образомъ поступали. Дѣло бы и для нихъ и для всѣхъ было лучше.

ФЕОНА.

Да, сударыня.

Г. Ц. **

Но мы заговорились ужè любезныя дѣти о семъ постороннемъ дѣлѣ, надобно намъ къ продолженїю своихъ разговоровъ приступить. Мнѣ очень хочется окончить съ вами въ севоднешнїй вечеръ всю матерїю о Богѣ. И

такъ оставимъ сихъ господъ съ покоемъ умничать какъ хотятъ; а станемъ говорить свое, и о томъ что они враньемъ называютъ. Пускай оно вранье: но я знаю, что оно въ тысячу разъ вамъ будетъ полезнѣе и въ угодность ихъ враньемъ никогда не сдѣлается. Ну, скажижъ ты мнѣ Клеонъ, ужѐ не усумнился ли ты въ правду въ чемъ, и не повѣрилъ ли господину Вольнодумову?

КЛЕОНЪ.

И сударыня! ужѐ бы я ему болѣе нежели вамъ повѣрилъ. Никогда этого не будетъ. Однако хотѣлъ бы я, чтобъ вы мнѣ что нибудь въ подтвержденіе о награжденіяхъ и наказаніяхъ сказали. Они у меня съ ума не идутъ.

Г. Ц. • •

О мой другъ! я бы могла тебѣ невѣдомо сколько доказательствъ насказать: но это будетъ слишкомъ долго, и обо всемъ томъ услышите вы впередъ довольно и предовольно, и сами

увидите, что всему тому статься никакъ не можно, что они говорятъ. А теперь только скажу, что достовѣрность будущихъ награжденій и наказаній не только правосудіемъ божескимъ; но и самимъ тѣмъ доказать можно, что мы здѣланы свободными, то есть, такими, что можемъ по произволенію своему и доброе и худое дѣлать, и въ семъ пунктѣ чрезвычайно отмѣнны отъ прочихъ животныхъ. Да мало ли чѣмъ еще. Самое то обстоятельство, что не всѣ наши добрыя дѣла въ здѣшней жизни награждаются, а худыя наказываются. Многіе истинну сію подтвердить могутъ.

КЛЕОНЪ.

А какимъ же это образомъ сударыня?

Г. Ц.**

А вотъ какимъ мой другъ. Всѣ мы это видимъ и никто въ томъ спорить не можетъ, что не всѣ беззаконники въ нынѣшней жизни наказанія получаютъ, а добродѣтельные награждаются: но многіе

гіе изъ первыхъ не смотря на всѣ свои злодѣянія, въ благоденствіи живутъ и умираютъ; а изъ послѣднихъ не смотря на всю свою благочестивую и добродѣтельную жизнь, весь свой вѣкъ въ горестяхъ, печаляхъ и нещастіяхъ препровождаютъ: и когда сіе не оспоримо: то подумайте, можетъ ли сіе такъ остаться, и согласно ли сіе будетъ съ совершенствами нашего великаго Бога? Ежели положить что такъ останется: то не крайнее ли то будетъ отъ него неправосудіе? И возможно ли чтобъ онъ будучи столь великимъ Существомъ и самовластнымъ Создателемъ, Владѣтелемъ и Правителемъ мира, могъ безъ всякаго взысканія и наказанія оставить такихъ ничтожныхъ тварей, каковы мы человѣки, которые употребляя во зло свою свободную волю, отваживаются ему дѣлать ослушаніе, презирать его повелѣнія, и иногда даже до такого чрезвычайнаго дерзновенія доходятъ, что забывъ, что онъ ихъ Создатель, Богъ и такой Господь, котораго небо

небо и земля трепещетЪ, и у котораго все, вся вселенная и самое ихЪ дыханіе во власти, и предЪ которымЪ они хуже нежели паутина; самого его ни во что почитаютЪ, поднимаютЪ на смѣхЪ и ругаются его повелѣніями, идутЪ противЪ самого его, дѣлаютЪ изо всего того, что онЪ намЪ самЪ открыть соблаговолилЪ, сущую игрушку, и хотятЪ насильно себя изЪ подЪ его власти исторгнуть? Возможно ли, говорю, сему статься, и чтобЪ онЪ никакой отмѣны и никакого преимущества не здѣлалЪ? На противЪ того тѣмЪ, которые его какЪ должно почитаютЪ, во всемЪ ему повинуются и во всемЪ ему угождать стараются, чтобЪ онЪ сихЪ сравнялЪ сЪ оными? Подумайте, возможно ли такому не правосудному Богу быть, и можно ли безЪ ужаса подумать о томЪ? АхЪ, любезныя дѣти! одному помышленію о семЪ надлежало бы насЪ вЪ страхЪ и трепетЪ приводить.

ѲЕОНА.

То подлинно что такъ, сударыня.

Г. Ц.**

Но когда Богу не обходимо надобно быть всесовершеннѣйшему и между прочимъ правосуднѣйшему: то всего натуральнѣе уже можно заключить, что всѣ таковыя злодѣянія безъ наказанія вѣрно не останутся. Когдажъ въ нынѣшней жизни не всегда и не со всѣми они бываютъ: то не выходитъ ли само собою, что надобно неотмѣнно быть другой послѣ смерти, въ которой бы какъ сіи не наказанныя беззаконія наказались, а не награжденныя добродѣтели наградились? А что они здѣсь не наказуются и не награждаются, такъ это зависитъ отъ произволенія премудрѣйшаго нашего Создателя и отъ судебъ его неиспытанныхъ, о которыхъ знаемъ, что они всегда справедливы и праведны, и съ безконечною его премудростію согласны.

КЛЕОНЪ.

Да, сударыня! это конечно такъ.

Г. Ц.**

Но хотябъ сего и сему подобныхъ многихъ другихъ доказательствъ безсмертiю нашихъ душъ мы не имѣли; такъ на конецъ одно то могло бы насъ удостовѣрить, что самъ Богъ именно намъ сiе открыть нѣкогда соблаговолилъ, и обудущихъ наказанiяхъ и награжденiяхъ насъ удостовѣрилъ. И такъ развѣ мы и ему самому не хотимъ вѣрить, и самого его дѣлаемъ лжецомъ?

КЛЕОНЪ.

Какъ сударыня, развѣ это бывало?

Г. Ц.**

Конечно бывало, и бывало не однажды, какъ вы о томъ послѣ довольно услышите.

ФЕОНА.

Такъ какъ же ему-то ужѐ не вѣрить! и можно ли сударыня ужѐ сомнѣваться въ томъ? Такому

вели-

великому и всесовершенному Богу, можно ли сказать неправду и насъ обманывать?

Г. Ц. **

Ты сама разсуди моя радость, а между тѣмъ знайте, что самое сіе обстоятельство, что онъ неправды никакой не можетъ сказать, а того меньше дѣлать, и составляетъ особое его свойство извѣстное подъ именемъ *праведности или правдивости*, по которому намъ безсомнѣнно должно вѣрить, что онъ безконечно правдивъ и всегда обѣщанія и слова свои исполняетъ вѣрно. Но что нашъ Клеонъ такъ задумался?

КЛЕОНЪ.

Что? сударыня, вы сими послѣдними словами меня еще пуще прежняго устрашили. Теперь не сумнѣваюсь я болѣе ни мало о будущихъ наказаніяхъ, и признаюсь, что меня привело сіе въ великое замѣшательство. Теперь представляю я себѣ Бога чрезвычайно страшнымъ, и что съ нами бѣдными бу-

будетъ, когда онъ такъ справедливъ и безконечно правосуденъ? Погибшія мы твари.

г. Ц. * *

О! не будь такъ отчаянъ мой другъ; но вѣдай, что каковъ Богъ съ сей стороны страшенъ, таковъ съ другой пріятенъ и любезенъ. Ты еще не обо всѣхъ его свойствахъ слышалъ; но мнѣ осталось вамъ расказать теперь еще объ одномъ его свойствѣ, и освойствѣ такомъ, которое тебя невѣдомо какъ ободритъ и сдѣлаетъ то, что ты Бога полюбишь.

КЛЕОНЪ съ радостію.

О матушка! такъ извольтежъ сказать, куда бы я того хотѣлъ.

г. Ц. * *

Вѣдайте мои любезныя дѣти, что Богъ сколь съ одной стороны правосуденъ и страшенъ, столь съ другой милостивъ и человѣколюбивъ. Сіе происходитъ отъ того, что онъ таковою жъ безконечною лобовію къ своимъ созданіямъ преисполненъ, каковы велики

лики и безконечны и всѣ прочія его свойства и совершенства. Сіе подъ именемъ *любви* или *любви* божеской извѣстное его свойство таково что я довольно словъ не найду вамъ величину, неизмѣримость и неоцѣненность оной изобразить. Какъ бы вы ея себѣ ни представляли, но она все больше.

КЛЕОНЪ.

Но въ чемъ же сударыня состоитъ сія любовь божеская?

Г. Ц. * *

Она состоитъ въ томъ, любезныя дѣти! что онъ созданіямъ своимъ, а въ томъ числѣ и намъ, всякого добра желаетъ, и ему пріятно когда мы благополучны. Однимъ словомъ, онъ любитъ насъ не инако какъ отецъ дѣтей своихъ. Но, о когда бы вы знали! сколь сія любовь его велика, какія дѣла онъ изъ единой сей безконечной своей любви къ намъ предпринималъ и предпринимаетъ, какое попеченіе объ насъ всегда имѣетъ, какое сожалѣніе о

о погибающихъ самовольно, какое стараніе о преклоненіи насъ къ добру и о приведеніи на лучшій и спасительнѣйшій путь употребляетъ. Такъ же сколь онъ къ намъ милостивъ, сколь безъ всякихъ нашихъ заслугъ благосклоненъ и щедръ, сколь охотно намъ всякое добро дѣлаетъ, сколь снисходителенъ къ прозьбамъ самыхъ беззаконнѣйшихъ, и сколь не скоръ къ предпріятію достойнаго и заслуженнаго нами наказанія. Вы удивились бы сему, и сердца̀ ваши вспаменились бы къ нему наитеплѣйшею любовію.

КЛЕОНЪ.

Но когда же вы матушка о семъ расказать намъ изволите, теперь што ли?

Г Ц**

О нѣтъ мои любезныя! теперь было бы сіе долго; ибо надобно знать, что объ одномъ семъ пунктѣ невѣдомо сколько говорить бы можно было. Все это узна́ете вы послѣ обстоятельно,

когда

когда мы о свѣтѣ, о правленіи оннаго, о бывшихъ въ немъ происшествіяхъ; такъ же и о Христіанскомъ законѣ говорить будемъ, а теперь надобно мнѣ вамъ только короткое понятіе о любви божеской дать, и то сказать, что изъ сей любви божеской проистекаютъ четыре особыя свойства, извѣстныя подъ именемъ *благости*, *милости*, *милосердія* и *долготерпѣнія* божескаго, и истолковать, что каждое изъ нихъ значитъ.

ѲЕОНА.

Очень хорошо сударыня, а благо мнѣ давно знать хотѣлось, что такое значитъ Всеблагій Богъ, которое слово мнѣ слыхать случалось. Вѣть благое называется сударыня худое?

Г. Ц. * *

О нѣтъ моя радость! благое совсѣмъ не то значитъ, и тебѣ сіе славенское слово не такъ разумѣть надобно какъ въ разговорахъ употребляется, но благое зна-

значитъ то же, что мы въ разговорахъ добрымъ называемъ, а подъ именемъ благости божеской разумѣется то, что онъ намъ не только всякаго добра желаетъ и оное дѣлаетъ: но дѣлаетъ съ великою охотою, и такъ какъ отецъ своимъ дѣтямъ всякаго добра желаетъ и имъ всякое доброе охотно дѣлаетъ. Примѣчайте это любезныя дѣти! и знайте, что для самого того онъ и хочетъ, чтобъ мы всѣ не только благополучны, но и такъ блаженны были, каковъ онъ самъ блаженъ, и для самого того во всякое время и всѣми средствами насъ къ тому доводить, преклонять, побуждать, и наконецъ, что всего важнѣе, самъ невидимымъ образомъ намъ въ томъ помогать старается.

КЛЕОНЪ.

Но умилосердитесь, сударыня! когда онъ таковъ благъ и милостивъ: то не можноль бы ему насъ по неволѣ заставить добрыя дѣла̀ дѣлать, дабы мы благополучны были.

Г. Ц. * *

О нѣтъ мои любезныя дѣти. Ему насъ какъ къ добрымъ дѣламъ всегда неволею принуждать, такъ до худыхъ неволею всегда не допускать, никакъ не можно, и не можно для того, что мы сдѣланы однажды свободными созданіями, такъ какъ я вамъ ужѐ не однажды сказывала, а не такими какъ прочія животныя. Въ семъ случаѣ были бы мы равно какъ машины или часы заведенные, и когдабъ мы по неволѣ все дѣлали, такъ бы насъ и наградить и благополучными сдѣлать было не за что. Ибо, судите сами, можно ли часамъ за то спасиба сказать, что они вѣрно идутъ; или бранить, что они погрѣшаютъ? Они ли тому причиною, и чѣмъ они правы или виноваты, когда ужѐ такъ а не инакъ мастеромъ сдѣланы, и не мастеръ ли всему причиною? А такъ равно и съ нами. Отъ насъ требуются не невольныя, а произвольныя и прямо отъ насъ зависящія дѣла̀, и Богъ хо-

хочетЪ, чтобЪ мы изЪ единой кЪ нему любви и послушанія, а не такЪ сказать, изЪ подЪ палки дѣлали дѣла̀ добрыя, а худыя оставляли, и сіе для того, чтобЪ можно ему было насЪ за то благополучными сдѣлать. Почему видите, что самая та жЪ благость и любовь тому причиною.

ФЕОНА.

ВотЪ сударыня какЪ ажно это, стану же я сіе помнить!

Г. Ц. * *

Помнить сіе конечно надобно. ЧтожЪ касается до *милости божеской*, то подЪ симЪ словомЪ собственно разумѣется то, что БогЪ намЪ помянутое всякаго рода добро, не только по нашимЪ заслугамЪ: но всего чаще безЪ всякихЪ нашихЪ заслугЪ дѣлаетЪ. Помните сіе любезныя дѣти, и знайте, что сіе свойство божеское превеликаго примѣчанія достойно. По правосудію своему онЪ насЪ награждаетЪ за дѣла̀ по достоинству, а по милости осыпаетЪ ча-

сто щедротами своими, и горазд больше нежели мы чего достойны.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ это сударыня ему можно?

Г. Ц. * *

Конечно можно, ибо какъ сіе хорошее дѣло; то оно ни мало не противно его прочимъ совершенствамъ, но паче составляетъ особое и такое совершенство, которое для насъ всего утѣшительнѣе и драгоцѣннѣе. И, о какъ щастливъ тотъ человѣкъ, которой сихъ милостей его удостоится, и оныя съ должнымъ благодареніемъ принимая, часъ отчасу множайшихъ удостоивается! А напротивъ того коль нещастливъ тотъ, которой принимая сіи милости безъ всякой благодарности, оными ни мало не уважаетъ, или того хуже, не почитая ихъ такими, насильно ихъ отъ себя отвергаетъ, и тѣмъ наконецъ какъ недостойной того оныхъ лишается, и теряетъ сокровище, котораго ни

ничто не можетъ быть драгоцѣннѣе.

ѲЕОНА.

О сударыня! въ какое чувство привели вы меня матушка, у меня ажно слёзы навернулись.

Г. Ц. * *

Радуюсь мое сердце, что въ тебѣ такое чувствіе вижу, и желалабъ чтобъ ты съ молоду къ таковымъ блаженнымъ чувствїямъ привыкла, и помышленіями о милостяхъ божескихъ чаще себя къ тому поощряла. О! въ какую бы пользу обратилось вамъ сіе, и какое бы преимущество получили вы предъ многими; когдабъ съ младыхъ своихъ лѣтъ сдѣлались Богу любезными и его милостей удостоились! Повѣрьте, что ничто такъ человѣку не полезно, какъ примѣчаніе и признаваніе всѣхъ ниспосылаемыхъ отъ Бога къ нему милостей, и частое о томъ помышленіе и напоминаніе, и ничто не можетъ насъ такъ много въ любви и почитанію

нію его поощрятъ, какъ сіе напоминаніе.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! какъ бы хотѣлось мнѣ о семъ поболѣе съ вами поговорить. Однако отложу то до другаго случая, а теперь дозвольте мнѣ спросить, чтобъ такое подъ именемъ *милосердія* божескаго разумѣлось?

Г. Ц. * *

Подъ именемъ *милосердія* разумѣется то свойство божеское, что онъ такъ насъ любитъ и такъ къ намъ снисходителенъ, что сколь онъ ни великъ, сколь ни страшенъ: но не презираетъ и прозьбы самыхъ злѣйшихъ беззаконниковъ: хотябъ того они нимало достойны не были. Но какъ скоро хотябъ самой бѣднѣйшій человѣкъ къ нему воздохнулъ и съ истиннымъ усердіемъ къ нему прибѣгнуть и его о милости просить восхотѣлъ, такъ онъ по милосердію своему и его не презираетъ, и къ нему обращается и дѣ-

дѣлаетъ ему всякое возможное добро и все то, что по его премудрому усмотренію ему сдѣлать и оказать можно.

ѲЕОНА.

О какъ и это утѣшительно!

Г. Ц. * *

Чтожъ касается до послѣдняго его свойства извѣстнаго подъ именемъ *долготерпѣнія* божескаго, то, о любезныя дѣти! не меньше и оно для насъ утѣшительно какъ и прочія. Состоитъ оно въ томъ, что Богъ по безконечной своей любви къ намъ, не тотчасъ насъ за наши худыя и беззаконныя дѣла̀ наказуетъ, такъ какъ мы того достойны и какъ правосудіе его требовалобъ. Но наказанія сіи отлагаетъ отъ времени до времени, и по любви, благости и милосердію своему и сожалѣнію объ насъ, колико можно, щадитъ и иногда долгое время медлитъ и беззаконія терпитъ ожидая нашего обращенія: къ наказаніямъ же не прежде приступаетъ, какъ ужѐ

тогда, когда либо никакой надежды о нашемъ покаяніи и обращеніи не останется, либо зло уже съ лишкомъ, и такъ увеличится, или такого, что онаго ему для другихъ святыхъ и ему извѣстныхъ причинъ терпѣть далѣе не можно. Вотъ каковъ милосердъ къ намъ и съ сей стороны нашъ Производитель!

ФЕОНА.

Конечно сударыня, и теперь вижу я, что и сіе его свойство великаго примѣчанія достойно.

Г. Ц. * *

Ты правду говоришь моя радость: и вамъ сіе всегда помнить, однако притомъ и то знать надобно, что вамъ никогда не должно сіе долготерпѣніе божеское во зло употреблять и въ надеждѣ на его милосердіе и долготерпѣніе худыя дѣла дѣлать, какъ-то за многими водится. Не позабывайте никогда, что Богъ хотя и долготерпѣливъ: но помянутыя наказывать его побуждающія причины

ны и дленіе его долготерпѣнія намъ никогда не извѣстно, а потому всего скорѣе мы можемъ въ томъ обмануться и скорѣе наказанію подвергнуться, нежели думаемъ.

КЛЕОНЪ.

Теперь дозвольте мнѣ матушка еще одно слово у васъ спросить. Я всѣ ваши слова̀ слушалъ, и хотя молчалъ; но не меньше приходилъ въ чувствіе какъ и сестрица: но одного только я не знаю и такого, о чемъ еще вчера спросить мнѣ хотѣлось.

Г. Ц. * *

Очень хорошо, теперь спрашивай себѣ пожалуй.

КЛЕОНЪ.

Умилосердитесь сударыня! когда Богъ насъ такъ безконечно любитъ, когда такъ къ намъ милостивъ, милосердъ, долготерпѣливъ, такое сожалѣніе объ насъ имѣетъ и такъ много желаетъ, чтобъ мы были благополучны; то для чегожъ не можнобъ было ему

вамъ вины и преступленія наши прощать? . . . Вѣть бы сіе отпусканіе нашихъ винъ было бы не дурное, а хорошее дѣло и не противное его любви? . . . Изъ милости хотябъ онъ намъ ихъ отпускалъ.

Г. Ц. * *

Нѣтъ мой свѣтъ! любвибъ хотя было сіе не противно: но противнобъ правосудію, а вамъ надобно знать, что Богу какъ всесовершенному Существу, не иныя можно дѣла̀, какъ такія дѣлать, которыябъ со всѣми его свойствами были согласны и ни которому изъ нихъ не противны. Однако не думайте чтобъ и въ семъ случаѣ оставлены мы были безъ всякаго утѣшенія. Но вѣдайте, что по самой сей безконечной божеской любви и по желанію намъ добра и сожалѣнію объ насъ, сей же самой великой и правосудной Богъ изыскалъ на конецъ такое средство, посредствомъ котораго оно ни мало не нарушая своего правосудія, намъ грѣхи и преступленія наши откускать и чрезъ то

насЂ отЂ вѣчнаго наказанія избавлять можетЂ.

КЛЕОНЂ.

Не вЂ правду ли сударыня?.. О какЂ вы меня симЂ обрадовали! ЧтожЂ вы намЂ до сего этого не сказывали?

Г. Ц. * *

Конечно правда; почемужЂ бы намЂ и просить его, чтобЂ онЂ намЂ грѣхи наши отпустилЂ, какЂ мы о томЂ его ежедневно просимЂ. А не сказывала я вамЂ сего, для той причины, что о семЂ услышите вы послѣ?

КЛЕОНЂ.

Но какимЂ же это матушка образомЂ, и чтобЂ то было за средство?

Г. Ц. * *

О мои любезныя дѣти. Сіе средство составляетЂ великое дѣло и уму нашему непостижимое таинство. Обстоятельно о томЂ узна́ете вы послѣ, а теперь только скажу, что самое сысканіе

сего средства, есть основаніемъ всей связи Христіанскаго закона, которой мы исповѣдуемъ, и что симъ толь для насъ утѣшительнымъ и неоцѣненнымъ средствомъ могутъ пользоваться не всѣ, а одни только исповѣдающіе законъ Христіанской.

КЛЕОНЪ.

Какъ сударыня, такъ не всѣ люди?

Г. Ц. * *

Нѣтъ мой другъ! а одни только Христіане имѣютъ сіе преимущество, да и тѣ не всѣ могутъ имъ пользоваться, а только одни наблюдающіе всѣ тѣ условія, подъ какими сіе отпущеніе грѣховъ обѣщано.

КЛЕОНЪ.

Какія это условія сударыня?

Г. Ц. * *

Все это узнаете вы послѣ, а теперь скажу, что и носящихъ на себѣ имя Христіанъ, всѣхъ безъ разбора для того сей великой и неизреченной милости удостоить

Богу

Богу было не можно, что многіе бы вѢ надеждѢ на то и пользуясь свободною своею волею, умышленно грѢшить и Богу противныя дѢла̀ дѢлать стали, и никому бы не было нужды производить Богу угодныя дѢла̀; такЪ же что былобЪ крайне не согласно сЪ его правосудіемЪ, ежелибЪ всѢхЪ ихЪ безЪ разбора простить и не здѢлать никакой отмѢны между злыми и добродѢтельными. Для самого того и положены БогомЪ и предписаны нѢкоторыя условія, и опредѢлено, чтобЪ только тѢ одни могли пользоваться сею не заслуженною милостію, которые изЪ послушанія и вЪ угодность Богу самопроизвольно похотятЪ стараться о исполненіи тѢхЪ условій, состоящихЪ вообще вЪ томЪ, чтобЪ не только всему тому вѢрить, чему учитЪ насЪ законЪ Христіанской; но и стараться исполнять все то, что онЪ предписываетЪ, и жизнь свою такЪ вести, чтобЪ она колико можно согласнѢе была сЪ волею божескою.

ФЕОНА.

О сударыня! такъ по этому Христіанской законъ очень важенъ, надобно же намъ и его узнать стараться?

Г. Ц. **

Безсомнѣнно, и тѣмъ паче, что безъ того вы щетно на себѣ имя Христіанъ носить будете. А изъ сего можете вы заключить, сколь много погрѣшаютъ и теряютъ тѣ, кои сей спасительной законъ ни малаго уваженія не удостоиваютъ, или того хуже, отвергая ему вѣрить не хотятъ.

КЛЕОНЪ.

Что касается до меня, то теперь-то вижу я, что Богъ насъ конечно болѣе любитъ, нежели мы его. Стану же я стараться самъ болѣе его любить съ сего времени.

Г. Ц. **

Конечно, и надобно мои любезныя дѣти! и не только любить: но почитать и бояться. Вы видите теперь каковъ нашъ Богъ. Какъ

съ

съ одной стороны великъ, безконеченъ, непостижимъ, всемогущъ и правосуденъ, такъ на противъ того съ другой и милостивъ, и по всему можете ужè сами разсудить, что намъ не надобно всуе употреблять неизреченную его къ себѣ любовь и милосердіе, и можно ли ужè пенять человѣку, когда онъ на всѣ его къ себѣ милости не смотря, безпрестанно противъ его упорствовать станетъ, и его волѣ не повинуясь, послѣ не минуемому себя наказанію подвергнетъ. Однако все сіе еще ни что противъ того, что вы впредь о божескихъ намъ милостяхъ услышите. Любовь и милосердіе его къ намъ конечно неизреченно, и мы того ни мало не заслужили. И такъ, помнитежъ любезныя дѣти все то, что вы отъ меня слышали. Теперь расказала я вамъ все, что до Бога вообще касается, и что вамъ на первой случай объ немъ знать надобно было. И вы вѣдайте, что все сіе можно однимъ разумомъ узнать, кромѣ только пун-

пункта касающагося до отпущенія грѣховъ; а сіе равно какъ и прочее наиважнѣйшее, что вамъ о Богѣ узнать еще осталось, сказываетъ уже намъ законъ Христіанской; но сіе узнаете вы тогда, когда обстоятельства допустятъ насъ также поговорить, какъ мы и теперь о натуральномъ познаніи Бога говорили. Будьте только прилѣжны и имѣйте охоту слушать и не поскучте; а за мною дѣло не станетъ, какъ пріѣду я изъ города домой, тогда стану съ вами о свѣтѣ, а потомъ собственно о человѣкѣ говорить. Я раскажу вамъ сколько знаю, что такое весь сей свѣтъ, указываетъ на небо и во всѣ стороны: такъ и сіе наше земное обиталище, какъ онъ и всѣ вещи въ ономъ устроены Богомъ, и все то, что намъ о правленіи божескомъ имъ извѣстно. А потомъ что такое человѣкъ собственно, какъ онъ устроенъ, въ какихъ обстоятельствахъ находится и какъ ему надлежитъ жить; и что дѣлать и чего

не

не дѣлать, и какъ ему себя къ доброму пріучать; а отъ худаго отучать наиспособнѣе на тотъ конецъ, чтобъ онъ былъ благополученъ. Изъ всего того вы еще больше изящность и непостижимость божескихъ свойствъ и совершенствъ усмотрите, о которыхъ я теперь только вкратцѣ расказала, и удивленіе ваше еще болѣе увеличится.

ФЕОНА цѣлуя у матери руку.

Благодарствуемъ сударыня, что вы намъ столь много хорошихъ вещей расказать изволили. Теперь я ужѐ не боюсь Госпожи Беттиды, и хотя не на всѣ; а ужѐ на многое могу ей отвѣтствовать.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня обѣщаю съ своей стороны̀ во все то время какъ вы проѣздите, ни однажды не рѣзвиться. Мы съ сестрицею довольно найдемъ упражненій. Мы станемъ съ нею о слышанныхъ отъ васъ вещахъ разговаривать, и чрезъ то ничего не позабудемъ.

Г. Ц.

Г. Ц. * *

Очень хорошо мои любезныя дѣти, а я въ воздаяніе за то привезу обѣимъ вамъ по гостинцу.

РАЗГОВОРЪ XI.

МЕЖДУ КЛЕОНОМЪ и ФЕОНОЮ, а потомъ пріѣхавшею къ нимъ гостьею, Госпожею Мелиндою, дочерью одной сосѣдки.

КЛЕОНЪ пришедъ въ садъ, и увидѣвъ сестру.

Гдѣ вы сестрица такъ долго были? Я искалъ васъ вездѣ, но ни гдѣ не могъ найти. Два раза былъ здѣсь въ саду, ходилъ въ рощу: однако ни гдѣ васъ не было.

ФЕОНА.

Я только теперь сюда пришла, а была въ нижнемъ саду, и распрашивала мужика, которой пріѣхалъ изъ города. Онъ сказываетъ, что будто слышалъ, что матушка сего дня домой пріѣдетъ.

детЪ. Однако я не очень тому вѣрю.

КЛЕОНЪ.

Для чегожЪ сестрица не вѣрить? МатушкѢ ужѐ пятой день какЪ со двора поѢхала, время ужѐ домой быть. Куда бы я радЪ былЪ, естьлибЪ она сего дня прїѢхала. Завтра бы начали мы продолжать свои разговоры, а ежели бы рано прїѢхала, такЪ сталЪ бы я и сего дня еще просить, чтобЪ она хотя не много сЪ нами поговорила.

ФЕОНА.

Я сама братецЪ не терпѢливо ея дожидаюсь, и мнѢ хочется очень знать, о чемЪ бы такомЪ собственно она началà сказывать. О БогѢ она намЪ теперь ужѐ все пересказала, и знаешь ли братецЪ что я сдѢлала?... Во все сїи дни думала я обо всемЪ, что матушка говорила, и не только думала; но чтобЪ лучше не позабыть, взяла поллиста бумаги и записала на немЪ всѢ божескїя свойства

и совершенства по порядку, и послѣ за твердила ихъ наизусть и теперь могу все пересказать по пальцамъ.

КЛЕОНЪ.

Ты очень хорошо сдѣлала сестрица, напрасно не сдѣлалъ и я того же. Однако раскажите мнѣ, какъ вы написали, такъ бы я сегодняжъ ввечеру это сдѣлалъ.

ФЕОНА.

Я записала вкратцѣ и не многими словами, и ежели тебѣ надобно, такъ я тебѣ отъ сло́ва до сло́ва перескажу. Сперва написала я, въ чемъ Существо божеское состоитъ, а именно: что онъ *великой Духъ*, имѣющій *жизнь*, также *разумъ* и *волю*; а пото́мъ написала я, что онъ Существо *наисовершеннѣйшее* и переписала всѣ его свойства и совершенства, а именно: 1.) его *вѣчность*, 2.) *самобытность*, 3.) *непремѣнность*, 4.) *вездѣсущіе*, 5.) *всевѣдѣніе*, 6.) *всемогущіе*, 7.) *премудрость*, 8.) *святость*, 9.) *правосудіе*, 10.) *правед-*

ность,

ность, 11.) любопь, 12.) благость, 13.) милость, 14.) милосердіе, 15.) на конецъ долготерпѣніе.

КЛЕОНЪ.

Вы это право очень хорошо сестрица вздумали, и я признаюсь, что я бы ихъ такъ порядочно пересказать не могъ, какъ вы теперь пересказали.

ФЕОНА.

Такъ не позабылъ ли ты братецъ нашихъ разговоровъ?

КЛЕОНЪ.

Какъ сударыня! я чтобъ ихъ позабылъ. О нѣтъ сестрица! я ихъ вѣрно не позабылъ; а на противъ того самъ сударыня объ нихъ все ходя въ саду и въ рощѣ, размышлялъ, и ты спросилабъ, сколько у меня прозьбъ и вопросовъ матушкѣ приготовлено. Я жду и не дождусь ее.

ФЕОНА.

О чемъ же такомъ ты хочешь ее просить, и что спрашивать?

КЛЕОНЪ.

Мало ли о чемъ сестрица, иное находилъ я себѣ непонятное, и

мнѣ

мнѣ хочется чтобъ она мнѣ объяснила то болѣе, а иное такое, о чемъ мнѣ нетерпѣливо скорѣе знать хочется, и о чемъ хочу я ее просить, чтобъ она какъ можно скорѣе мнѣ о томъ расказала.

ФЕОНА.

Да чтожъ бы такое тебѣ было очень не понятно, скажи-ка братецъ, можетъ быть я лучше твоего поняла и моглабъ объяснить тебѣ?

КЛЕОНЪ.

Я не думаю сестрица чтобъ и ты о томъ знала, потому что матушка о томъ намъ еще и не расказывала. Напримѣръ: какое бы то средство было, которое Богъ сыскалъ для отпущенія винъ нашихъ, не нарушая своего правосудія? Вѣть этого не знаешь и ты сестрица. Матушка изволила намъ сказать, что перескажетъ намъ при другомъ случаѣ: однако мнѣ хотѣлось бы того гораздо скорѣе. Повѣришь ли сударыня, что мнѣ это божеское правосудіе и поны-

нѣ

нѣ съ ума не идетъ? Вчера я часа съ три развѣ объ одномъ этомъ думалъ, и въ великой страхъ пришелъ; а особливо вспоминая, что Богу безъ того средства ни малѣйшей вины отпустить намъ не возможно, но за всякую будемъ мы наказаны; да еще и наказанія толь ужасно великія будутъ. Вѣть ужаснуться надобно это напомнивъ, разсуди сама сестрица, какъ много и какъ часто можемъ мы предъ Богомъ провиниться, а особливо: когда мы еще не знаемъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ и вещей, которыя ему противны, также и того, какъ намъ отъ сихъ остеречся, или пользуясь тѣмъ неизвѣстнымъ еще намъ средствомъ, отъ наказанія за нихъ избавиться.

ФЕОНА.

Это такъ братецъ. Я сама о томъ ужѐ размышляла; однако намъ надобно взять терпѣніе, а между тѣмъ утѣшаться размышленіемъ о божеской къ намъ любви и милости. Матушкѣ ужѐ знать по причинѣ не возможно

намъ

намъ теперь того пересказать. И такъ, пускай сударь расказываетъ она намъ что изволитъ по порядку.

КЛЕОНЪ.

То такъ сударыня, однако мнѣ хотѣлось бы знать и прежде. Я тебѣ скажу и для чего. Не помнишь ли ты, какъ въ послѣднiй разговоръ матушка изволила упоминать, что мы великое преимущество получимъ, ежели съ молодыхъ лѣтъ постараемся сдѣлать себя Богу любезными и прiятными: то сiе слово не выходитъ у меня также изъ памяти, и меня такъ тронуло, что мнѣ невѣдомо какъ захотѣлось, какъ можно скорѣе такимъ здѣлаться? Я думалъ самъ въ себѣ, куда бы это въ правду хорошо было, естьлибъ Богъ меня съ маленька удостоилъ особливой своей любви и милости. Повѣришь ли сестрица, во мнѣ сердце съ радости такъ сказать прыгало? Какъ скоро воображалъ себѣ, что въ семъ случаѣ со мною было, и какiебъ я

имѣлъ

имѣлъ выгоды. И первое ужѐ что не имѣлъ бы я причины ничего на свѣтѣ бояться, а напротивъ того не инаго чего какъ добраго ожидать себѣ могъ. Ибо подумай сама: когда бы Богъ меня въ особливости любить сталъ, то не сталъ либъ онъ обо мнѣ имѣть особливое и попеченіе, и въ самомъ дѣлѣ какъ отецъ о своемъ сынѣ стараться.

ФЕОНА.

То такъ братецъ.

КЛЕОНЪ.

Но, о сестрица! ты спросила бы, въ какую радость одно сіе слово меня приводило. Я останавливался на семъ словѣ и самъ себѣ говорилъ: о какъ это будетъ хорошо, естьли у меня въ самомъ дѣлѣ отцомъ будетъ то самое великое и Всемогущее Существо которое не только меня; но и весь свѣтъ создало, и у котораго все во власти, и которое все здѣлать можетъ что похочетъ,

и которое всегда подлѣ меня находится, меня и всѣ обстоятельства мои видитѣ, и наиточнѣйшимѣ образомѣ и лучше всѣхѣ знаетѣ что для меня вредно, что полезно, которое никакого зла не только дѣлать, но и желать мнѣ не можетѣ. Но на противѣ того скорѣе отѣ всякаго зла меня сохранить вѣ состоянiи, и которому всего легче сдѣлать меня невѣдомо какѣ благополучнымѣ, и естьли похочетѣ осыпать всякими благодѣянiями, кѣ которому всего скорѣе могу прибѣгать и на которое смѣло могу я во всякомѣ случаѣ полагаться и отѣ него всякаго защищенiя надѣяться; ибо чего ему такому Всемогущему не можно сдѣлать. Повѣришь ли сестрица, что всѣ сiи и тому подобныя мысли, вѣ такую радость сердце мое приводили, что я не отваживался почти и ласкать себя надеждою, чтобѣ вѣправду могѣ нажить себѣ такого Отца, и радѣ бы ужѐ былѣ и невѣдомо какимѣ щастiемѣ себѣ почелѣ, естьли

такое великое и Всемогущее Существо мнѣ хотябъ не Отцомъ, а хотябъ другомъ и пріятелемъ было. И въ семъ бы случаѣ я невѣдомо какъ щастливъ былъ?

ФЕОНА.

Ахъ! братецъ, ты еще лучше моего сдѣлалъ, что въ такихъ прекрасныхъ мысляхъ упражнялся. О какъ милъ мнѣ твой поступокъ, и какъ трогаешь и прельщаешь ты меня имъ! Самому Богу надѣюсь пріятны были сіи мысли, и ему мило было смотрѣть на тебя такимъ образомъ разсуждающаго.

КЛЕОНЪ.

О когдабъ это было въ правду, и когдабъ я того удостоился, чтобъ ему было пріятно, куда бы я тому радъ былъ, всегда бы это я сталъ дѣлать! Но постой сестрица, я тебѣ далѣе и то раскажу, къ чему я сію рѣчь началъ. Не успѣлъ сударыня я симъ образомъ хорошенько поразмыслиться,

какъ почувствовалъ въ себѣ невѣдомо какое желаніе, какъ можно о томъ стараться и съ тогожъ времени неотмѣнно того искать и добиваться. Но тутъ сдѣлался вопросъ, какимъ же образомъ можно мнѣ скорѣе до того дойти? Ничего еще мы съ тобою не знаемъ, что намъ именно дѣлать и чѣмъ себя до того доводить, чтобъ Богу мы любезны были. Матушка не изволила намъ еще сего сказывать, и Богъ еще знаетъ когда будетъ о томъ говорить. И такъ думаю я неотмѣнно и какъ можно просить матушку, чтобъ она мнѣ поскорѣе расказала, что мнѣ дѣлать, а особливо: какъ мнѣ къ тому именно приступать и начинать то дѣлать. Это мнѣ пуще всего знать хочется; а то иное бы и радъ сдѣлать, да не умѣешь какъ, и буде ей не можно теперь о томъ начать, а неотмѣнно надобно говорить о другомъ и какъ она изволила упоминать, о свѣтѣ: то не льзя ли между тѣми разговорами намъ по-

маленьку о томъ сказывать? Но какъ, не знаю, послушаетъ ли меня матушка: то вспомнивъ намняшній матушкинъ совѣтъ, чтобъ намъ самого Бога о томъ просить, чтобъ онъ насъ научилъ такъ жить какъ ему угодно. Сталъ я сестрица на колѣни, и вообразивши себѣ присутствіе божеское, сталъ просить его и говорилъ: Великій Боже! когда ты Вездѣсущъ: то безсомнѣнно видишь меня и мое теперешнее желаніе быть тебѣ угоднымъ и пріятнымъ: а когда Всевѣдущъ, то безсомнѣнно знаешь о томъ, что я не знаю еще того, что мнѣ именно дѣлать и какъ до того доходить, чтобъ былъ я тебѣ милъ, а когда ты Всемогущь и все сдѣлать можешь, и тебѣ намѣреніе мое не противно а пріятно; то помоги мнѣ самъ скорѣе то узнать и до того достигнуть, чтобъ ты меня любилъ, и чтобъ могъ я смѣло тебя моимъ Отцомъ называть и на тебя какъ на Отца во всемъ надѣяться. По непостижимой пре-

мудрости твоей лехко ты можешь найти и способы къ тому. Услышь прозьбу мою великій Творецъ! . .

ФЕОНА.

Полно братецъ, о семъ не могу далѣе слушать тебя безъ особливаго чувствія .... Куда право ты какой. Тебя расцѣловать за это надобно. Самую ты меня невѣдомо какъ къ томужъ построилъ. Но молчи братецъ, оба попросимъ вмѣстѣ о томъ матушку и какъ ей насъ не послушать; но хотѣлось бы мнѣ знать, чтобъ такое стала она намъ о свѣтѣ расказывать, не ужѐ ли мы и о свѣтѣ столь же мало знаемъ, какъ знали о Богѣ?

КЛЕОНЪ.

Можетъ быть сестрица! матушка не даромъ изволитъ говорить, что намъ знать надобно и о свѣтѣ. Да не помнишь ли что она однажды упоминать изволила, что мы тогда только прямо Бога

га и премудрость его узнаемъ, когда узнаемъ устроеніе сего свѣта? О когдабъ это было, то съ охотою моею сталъ бы ее слушать! Мнѣ очень хочется часъ отчасу больше узнать Бога. А устроенія свѣта я въ самомъ дѣлѣ не знаю, да дивлюсь еще тому; почемужъ бы это матушка знать изволила.

ФЕОНА.

Этому дивиться не чему, матушка наша училась и читывала очень много, да знать она ужè знаетъ, когда расказывать намъ хочетъ, и знать и то намъ очень надобно. Но что мы стали здѣсь на одномъ мѣстѣ братецъ, пойдемъ-те проходимся по саду. Погода такая хорошая, мы можемъ и ходя говорить.

КЛЕОНЪ ходя съ сестрою по алеямъ и цвѣтникамъ и взглянувъ на небе.

Да вотъ и первое сестрица! я ужè не знаю, посмотри-ка сударыня

ня на это, да вотъ на это облако [указываетъ на облако] вѣть они оба по одному небу бѣгаютъ, какже это такъ сестрица! Бѣленькое то кажется стоитъ, а это которое по темнѣе, бѣжитъ да и очень еще скоро.

ѲЕОНА.

Да братецъ вижу, и сама этому дивлюсь: вѣть когда бы бѣжать, такъ бы надобно обѣимъ имъ бѣжать, а и стоять также. Развѣ братецъ одно одного выше?

КЛЕОНЪ.

И то статься можетъ, хотя намъ и кажутся они оба равно высоко: но нѣтъ сестрица, какже бы нижнее то не упало, когда оно ниже верьхняго, такъ по этому оно ужѐ не по небу бѣгаетъ: почему же оно такъ летитъ, и что его держитъ, что оно не упадаетъ?

ѲЕОНА.

И! братецъ, оно очень легко, какъ ему упасть, не видывалъ ли

тьѣ

ты какъ перышки по воздуху летаютъ, такъ то я думаю и облака? Видишь ли ты какое это легонькое облачко, не бойсь, оно пера не тяжелѣе?

КЛЕОНЪ.

Воля твоя сестрица, я не хочу съ тобою спорить, только этого не знаю: но скажи же ты мнѣ, какъ высоко оно когда не на небѣ?

ФЕОНА.

Не бойся, очень высоко братецъ, намъ чуть его видно: но постой сударь, спрошу я у тебя сама, чтобъ ты думалъ, куда эти облака летятъ и гдѣ дѣваются? Каждой почти день они другъ за другомъ летятъ. Гдѣ ихъ такое множество уже берется братецъ?

КЛЕОНЪ.

Вотъ сударыня! сколько мы уже нашли такого чего не знаемъ, а ежели еще поискать, такъ и болѣе вещей найдется, которыя намъ ни мало не знаемы.

ФЕОНА.

Погоди на часокъ братецъ, мнѣ послышилось что кто-то растворилъ въ садъ двери, не за нами ли идутъ? Не матушка ли пріѣхала?

КЛЕОНЪ.

Конечно пріѣхала, вотъ и коляску отъ крыльца повезли.

ФЕОНА.

Гости гости братецъ, да вотъ они къ намъ идутъ, пойдемъ къ нимъ на встрѣчу, да кто бы это такой былъ, я издали не разсмотрю?

КЛЕОНЪ.

И! сестрица, какъ ты не видишь, это Госпожа *Мелинда*, дочь Госпожи Филиды, но откуда бы она взялась и гдѣ мать ея?

ФЕОНА подбѣжавъ.

Здравствуйте матушка, откуда вы взялись? Ужѐ какъ давно мы съ вами не видались.

Г. МЕЛИНДА.

Здравствуй моя радость. Это правда, что мы уже очень давно не видались. Мы пробыли всю зиму и весну въ Москвѣ.

ФЕОНА.

Да не теперь ли вы изъ Москвы сударыня?

Г. МЕЛИНДА.

Теперь жизнь моя ѣдемъ, да уже какое радость моя безпокойство! Какая это проклятая пыль! И какъ это въ каретѣ душно!

ФЕОНА.

Да гдѣ ваша матушка сударыня, не въ хоромы ли изволила пойти? Чтожъ мы братецъ здѣсь медлимъ? . . . Пожалуйте матушка въ хоромы.

Г. МЕЛИНДА.

Нѣтъ! моя радость. Матушки моей въ хоромахъ нѣтъ. Она еще не бывала, а мнѣ итти туда не хочется, я и такъ въ каретѣ какъ въ тюрьмѣ все завѣсившись

сидѣла и наскучила, и для того услышавъ что вы въ саду, прямо къ вамъ пошла, чтобъ прогуляться. Не согласитеся ли походить со мною по вашему саду, я его давно уже не видала?

ѲЕОНА.

Ежели вамъ это угодно, такъ пожалуте сударыня, мы очень тому ради будемъ. Да какже вы это матушка моя одни? И гдѣ осталась Госпожа Филида?

Г. МЕЛИНДА.

Матушка моя заѣхала вмѣстѣ съ вашею матушкою на часокъ къ Господину Эрасту, навѣстить его въ печаляхъ.

КЛЕОНЪ.

Да гдѣ же вы нашли нашу матушку?

Г. МЕЛИНДА.

Мы съѣхались сударь съ нею на дорогѣ, она ѣхала домой, а и мы изъ Москвы также домой пробирались, и такъ согласились чтобъ заѣхать ночевать къ вамъ, а между

жду тѣмъ заѣхать къ Господину Эрасту.

ФЕОНА.

Не слыхали ли вы матушка, долго ли они тамъ сидѣть хотѣли и скоро ли будутъ?

Г. МЕЛИНДА.

По крайней мѣрѣ часа три надѣюсь просидятъ. Они хотѣли было и меня туда же завесть: но мнѣ смерть въ такой домъ ѣхать. И для того сколько я могла упрямилась и на силу на силу перемогла, чтобъ мнѣ сюда одной напередъ ѣхать. Разсуди радость моя что за гости, сиди сиди часа три, не удастся ниодного сло́ва промолвить. Вѣть скука возьметъ, все про печали да про болѣзни говорятъ, да про судьбы божескія толкуютъ, и пристать никакъ не можно, а сиди только да зѣвай.

ФЕОНА.

Однако сударыня не худо и посѣтить бѣднаго человѣка. Госпо-

сподинъ Эрастъ теперь я думаю въ великой печали. Не давно у него домъ сгорѣлъ, не бойсь онъ еще и не выстроился, къ томужъ и сожительница его очень больна: и такъ онъ очень радъ этому посѣщенію.

Г. МЕЛИНДА.

И! матка моя, невидальщина его радость и посѣщеніе, поѣхалабъ я себя мучить, мнѣ веселье мое всего дороже. Чего я не видала и что забыла тамъ? Вонъ не бойсь такая что сидѣть не льзя, духота несносная Однимъ словомъ, напоить не бойсь не чемъ, отъ жажды умрешь, да прикажите радость кофію, а не чаю для меня сварить, да чтобъ сливки были погуще.

ФЕОНА.

Тотчасъ будетъ готовъ сударыня; а ты поди братецъ прикажи чтобъ попроворнѣе пріуготовляли.

Г. Ме-

Г. МЕЛИНДА.

Ну, въ чемъ же ты жизнь моя время свое препровождаешь? Не бойсь, вы въ деревнѣ отъ скуки пропали, и я не могу довольно на дивиться Госпожѣ Ц.** Вашей матушкѣ. Какъ таки такъ, и сама себя и васъ какъ въ тюрьмѣ въ деревнѣ заключила: хотя бы для васъ ужè она въ Москву поѣхала.

ФЕОНА.

Никакъ сударыня, намъ и въ деревнѣ не скучно, а въ Москву матушка для того не ѣздитъ, что намъ въ Москвѣ жить не дозволяетъ достатокъ нашъ. Дѣревни у насъ небольшія и доходы малые.

Г. МЕЛИНДА.

И! какъ тебѣ свѣтъ мой не стыдно это говорить. За вами помнится мнѣ около 300 душъ, да вамъ чтобъ въ Москвѣ жить было не чемъ. Это Богъ знаетъ на что походитъ. Повѣришь ли суда-

сударыня, ежели бы я была на твоемЪ мѣстѣ, то бы ни пить, ни ѣсть не стала, а до того довела, чтобЪ вЪ Москвѣ жить? За нами сударыня не многимЪ больше вашаго; да сохрани Господи, ежели бы матушка не захотѣла которую нибудь зиму вЪ Москву ѣхать, я бы вЪ томЪ же еще день слегла вЪ постелю, и чаю подлинно бы занемогла. Не бойсь, поѣхала бы и по неволѣ.

ФЕОНА.

Воля ваша сударыня, а я того сЪ моею матушкою зделать конечно была бы не вЪ состоянїи, да и не смѣла бы.

Г. МЕЛИНДА.

И! моя жизнь, по этому ты сЪ излишкомЪ отЪ матушки своей застращена и ея чрезЪ чурЪ боишься? ОтЪ этого сударыня надобно отвыкать. Это очень подло, и нынѣ смѣются уже тому кто такЪ раболѣпствуетЪ.

ФЕОНА усмѣхнувшись.

НикакЪ сударыня, я не застращена, и не такЪ матушки боюсь

юсь какЪ вы думаете. А почитаю ея какЪ свою родительницу, и за удовольствіе ставлю исполнять то, что она приказываетЪ мнѣ, или желать изволитЪ.

Г. МЕЛИНДА.

И! моя радость, это того еще смѣшнѣе: Она мало ли чего захотѣла бы, или приказывать стала, такЪ то все и дѣлать и всѣмЪ ихЪ своенравіямЪ и слѣдовать. НѣтЪ моя жизнь, я бы ужè кЪ тому конечно не сродна была.

ФЕОНА.

МожетЪ быть сударыня, что вы кЪ тому несродны, а что касается до меня, такЪ я совсѣмЪ противнаго сЪ вами мнѣнія. Я думаю, что когда меня матушка любитЪ, и видя что она всегда о пользѣ моей старается, и все то что ни приказываетЪ, мнѣ же вЪ пользу служитЪ, такЪ надобно мнѣ и самую ее любить, и для чегожЪ не исполнять того что она приказываетЪ, или не быть довольною тѣмЪ, чего она желаетЪ. Она

не къ худому все дѣлаетъ, на примѣръ: Она хотѣла бы чтобъ мы учились, такъ намъ по этому сударыня и не учиться?

Г. МЕЛИНДА.

О! матка моя, всего то бы это смѣшнѣе было, ежелибъ вамъ осю пору еще учиться.

ФЕОНА.

Какъ-бы вамъ сударыня это ни смѣшно было; однако я ни мало тѣмъ ни стыжусь что мы учимся.

Г. МЕЛИНДА.

Ты удивляешь меня радость: не ужè ли ты въ правду еще учишся? Повѣрить жизнь моя не льзя, чтобъ дѣвушкѣ пятнатцати лѣтъ еще учиться. Ха! ха! ха! да чему бы такому ты мой свѣтъ еще училась?... Какой такой наукѣ?.. Ахъ! какъ это смѣшно.

ФЕОНА *будучи не довольна.*

Когда вамъ это такъ смѣшно кажется, такъ на что вы и спрашиваете сударыня. Это не такая наука, которою бы шутить было можно, и для того не прогнѣ-

гнѣвайтесь, что я вамъ и не скажу какая это наука.

г. МЕЛИНДА.

И! матка моя, что такова чувствительна: мнѣ кажется я васъ еще не обидѣла своимъ вопросомъ, да вотъ мнѣ скажетъ вашъ и братецъ, когда вы не хотите сказывать или стыдитесь.

Къ Клеону, которой въ самое то время вошелъ въ садъ.

Скажите батюшка пожалуйте, какой наукѣ вы съ сестрицею учитеся?

КЛЕОНЪ не слыхавъ и не зная что они говорили.

Прекрасной сударыня, и такой какой лучше быть не можно!

г. МЕЛИНДА.

Да какже она батюшка называется, и чему она учитъ?

КЛЕОНЪ.

Я сударыня не знаю какъ она называется, только знаю что она намъ очень нужна, и учитъ какъ

намъ

намъ себя щастливыми здѣлать и очень весела.

Г. МЕЛИНДА.

О! по этому надобно это какой нибудь особливой наукѣ быть, о какой я не слыхивала.

КЛЕОНЪ.

Конечно сударыня не слыхивали, да и учимся мы ей не такъ какъ прочимъ наукамъ учатся. Мы, такъ сказать, играючи ей обучаемся. Матушка изволитъ съ нами гулять и намъ расказывать, а мы только слушаемъ. Вы бы сами сударыня эту науку полюбили, естьлибъ знали какая она и слышали.

Г. МЕЛИНДА къ Феонѣ.

По этому я предъ вами нѣсколько виновата моя радость. Отпусти моя жизнь этотъ проступокъ. Я не знала всего этого, а думала, что вы какой нибудь другой и обыкновенной наукѣ учитесь; а теперь вижу, что этой наукѣ

надо

надобно быть хорошей, а особливо: когда учатся ей играючи и гуляя. Я гулять превеликая охотница, раскажите мнѣ моя радость объ ней обстоятельнѣе, можетъ бы и я ее полюбила.

ФЕОНА.

Никакъ сударыня: вы никогда ея не полюбите, вы къ тому не сродны.

КЛЕОНЪ удивившись, видя сестру свою осердившуюся.

Я не понимаю сестрица, для чего бы вы такъ сурово Госпожѣ Мелиндѣ отвѣтствовали.

ФЕОНА.

Вы не слыхали братецъ что мы прежде сего говорили Госпожѣ Мелиндѣ очень это смѣшно что мы учимся. Она смѣется и тому что мы и матушку слушаемъ, а спрашивала и васъ братецъ умышленно, чтобъ узнавъ какая это наука, ея послѣ на смѣхъ поднять.

нять. На чтожъ намъ объ ней сказывать? Вы знаете что это не такая наука, которая бы шутить собою дозволяла.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! когда это такъ было, такъ я сожалѣю, что не зная началъ было сказывать, теперь и я того ужѐ не здѣлаю: [къ Мелиндѣ] но позвольте себя сударыня спросить; почему бы вамъ это такъ смѣшно казалось, что мы матушку слушаемъ и учимся?

Г. МЕЛИНДА.

Куда каковы вспыльчивы вы оба мои свѣты, и когда требуете отъ меня усильно, такъ я не обинуяся скажу, что, мнѣ смѣшно что вы учитесь; а того еще смѣшнѣе, что вы такъ крѣпко за науку свою стойте. Ежели бы вы въ Москву съ своею наукою показались, такъ бы давно ужѐ васъ всѣ пересмѣяли.

Фео-

ФЕОНА усмѣхаясь.

А мнѣ сударыня смѣшно, что вы такъ говорите. Я хотя въ Москвѣ и не живала: однако слыхала довольно, что тамъ очень много такихъ, которые учатся и держатъ нарочныхъ къ тому Учителей и Мадамъ; да никто имъ не смѣется; да я не знаю чтобъ въ томъ и смѣшнаго было, когда человѣкъ старается узнать своего Создателя, и что на примѣръ: какъ ему жить, чтобъ всѣ его дѣла̀ угодны были Богу, и онъ бы наконецъ не впалъ въ вѣчную погибель.

Г. МЕЛИНДА.

Ха! ха! ха! теперь ужѐ я васъ не спрашиваю, сама матка моя проговорилась . . . . Догадалась ужѐ сударыня, какая ваша наука: Ха! ха! ха! ужѐ подлинно наука, самая веселая и пріятная, только со всею ея веселостію воленъ Богъ, да и она: пускай кто хочетъ себѣ дурачится и учится,

а

а я бы конечно была не намѣрена тому слѣдовать. Вы правду свѣтъ мой сказали, что я къ тому не сродна и ея бы не полюбила, да и вамъ дружески совѣтую, чтобъ вы лучше о томъ молчали. Сохрани Богъ! ежели бы вы такъ въ Москвѣ проболтались, публично бы сударыня освистали васъ, и пальцами бы указывать на васъ начали. . . . Да можно ли чему смѣшнѣе быть, [сама смѣется:] учится такому скучному вздору. Вѣть вамъ не въ попахъ быть и не въ проповѣдникахъ. Повѣрь матка моя, что ты первой примѣръ этому дѣлаешь, и ей ей никто тебѣ не послѣдуетъ. Ха! ха! ха! учиться ужѐ Богословіи, можно ли не смѣяться? Что сударыня, Семинарія или Гимназія у васъ, а ваша матушка не Профессоршею ли быть хочетъ?

ФЕОНА.

Называйте какъ хотите эту науку сударыня, и хоть вѣкъ не только ей: но хотя ни чему не учи-

учитесь, только пожалуйте сударыня оставьте мою матушку съ покоемъ. Не прогнѣвайтесь что я такъ говорю: вамъ ея на смѣхъ поднимать очень не годится. Она васъ умнѣе, и болѣе знаетъ что въ свѣтѣ хорошо и что худо, и мы въ тысячу разъ ей болѣе повѣримъ, нежели вамъ, какъ бы вамъ все смѣшно ни казалось. Я сударыня не сомнѣваюсь, что она будетъ выговаривать вашей матушкѣ, когда услышитъ, что вы такъ ею издѣваетесь.

МЕЛИНДА.

Не очень спасибо, я того устрашаюсь, матушка ваша хотя бы мнѣ самой стала выговаривать, такъ бы я не покраснѣла, что смѣшно то смѣшно, я бы ей и въ глаза сказала.

КАБОНЪ, которой до сего времени стоялъ поосторонь и только Мелиндѣ дивился.

А своей матушкѣ вы чаю ужѐ бы въ глаза плюнули, ежели бы

она васъ бранить за то вздумала?

Г. МЕЛИНДА.

Никакъ сударь: она бы никогда до такой подлости не дошла. Это бы хуже было невѣдомо чего, или какъ нынѣ говорится алабуржоазъ, чтобъ за такую бездѣлицу бранить. Она меня не въ такомъ подобострастіи содержитъ, чтобъ ни слова промолвить я не смѣла. Она знаетъ нынѣшній свѣтъ, и вѣдаетъ какъ это дурно.

КЛЕОНЪ.

Хорошо сударыня, можетъ быть это и правда, только вы меня въ томъ не увѣрите: живите вы съ своею матушкою, а я бы не хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ.

[сказавъ сіе пошелъ Клеонъ прочь, и отходя тихонько сказалъ на ухо Феонѣ]

Перестань сестрица объ этомъ съ нею говорить, вы видите какая она. Развѣ хотите вы чтобъ и

васъ

васъ она розругала. Я право терпѣть болѣе не могу, вотъ другая Фанни!

ФЕОНА.

Перестанемъ матушка объ этомъ спорить. Братецъ спрашивалъ меня, гдѣ мы станемъ кофе пить, не изволите ли въ бесѣдку пожаловать?

Г. МЕЛИНДА.

Очень хорошо матушка моя.

ФЕОНА.

Подижъ братецъ, прикажи приносить въ бесѣдку.

МЕЛИНДА идучи съ Феоною въ бесѣдку.

Боже мой! Ахъ какъ я запылалась! посю пору и не вижу того, [сама отряхивается]: тьфу какая пропасть! а все сударыня ваша коляска это здѣлала. Отъ дому Господина Эраста я ѣхать принуждена была до васъ въ ней, а въ каретѣ они поѣхали, куда какая

это дрянь ваша коляска, въ ней чаю прадѣды ваши ѣжжали!

ФЕОНА.

Никакъ сударыня, она очень не давно дѣлана, тому и трехъ лѣтъ еще нѣтъ, какъ матушка ее купила.

МЕЛИНДА.

Такъ вы нарочно ее купили? Тому-то бы я не повѣрила. Матушка ваша съ излишкомъ ужѐ старины держится. Ужѐ эдакой гробъ купить, для чего бы не карету?

ФЕОНА.

Да у насъ столько достатка нѣтъ, чтобъ карету со всѣмъ приборомъ содержать; да къ томужъ по здѣшнимъ дорогамъ и ѣздить въ нихъ дурно.

Г. МЕЛИНДА.

Это пустое жизнь моя, да лучше ли того, нынѣ послѣднее ужѐ то чтобъ карета была да и

и карета, надобно быть не обходимо новомодной.

ФЕОНА.

О! сударыня, такЪ по этому намЪ всякой годЪ и кареты перемѢнять надобно бы ужѐ было, ежели и на нихЪ такая же мода какЪ на платье, да у насЪ столько и достатка не будетЪ.

Г. МЕЛИНДА.

Да какже изволишь государыня моя? Не ужЪ ли не хочешь ты себѢ и платья моднаго здѢлать? Это бы всего смѢшнѢе было. Пожалуйте сударыня скажите, есть ли у васЪ чепчикЪ алагрекЪ, или алапровидансЪ, или приборЪ алеклипсЪ? (*)

(*) Модныя названія, бывшія у насЪ около того времени вЪ употребленіи, вЪ которое сіе писано. Я не отважился перемѢнить сіе мѣсто и согласоваться сЪ нынѢшними, и тѢмЪ оскорбить нѢжной слухЪ обожающихЪ сЪ излишкомЪ моды.

ФЕОНА.

Что это матушка за чепчикЪ? Я сударыня такихЪ званій еще и не слыхивала.

МЕЛИНДА хохочетЪ.

Ха! ха! ха! какЪ это вы говорите? Еще вы не знаете что такое алагрекЪ, алапровидансЪ и алеклипсЪ. Всего ужѐ это смѣшнѣе, мнѣ кажется и послѣднему мужику надобно ужѐ знать, вЪ какой чести и славѣ нынѣ эти словà и уборы, а вы еще не знаете. Теперь я болѣе ужѐ не дивлюсь.

моды. Смѣшное вЪ чрезмѣрности сего обожанія вЪ прошедшемЪ намЪ примѣтнѣе нежели вЪ настоящемЪ, и приведеніе оныхЪ вЪ примѣрЪ тѣмЪ выгоднѣе, что осмѣянія онымЪ читать могутЪ безЪ досады самые тѣ, которые ихЪ прежде обожали, и кои первые готовыбЪ были освистать того, ктобЪ теперь той модѣ послѣдовать вздумалЪ. КЪ томужЪ, какія бы новѣйшія моды ни привесть вЪ примѣрЪ, тахЪ не будутЪ ли они чрезЪ самое короткое время таковымижЪ старыми?

люсь. Видно... Видно, что матушка ваша васъ очень изрядно воспитываетъ. Ужѐ этого не знать. Можноль бы повѣрить было сему то-то, и первое дѣло чтобъ вамъ теперь знать, какіе уборы и какой фасонъ платья и прочаго въ модѣ, и тому то бы а не такому вздору о какомъ вы давича упоминали, учиться надлежало? Это я въ глаза̀ вашей матушкѣ скажу, что она очень дурно дѣлаетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я хвалю въ этомъ случаѣ свою матушку. Она дала мнѣ на волю одѣвать и убирать себя какъ я хочу, и купить что мнѣ полюбится; да и сама для меня выспрашиваетъ, какія новыя моды. Прошлою зимою не успѣли мы въ Москву пріѣхать, и я эти новомодные уборы увидѣла: то матушка мнѣ съ перваго слова полтораста рублей пожаловала на платье и на уборы, и я одни чепчики дала 50 рублевъ, а платье изъ одной новомодной тафты болѣе 70 рублей мнѣ стоило; да посмотрите моя радость, что

что это за чепчики и какая прелесть! теперь ужѐ нѣсколько они помараны, однако и тутѣ прелести своей не потеряли, а о платьѣ я ужѐ не говорю. Какая это тафта! какѣ хорошо сшито! повѣрите ли, лучше всякаго штофа, и мнѣ истинно жаль его здѣсь надѣвать вѣ деревняхѣ? Ты сама разсуди моя радость, кому на него смотрѣть, и для мужиковѣ ли я надѣну такое сокровище?

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня, а моя матушка для того мнѣ конечно и не дѣлаетѣ такого платья, что носить здѣсь не передѣ кѣмѣ, а сверьхѣ того полтораста рублевѣ для насѣ не такая бездѣлица, какѣ можетѣ быть для васѣ сударыня. Прошлою зимою за недородомѣ хлѣба мужикамѣ нашимѣ есть было нѣчего, и мы принуждены были послѣднія деньги на покупку имѣ хлѣба употребить, да ни мало о томѣ и не тужимѣ, а доволь-

вольны тѣмъ, что они у насъ по миру не ходили какъ у другихъ.

Г. МЕЛИНДА.

И! какъ тебѣ свѣтъ мой не стыдно, такую пустошь говоришь. Ужѐ бы для мужиковъ стала я себя принуждать и платья не дѣлать. По мнѣ хотя бы всѣ они съ голоду переколѣли. Великая мнѣ нужда что они по миру пойдутъ; да хотя бы матушка такое дурачество здѣлать похотѣла, чтобъ на послѣднія деньги хлѣбъ купить, такъ бы я до того никогда не допустила. Я прежде бы занемогла, а не дождалась того, чтобъ намъ не быть въ Москвѣ и мнѣ новаго платья не имѣть.

ФЕОНА.

Очень изрядно сударыня, только я съ вашимъ мнѣніемъ и въ семъ случаѣ не согласна, а за главное себѣ пра́вило почитаю, стараться во всемъ угождать моей ма-

матушкѣ, а вы какъ хотите поступайте съ своею.

КЛЕОНЪ. прибѣжавъ.

Пожалуйте сестрица въ хоромы, матушка и Госпожа Филида изволила только теперь прiѣхать: я для того и кофей не велѣлъ сюда подавать, да знаешь ли сестрица, съ ними прiѣхала и Госпожа Бетида съ Учительницею!

ФЕОНА.

Не вправду ли братецъ, о какъ я ей рада! [къ Мелиндѣ] такъ пожалуйте же матушка, пойдемъ-те въ хоромы, долголи вы у насъ побудете?

Г. МЕЛИНДА.

Не долѣе какъ до завтраго моя радость. Намъ есть нужда быть дома, и матушка невѣдомо какъ спѣшитъ. Мы и на дорогѣ почти не останавливались.

ФЕОНА.

Развѣ какая большая нужда?

Г. Ме-

Г. МЕЛИНДА.

Никакъ моя радость, по моему мнѣнію самая бездѣлица, и я не знаю для чего такъ спѣшить. Ежели бы отъ меня зависѣло, тобы я изъ Москвы никогда не поѣхала. Здѣсь въ деревняхъ какъ въ тюрьмѣ сиди, а тамъ моя радость какъ это весело. Всегда комедіи, оперы, маскерады, гульбища. Можно ли сменить съ деревенскою жизнію?

Этой книге
исполнилось
152 года
в 1928 году

Реставрация 2012-2013 гг.
Художник-реставратор
[illegible] В.Б. РГБ

